

ПРОНИЗИТЕЛЬНО И ПРЕКРАСНО!

Элизабет Гаскелл

ИСТОРИИ СКВОЗЬ ВЕКА

ПОКЛОННИКИ
СИЛЬВИИ

РИПОЛ КЛАССИК

Галерея слов

Элизабет Гаскелл
Поклонники Сильвии

«РИПОЛ Классик»

1863

УДК 82/89
ББК 84.4Вел

Гаскелл Э.

Поклонники Сильвии / Э. Гаскелл — «РИПОЛ Классик»,
1863 — (Галерея слов)

ISBN 978-5-38-614287-2

Англия. Конец XVIII века. Монксхейвен. Небольшой приморский городок, стал свидетелем пронзительной истории любви и одиночества. Это история чувств юной красавицы и двух юношей — соперников за сердце девушки. Сильвия — простая фермерская дочка, добрая и прекрасная. Ее жизнь умерена и спокойна. Единственное ее волнение — возлюбленный бравый гарпунщик Чарли Кин-рэйд, у которого, по слухам, в каждом порту по даме сердца. Захваченная переживаниями, девушка не замечает чувств своего кузена Филиппа. Все неумолимо меняется, когда в их тихий мирок врывается война, утягивая в водоворот безумных событий. Чем же все обернется для героев? И обретут ли они долгожданное счастье в конце пути?

УДК 82/89
ББК 84.4Вел

ISBN 978-5-38-614287-2

© Гаскелл Э., 1863
© РИПОЛ Классик, 1863

Содержание

Глава 1. Монксхейвен	6
Глава 2. Домой из гренландских морей	12
Глава 3. Покупка нового плаща	19
Глава 4. Филипп Хепберн	26
Глава 5. История про вербовочный отряд	32
Глава 6. Похороны моряка	39
Глава 7. С глазу на глаз. Завещание	48
Глава 8. Влечение и отвращение	56
Глава 9. Гарпунщик	63
Глава 10. Строптивая ученица	69
Глава 11. Планы на будущее	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Элизабет Гаскелл

Поклонники Сильвии

Elizabeth Gaskell
Sylvia's Lovers

© Новоселецкая И. П., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2019

* * *

*В твоём же глазе – утешенье!
Но на ответ иль исправленье
Питать надежду на том свете¹.*

¹ Из поэмы А. Теннисона «In Memoriam A. H. N.» (Памяти А. Г. Х.). Гл. 56. Перевод Эммы Соловковой. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Глава 1. Монксхейвен

На северо-восточных берегах Англии раскинулся городок Монксхейвен², где ныне проживают около пятнадцати тысяч человек. Однако в конце минувшего столетия обитателей там насчитывалось вполонину меньше, и именно в ту пору происходили события³, о которых повествуется на следующих страницах.

Монксхейвен – название неизвестное в истории Англии, здесь нашла прибежище одна лишенная трона королева⁴, о чем в городе живы предания. В ту пору на близлежащих возвышенностях восседал укрепленный замок, на месте которого теперь стоял заброшенный особняк; а еще раньше, задолго до прибытия королевы, на тех скалах обосновался ровесник самых древних камней замка – большой монастырь⁵, обозревавший ширь океана, сливавшегося с небом в дальней дали. Сам Монксхейвен возник в устье реки Ди⁶, там, где ее воды впадали в Германский океан⁷. От центральной улицы, что бежала параллельно речному руслу, ответвлялись узкие улочки, карабкавшиеся вверх по крутым склонам холма, а между ним и рекой притулились жилые дома. Через Ди был перекинут мост, и, соответственно, от него отходила Мостовая улица, которая шла строго перпендикулярно Главной; и к югу от реки в окружении садов и полей расположились несколько более помпезных домов. Именно в этой части города проживала местная знать. И кто же были аристократы этого маленького городка? Не отпрыски графских родов, чтившие традиции наследования в своих особняках на девственно суровых вересковых пустошах, которые отгораживали Монксхейвен от остального мира на суше столь же надежно, как и вода со стороны океана. Нет, представители этих старинных фамилий чурались неприятного, но рискованного ремесла, благодаря которому из поколения в поколение обогащались некоторые семьи Монксхейвена.

Магнатами Монксхейвена слыли те, кто владел наибольшим количеством судов, занятых в китобойном промысле. Жизнь монксхейвенского паренька из этого класса обычно складывалась следующим образом: наряду с другими юнцами, числом человек двадцать, а то и больше, он поступал юнгой на корабль одного из богатых судовладельцев – возможно, собственного отца. Летом вместе со своими товарищами он ходил в Гренландские моря, ранней осенью возвращался с добычей, а зимой наблюдал, как в топильнях производят масло из ворвани, и постигал науку навигации под началом какого-нибудь чудаковатого, но опытного наставника, одновременно учителя и моряка, сдабривавшего уроки волнующими рассказами о безумных приключениях своей юности. На период «мертвого» сезона, длившегося с октября по март, он вместе со своими товарищами поселялся в доме владельца судна, к которому их определили в ученики. Там отношение к этим юношам разнилось в зависимости от платы за обучение: одни находились на том же положении, что и хозяйские сыновья, с другими обращались чуть лучше, чем со слугами. Однако стоило им взойти на борт судна, все сразу становилось равны: если кто и претендовал на превосходство, то только самый отважный и способный. Совершив определенное количество выходов в море, монксхейвенский паренек постепенно дослуживался до

² Прототипом Монксхейвена (Monkshaven – букв. «прибежище монахов») является приморский город Уитби (Whitby) на северо-востоке Англии (графство Норт-Йоркшир), который Э. Гаскелл посетила в ноябре 1859 г., когда он представлял собой развивающийся курорт с населением около 11 000 человек.

³ Действие в романе разворачивается в 1793–1800 гг.

⁴ Единственной королевой, имевшей отношение к Уитби, была Энфледа Дейрская (626–685), жена короля Нортумбрии Освиу (612–670), который отдал на воспитание святой Хильде (614–680), настоятельнице монастыря Уитби, свою дочь Эльфледу (654–714), и та впоследствии, по смерти св. Хильды, сменила ее на посту аббатисы.

⁵ Монастырь Уитби был основан св. Хильдой в VII в. и разрушен викингами в IX в.

⁶ Под рекой Ди подразумевается река Эск, в дельте которой стоит Уитби.

⁷ Германский океан – так называлось Северное море до конца XIX в.

капитана и, как таковой, получал право на долю добычи; вся его прибыль и сбережения шли на постройку собственного китобойного судна, если только ему не посчастливилось родиться в семье судовладельца. В то время, о котором я пишу, в монксхейвенском китобойном промысле разделения труда фактически не существовало. Один и тот же человек мог быть владельцем шести-семи китобойных судов, командовать одним из них, обладая необходимыми навыками и опытом, держать два десятка учеников, каждый из которых платил ему приличную сумму, и иметь в собственности топильные цеха, где перерабатывали на продажу добытую ворвань и китовый ус. Посему неудивительно, что эти судовладельцы наживали огромные состояния и их дома к югу от Ди являли собой величавые особняки, обставленные красивой добротной мебелью. Не удивляло и то, что город в целом имел земноводный облик, что до некоторой степени было необычно даже для морского порта. Здесь все до единого зависело от китобойного промысла, и почти каждый обитатель мужеского пола был – или надеялся стать – моряком. В определенное время года в низовьях реки витал почти нестерпимый запах, который, кроме жителей Монксхейвена, мало кто смог бы вынести, но местные старики и дети часами торчали в тех вонючих «доках», словно упивались смрадным духом ворвани.

Впрочем, довольно описывать сам город. Я говорила, что этот край на многие мили окрест покрывали вересковые пустоши; высоко над морем вздымались скалы, чьи вершины венчала зелень, травяными прожилками чуть выплескивавшаяся на сиреневые склоны. Тут и там с гор к морю пробивались речушки, проложившие в долинах свои русла, которые водные потоки за многие годы сделали относительно широкими. А во впадинах на вересковых пустошах, как и в этих долинах, густо росли деревья и кустарники; и если на голых возвышенностях нагорья пустынная безотрадность пейзажа вызывала у вас дрожь, то, спускаясь в эти лесистые «ямы», вы очаровывались уютной прелестью прибежища, что находили там. Но над этими не столь часто встречающимися плодородными низинами и вокруг простирались бескрайние пустоши, местами довольно унылые, с обнаженными глыбами красного песчаника, выступающими на облесенных лугах; бывало, попадались и бурые торфяные болота – ненадежная дорога для путников, пытавшихся срезать путь до цели своего путешествия; а песчаные почвы более высоких участков обильно устилал вереск, самый что ни на есть обыкновенный, лиловевший в своей восхитительной первозданности. Кое-где торчали пучки сочной гибкой травы, которую ощипывали маленькие черномордые овечки; то ли из-за скудости пищи, то ли в силу своей природной подвижности сродни козлиной прыти они оставались тощими, не суля больших выгод мясникам, да и шерсть они давали не столь качественную, чтобы приносить доход своим хозяевам. Такие районы и сегодня населены не очень плотно, а в прошлом веке, до того как в сельском хозяйстве стали применяться достижения науки, позволившие осваивать суровую природу болотистых пустошей, и появились железные дороги⁸, в периоды охотничьего сезона доставлявшие издалека любителей охоты, которым требовалось жилье, народу здесь обитало еще меньше.

В долинах стояли старые каменные усадьбы; на пустошах виднелись разделенные длинными расстояниями убогие фермы с крошечными стогами низкосортного грубого сена и чуть более высокими кучами торфа во дворах, которым зимой отапливали дома. Коровы и быки, что паслись на пастбищах, принадлежавших этим хозяйствам, выглядели замороженными, но, как ни странно, морды у них, как и у тех черноголовых овец, были необычайно умные, что можно редко наблюдать у откормленных животных, которым обычно свойственно безмятежно-тупое выражение. Все ограждения представляли собой торфяные валы, поверх которых громоздились камни.

⁸ Первая железная дорога (на конной тяге) была проложена до Уитби в 1836 г.; первая железная дорога на паровой тяге появилась там в 1845 г.

Редкие зеленые долины отличались сравнительно плодородными почвами и богатой растительностью. Вдоль ручьев тянулись узкие полосы лугов с сочной травой, которой, казалось, было вполне достаточно, чтобы коровы могли утолить голод, тогда как на гористых участках пастбища были скудные, и не стоило тратить силы на то, чтобы пускаться на их поиски. Правда, пронзительные ветры, дувшие по течению водных потоков, проникали даже в те райские «ямы», где они гнули и валили деревья, препятствуя их росту, но все равно там оставалось густое пышное мелколесье, сплетавшееся с зарослями куманики, а также малины розолистной (да-да!) и жимолости; и если фермер, проживавший в одной из этих более или менее благодатных лощин, имел жену или дочь, увлекавшихся садоводством, их дом, сложенный из необработанного камня, с западной или южной стороны утопал бы в цветах. Но в ту пору садоводство как искусство не пользовалось популярностью ни в каких районах Англии; на севере страны и по сей день не пользуется. Знать и мелкопоместное дворянство разбивали чудесные сады, но фермерам и поденщикам к северу от Трента⁹ до них было мало дела, это я знаю наверное. Несколько «ягодных» кустиков, один-два куста черной смородины (листья клали в чай для усиления его вкуса, плодами лечили простуду и больное горло), картофельное поле (и на исходе минувшего века картофель не выращивали повсеместно, как теперь), посадки шалфея, Melissa, тимьяна и майорана, может быть, еще розовый куст и «старичок»¹⁰, где-то затесавшийся между ними; крошечная делянка с мелким репчатым луком и, может быть, с календулой, лепестками которой приправляли суп из говяжьей солонины, – из таких вот растений и состоял ухоженный сад-огород на обычной ферме в то время и в том краю, к которым относится мое повествование. Но и на удалении двадцати миль от воды море и морской промысел всюду напоминали о себе; останками ракообразных, водорослями, отходами топильных цехов удобряли почву; поля и пустоши усеивали, вздымаясь дугами над воротными столбами, пугающе огромные, обесцвеченные до белизны кости китовых челюстей. В каждой семье, в той или иной мере кормившейся от сельского хозяйства, один из нескольких сыновей непременно ходил в море, и его мать с тоской поглядывала в сторону побережья, следя за направлением ветра, завывавшего над пустошью. В праздники все устремлялись к морю; никому и в голову не приходило поехать в глубь острова, да и что там смотреть? – разве что посетить большую ежегодную конную ярмарку, которую устраивали в том месте, где дикие ландшафты сменяли населенные районы и возделанные поля.

В этом краю мысли о море не отпускали даже жителей самых глубинных частей острова, тогда как в других уголках страны за пять миль от океана никто уже и не вспоминал про существование такой стихии, как соленая вода. И тому главной, первостепенной причиной, вне сомнения, являлся гренландский промысел прибрежных городов. Но также в то время, о котором я пишу, умы всех и каждого терзали страх и тревога в связи с угрозой, исходившей из пограничного моря.

С окончанием Войны за независимость в Северной Америке отпала необходимость регулярно пополнять ряды военно-морских сил, и средства, выделяемые правительством на эти цели, с каждым годом мирной жизни урезались. В 1792 году размер таких ассигнований достиг минимума. А в 1793-м события во Франции воспламенили Европу, и англичан охватили антигалльские настроения, которые всеми возможными способами умело разжигали монархия и ее министры, подстрекавшие страну к активным действиям. Корабли у нас есть, но где же наши моряки? Однако Адмиралтейство, опиравшееся на богатую практику прецедентов, имело под рукой готовое решение и инструмент общего (пусть и не статутного) права, санкционировав-

⁹ Трент (Trent) – одна из самых значимых рек Великобритании. Берет начало на юго-западных склонах Пеннинских гор в Стаффордшире, протекает по графствам Ноттингемшир, Дербишир, Линкольншир и Йоркшир. Впадает в эстуарий Хамбер Северного моря. Длина – 298 км.

¹⁰ «Старик» – народное название полыни кустарниковой, поскольку, по одной из версий, это растение символизирует старость.

шего его применение. Ведомство издавало «ордера на принудительную вербовку матросов», призывая гражданские власти по всей стране оказывать поддержку офицерам в исполнении их служебного долга. Морское побережье делили на территории под командованием капитанов военных кораблей, а те, в свою очередь, участки вверенных им территорий отдавали в ведение своих помощников. Таким образом, все суда, приписанные к тому или иному порту, а также сами порты находились под надзором, и при необходимости за один день удавалось пополнить военно-морской флот Его величества огромным количеством матросов. И, если возникла острая нужда в людях, Адмиралтейство поощряло самые беспринципные методы набора. Мужчин сухопутных профессий, годных к военной службе, очень быстро обращали в хороших моряков; и стоило им попасть на борт тендера¹¹, всегда ожидавшего успешного окончания вербовочных операций, эти пленники напрочь лишались возможности предъявить доказательства о роде своих бывших занятий, тем более что никто не удосуживался их выслушивать, а если и выслушивали, то не желали им верить, а если случаем выслушивали и верили, то не предпринимали никаких мер для их освобождения. Людей похищали, они исчезали в самом буквальном смысле слова, и больше от них не было ни слуху ни духу. От вербовочных отрядов не было спасения на улицах оживленных городов, как мог бы сказать лорд Терлоу¹²: однажды в ту пору, прогуливаясь по Тауэр-Хилл¹³, он, генеральный атторней Англии, был схвачен вербовщиками и на собственной шкуре испытал то, как Адмиралтейство весьма оригинальными способами избавляется от докучливых заступников и просителей. Не более защищены от вербовщиков были и обитатели забытых хуторов в глубинных районах острова: многие селяне отправлялись на ярмарку труда искать работу, да домой так и не возвращались, а многие дюжие молодые фермеры исчезали прямо из отчего дома, и ни матери, ни возлюбленные о них больше не слышали, столь велика была потребность в матросах на военных кораблях в первые годы войны с Францией и после каждой славной победы на море в той войне.

Служащие Адмиралтейства подкарауливали купеческие и торговые суда. Известно много случаев, когда груженные товаром корабли, возвращавшиеся домой из дальнего плавания, останавливали в море на расстоянии дня пути до суши и забирали с них почти всех матросов. Судно с грузом по причине отсутствия экипажа становилось неуправляемым, и его снова уносило на широкие стихийные просторы океана, и порой его обнаруживали под беспомощным управлением одного-двух хилых или неопытных моряков, а то и вовсе не находили. Матросов, завербованных насильно, снимали с кораблей почти перед самым их возвращением домой, к родителям или женам, и зачастую они не получали своих кровью и потом заработанных денег, которые оставались в руках владельцев торговых судов, где они служили, подвергаясь всем рискам чести и бесчестия, жизни и смерти. Теперь нас удивляет, как мог быть возможен такой произвол (ибо более точного определения я не нахожу); мы не в силах понять, почему страна так долго подчинялась ему, пусть даже под влиянием энтузиазма военного времени, или боязни иноземного вторжения, или в силу верноподданнических настроений. Когда мы читаем о том, что военных присылают в поддержку гражданским властям для оказания содействия бригадам вербовщиков, об отрядах солдат, патрулирующих улицы, о караульных, вооруженных ружьями со штыками у двери каждого дома, каждого жилища, в которые врываются с обыском вербовщики; когда мы слышим о том, что военные окружают церкви и вербовщики хватают всех мужчин, покидающих храмы божие по окончании богослужения, и, зная, что это лишь отдель-

¹¹ Тендер – парусное судно вспомогательного назначения.

¹² Эдвард Терлоу, 1-й барон Терлоу (1731–1806) был назначен лорд-канцлером в 1778 г. Имел репутацию невожатанного на язык и вспыльчивого человека. Английский юрист и политик лорд Кэмпбелл (1779–1861) в своем выдающемся труде «Биографии лорд-канцлеров и хранителей большой государственной печати» (*The Lives of the Lords Chancellors and Keepers of the Great Seal*, 1841–1845 гг.) описывает случай, когда Терлоу, переодетый моряком, стал жертвой вербовщиков, которые отвели его в Тауэр, невзирая на его проклятия, протесты и уверения, что он является «джентльменом».

¹³ Тауэр-Хилл (Tower Hill) – площадь около Тауэра, старинной крепости на берегу р. Темзы; место казни узников Тауэра.

ные примеры каждодневно творящегося произвола, мы не удивляемся сетованиям лорд-мэров и прочих представителей гражданских властей на то, что в больших городах замерла всякая трудовая деятельность, ибо ремесленники и их работники боятся покидать свои дома и выходить на улицы, кишашие вербовщиками.

То ли потому, что близость столицы – политического центра страны и главного источника новостей – у жителей южных графств стимулировала обостренное чувство своеобразного патриотизма, в основе которого лежит ненависть ко всем другим народам; то ли потому, что в южных портах был более высок риск оказаться жертвой принудительной вербовки и у торговых моряков притупилось чувство опасности; то ли потому, что многих мужчин из таких городов, как Портсмут и Плимут, влекла служба в военно-морском флоте, они считали ее почетной и полной ярких приключений, – но, так или иначе, несомненно одно: гнет насильственной вербовки южане переносили более смиренно, нежели горячий народ северо-востока. Ибо, в понимании последних, тот, кто допускал возможность дохода помимо заработка за занятие китобойным или гренландским промыслом, относился к самому презренному типу моряка. Любой из них благодаря отваге и накоплениям мог возвыситься до судовладельца – примеров тому множество. И уже одно это сглаживало различия между представителями высших и низших классов. А еще они вместе рисковали, вместе подвергались опасности, вместе увлеченно делали общее дело, что связывало обитателей этой части побережья крепкими узами, разрыв которых под давлением некой внешней силы вызывал праведный гнев и жажду мести. Один йоркширец однажды сказал мне: «Мои земляки все одинаковы. Только и думают, как выразить несогласие. Ба! Да я и сам, если слышу, что кто-то говорит „чудесный день“, ловлю себя на том, что ишу этому опровержение. И так во всем – в мыслях, в словах, в делах».

Посему не трудно представить, что вербовочным отрядам приходилось нелегко на йоркширском побережье. В других краях они сеяли страх, но здесь – только ярость и ненависть. 20 января 1777 года лорд-мэр Йорка получил анонимное письмо с предупреждением, что «личные покои его светлости, а также его официальная резиденция будут сожжены дотла, если те люди не уберутся из города до следующего вторника».

Возможно, отчасти такая враждебность была связана с тем, что я наблюдала в других городах, в которых сложилась аналогичная ситуация. Там, где земельные владения джентльменов старинных фамилий, но с ограниченным доходом расположены вокруг какого-то центра прибыльного промысла или производства, всегда существует скрытая неприязнь со стороны сквайров к предпринимателям, будь то производители товаров, торговцы или судовладельцы, которые обладают способностью зарабатывать и, не будучи обременены ни наследственной гордостью, ни джентльменской склонностью к ничегонеделанию, охотно пользуются этой способностью. В большинстве случаев эта неприязнь, разумеется, имеет негативную природу и, как правило, проявляется в отказе разговаривать и вообще иметь дело с такими людьми, в таком пассивном вежливом игнорировании неприятных соседей. Однако китоловы Монксхейвена в последние годы того времени, о котором я пишу, столь дерзко и нагло преуспевали, монксхейвенские судовладельцы столь быстро богатели и набирались важности, и сквайры, жившие в праздности в старинных каменных усадьбах, разбросанных по лежащим вокруг пустошам, полагали, что удар, который политика принудительной вербовки почти наверняка нанесет по монксхейвенскому промыслу, предопределен силами свыше (сколь высоко находятся эти силы, судить не берусь), дабы воспрепятствовать чрезмерно стремительному обогащению, что идет вразрез с библейскими заповедями, а значит, они исполняют свой долг, поддерживая указы Адмиралтейства всей полнотой гражданской власти, что имеется в их в распоряжении, когда бы к ним ни обратились за помощью и когда бы они ни оказали содействие без особых хлопот для себя, тем более что лично их все это мало касалось.

Был еще один мотив, коим руководствовались некоторые расчетливые родители, имевшие по несколько дочерей. Капитаны и лейтенанты, служившие в военном флоте, в боль-

шинстве своем были весьма подходящие холостяки, воспитанные для благородных занятий, и по сему становились – по меньшей мере! – очень желанными гостями, когда у них выдавался свободный денек; как знать, что из этого могло выйти?

По правде сказать, и в самом Монксхейвене эти brave офицеры не были так уж непопулярны, за исключением тех случаев, когда они вступали в серьезный конфликт с местным населением. Им была присуща открытость, свойственная людям их профессии; все знали, что они участвовали в славных сражениях, рассказы о которых и сегодня способны растопить сердце квакера¹⁴; и они не афишировали свою роль в выполнении грязной работы, проводившейся, тем не менее, с их одобрения и по их тайному повелению. Мало кто из обитателей Монксхейвена, проходя мимо дешевой пивной, над которой развевался синий морской флаг, указывавший на то, что здесь собираются вербовщики, не плевал с отвращением в ту сторону; однако те же самые люди, бывало, не упускали случая в этакой грубоватой форме выразить почтение лейтенанту Аткинсону, встретив его на Главной улице. В этих краях не принято в знак приветствия притрагиваться к шляпе, но они изображали некое чудное движение головой – не покачивание и не кивок, – которое все равно подразумевало дружеское расположение. Судовладельцы тоже порой приглашали его на обед или на ужин, но при этом, всегда имея в виду, что вскоре он может стать их врагом, не позволяли ему вести себя «как у себя дома», даже если за столом сидели их незамужние дочери. И все же, поскольку Аткинсон умел рассказать забавную историю, умел хорошенько выпить и почти всегда принимал «срочные» приглашения, он ладил с жителями Монксхейвена лучше, чем можно было ожидать. А основное бремя людской ненависти, что вызывала его деятельность, несли его подчиненные, которые, по оценке простонародья, все, как один, слыли подлыми похитителями и коварными «стервятниками». И как таковые они были готовы при малейшем намеке на провокацию со стороны местных жителей преследовать и запугивать их, причем самих вербовщиков мало заботило, что о них думают. Какими бы словами их ни клеймили, это были отважные, смелые люди. Они опирались на закон, а значит, их действия были абсолютно правомочны. Они служили королю и отечеству. Им приходилось использовать все свои дарования, а это всегда доставляет удовлетворение. Такой простор для славных побед и торжества хитроумия, жизнь полная приключений. Они выполняли законную государственную задачу, и это требовало рассудительности, находчивости и мужества, к тому же утоляло эту непонятную страсть к охоте, что живет в каждом мужчине. В море, на удалении четырнадцати-пятнадцати миль от берега, стоял на рейде военный корабль «Аврора»; на него-то и доставляли живой груз несколько тендеров, прятавшихся в укромных местах вдоль побережья. Один, под названием «Бойкая леди», можно было видеть со скал, вздымавшихся над Монксхейвеном. Он находился недалеко от города, но вершины нагорья укрывали его от взоров горожан; ну и было еще заведение «Рандеву» (как прозвали в округе пивную с военно-морским флагом), где гуляла команда «Бойкой леди» и предлагали выпить излишне доверчивым прохожим. Вот и все, чем занимались вербовщики в Монксхейвене.

¹⁴ Один из основных жизненных принципов квакеров – неприятие насилия, в частности пацифизм и отказ от военной службы.

Глава 2. Домой из гренландских морей

Однажды жарким днем в начале октября 1796 года две деревенские девушки отправились в Монксхейвен продавать сливочное масло и яйца, ибо обе они были дочерьми фермеров, но пребывали в разных жизненных обстоятельствах: Молли Корни происходила из большой многодетной семьи и терпела все проистекавшие отсюда лишения; Сильвия Робинсон была единственным ребенком в семье, и посторонние люди относились к ней с большим уважением, нежели к Мэри¹⁵ – ее престарелые родители. По продаже продуктов девушкам предстояло сделать покупки, а в те дни маслом и яйцами женщины торговали, сидя на ступеньках большого старинного покосившегося базарного столба до определенного часа пополудни, после чего весь свой непроданный товар они неохотно сдавали лавочникам по низким ценам. Но хорошие домохозяйки не гнушались сами ходить к Масличному Кресту¹⁶, нюхать и на все лады критиковать приглянувшиеся продукты, пытаясь, зачастую безуспешно, сбить цену. Домохозяйка минувшего столетия сочла бы, что плохо знает свое дело, если прежде не поторгуетесь; и жены и дочери фермеров воспринимали торг как нечто само собой разумеющееся, отвечая с доброй долей юмора, без заискивания, покупателям, которые, однажды обнаружив, где можно купить хорошее масло и свежие яйца, раз за разом приходили туда и принижали достоинства продуктов, которые в итоге они всегда покупали. В ту пору находилось время для таких занятий.

На своем носовом платке в розовую крапинку Молли завязала узелки по количеству различных товаров, которые она собиралась приобрести на неделю, – самых обычных, но важных вещей, необходимых в домашнем хозяйстве; если забудет что-то купить, мама, она знала, устроит ей хорошую взбучку. От обилия узелков ее платок походил на девятихвостую «кошку»¹⁷, но ни одна из покупок не предназначалась лично для нее или кого-то еще из ее многочисленных родных. В семействе Корни думы всех и каждого были обращены только на общие нужды, да и денег ни на что иное не хватало.

Другое дело Сильвия. Она намеревалась выбрать себе свой первый плащ, чтобы не носить старый, мамин, который достался той после двух сестер, и его уже четыре раза перекрашивали (хотя Молли была бы рада и такому), а купить новенький, шерстяной, причем сама, не оглядываясь ни на кого из старших, кто стоял бы над душой и призывал ее довольствоваться обновкой подешевле. Рядом будет только Молли, которая поможет чудесным советом и порадует за подругу, смиренно завидуя ее счастью. Время от времени девушки отвлекались от единственно важной темы, занимавшей их умы, но Сильвия, с неосознанной виртуозностью, возвращала разговор к новым рассуждениям об относительных достоинствах серого и алого цветов. Первую часть пути девушки шли босиком, неся башмаки и чулки в руках, но по приближении к Монксхейвену они остановились и свернули на тропинку, что вела от большой дороги к берегам Ди. Из реки торчали огромные валуны, вокруг которых собиралась и вихрилась вода, образуя глубокие омуты. Молли опустилась на траву у кромки воды, чтобы помыть ноги, но Сильвия, более энергичная (а может быть, более взволнованная в предвкушении скорой покупки желанного плаща), поставила корзину на каменисто-песчаный пятачок берега и, с разбегу запрыгнув на валун, уселась на камень почти посредине водного потока. Затем при-

¹⁵ Молли – один из вариантов Мэри.

¹⁶ Масличный Крест (Butter Cross) – сооружение в виде креста с крышей, но без стен на базарной площади рыночных городов, нечто вроде торгового павильона, где фермеры из окрестных селений сбывали продукцию собственного производства (молоко, масло, яйца). Товар обычно раскладывали на ступеньках вокруг столба.

¹⁷ Увесистая плетель, к рукоятке которой цепляли несколько толстых ремней (не обязательно девять). Использовалась для телесных наказаний в армии и на флоте.

нялась окунать в холодную стремнину розовые пальчики ног и отдергивать их с детским ликованием.

– Сильвия, утомись, пожалуйста. Ты сейчас всю меня забрызгаешь, а мой папа, в отличие от твоего, как ты понимаешь, не собирается покупать мне новый плащ.

Сильвия сразу притихла, словно раскаявшаяся грешница. Она мгновенно вытащила из реки ноги и, словно силясь удержаться от соблазна, отвернулась от Молли, устремив взгляд на мелководье с той стороны от своего каменного ложа, где бурлящий поток разбивался о пороги. Но стоило ей прекратить забаву, как она снова задумалась о том, что занимало все ее мысли, – о плаще. Еще минуту назад резвая и игривая, теперь она была неподвижна. Подперев рукой голову, возлежала на валуне, как на подушке, словно маленькая султанша.

Молли старательно вымыла ноги и стала натягивать чулки, как вдруг услышала вздох. Ее спутница повернулась к ней лицом и произнесла:

– Жаль, что мама за серый цвет.

– Ба, Сильвия, да ты же сама говорила, когда мы поднимались на холм, что она просто попросила тебя хорошенько подумать, прежде чем покупать алый плащ.

– Попросила! Мама скупа на слова, но как скажет – так скажет. Папа, как я, – язык без костей, а у мамы каждое слово на вес золота. Она вкладывает в них большой смысл. И потом, она велела, чтобы я спросила мнение у кузена Филиппа, – недовольно добавила Сильвия, словно расстроенная предложением матери. – А я терпеть не могу, когда мужчины начинают советовать в таких вещах.

– Ой-ой! Мы сегодня вообще не доберемся до Монксхейвена, яйца не продадим, плащ не купим, если будем долго прохлаждаться здесь. Вон, солнце уже садится, так что давай вставай, подруга, пора идти.

– Но если я здесь надену чулки и обуюсь, а потом прыгну туда на мокрый песок, мне ведь нельзя будет показаться на люди, – заметила Сильвия с трогательным замешательством в голосе, смешно так, будто малый ребенок.

Она встала на валуне, ступнями прилипнув к округлой поверхности камня; ее тоненькая фигурка чуть покачивалась, словно она готовилась к прыжку.

– Ну что ты выдумываешь! Прыгай босиком, потом вымой ноги. Сразу так бы и сделала, как все разумные люди. Или сообразительности не хватает?

Рот Молли накрыла ладонь Сильвии. Та уже стояла на берегу рядом с подругой.

– Не надо читать мне нотации. Мы здесь не на проповеди, чтоб я ловила каждое слово. Скоро у меня будет новый плащ, и твои наставления, подруга, я выслушивать не собираюсь. Забирай себе всю сообразительность, а у меня будет мой плащ.

Вряд ли Молли сочла такой дележ справедливым.

На девушках были облегающие чулки, которые каждая связала для себя собственноручно из распространенной в том краю камвольной пряжи, и изящные черные кожаные туфли на каблуке, с закрытым подъемом, с блестящими нарядными металлическими пряжками. Теперь, обувшись, они шли уже не так легко и свободно, как босиком, но шаг каждой из них пружинил с живостью, свойственной ранней юности, ведь им не исполнилось еще и двадцати лет, а Сильвии, я полагаю, в ту пору было не больше семнадцати.

Цепляясь пышными юбками за кусты куманики, девушки взбирались по травянистой тропинке, что тянулась по крутому склону через мелколесье. Выйдя на столбовую дорогу, подружки принялись «приводить себя в порядок», как они выражались, то есть, сняв черные войлочные шляпы, заново перевязали растрепавшиеся волосы, стряхнули с одежды все до единой пылинки. Каждая поправила на плече маленькую шаль (или большой платок – называйте, как хотите), заколотую булавкой под горлом и нижним краем заправленную на поясе под завязки передника. Затем они снова надели шляпы и подняли с земли корзины, готовые чинно войти в Монксхейвен.

За следующим поворотом дороги их взорам предстали красные островерхие крыши домов, сгрудившихся прямо у подножия холма, по которому они шли. Яркое осеннее солнце придавало сочность красному цвету черепицы и сгущало тени на узких улицах. В узкой гавани в устье реки теснились самые разнообразные суденышки, образуя затейливый лес мачт. Дальше лежало море, подобное отполированной сапфировой мостовой; на его залитой солнцем поверхности, простиравшейся до самого горизонта, где она сливалась с мягкой лазурью неба, не было ни морщинки. На этой синей глади белели паруса десятков рыбацких судов, на первый взгляд неподвижных, пока не начнешь соотносить их местоположение с каким-нибудь наземным ориентиром. Но сколь бы застывшими, тихими и далекими они ни казались, когда знаешь, что на борту каждого парусника есть люди, направляющиеся в открытое море, наблюдаешь за ними с удвоенным интересом. Близ отмели на реке Ди стояло более крупное судно. Сильвия, не так давно поселившаяся в этом краю, смотрела на корабль с тем же спокойным интересом, что и на все остальные парусники; но Молли, едва ее взгляд упал на него, вскричала:

– Китобой! Китобой вернулся из Гренландских морей! Первый в этом сезоне! Да благословит его Господь! – Она повернулась к Сильвии и от полноты чувств пожала ей обе руки.

Сильвия зарделась, глаза ее заблестели от радости.

– Это точно китобой? – взволнованно выдохнула она, ибо, хоть по внешнему виду кораблей Сильвия и не могла определить их предназначение, она прекрасно знала, что китобойные суда у местных жителей особенно в чести.

– Три часа! Прилив начнется в пять! – воскликнула Молли. – Если поторопимся, успеем продать яйца и спуститься в доки прежде, чем он войдет в порт. Давай поспешим!

И они припустили по длинному крутому склону быстрым шагом, почти бегом. Перейти полностью на бег они не решались, но все же двигались так стремительно, что могли бы побить яйца, не будь те тщательно упакованы. И вот холм остался позади, но девушкам еще предстояло пройти длинную узкую улицу, что извилисто тянулась перед ними вдоль реки, повторяя изгибы ее русла. Подруги жалели, что им пришлось отправиться на рынок, располагавшийся на стыке Мостовой и Главной улиц, где стоял старый каменный крест, истертый и щербатый, в давние времена воздвигнутый монахами. Ныне его никто не почитал как символ святости. Это был просто Масличный Крест, у которого по средам собирались торговки и городской глашатай объявлял о продаже недвижимости, о потерянных и найденных вещах. Каждое свое выступление он начинал словами «Слушайте все! Слушайте все!» и заканчивал фразой «Да благословит Господь короля и хозяина здешнего манора», напоследок произносил «Аминь» и шел своей дорогой, сняв ливрею, цвета которой выдавали в нем слугу семьи Бернаби, обладавшей манориальными правами в отношении Монксхейвена.

Разумеется, площадь вокруг рыночного столба, где обычно толпился народ, была облюбована лавочниками; и сегодня, в погожий базарный день, как раз когда домохозяйки начинали проводить ревизию своих запасов теплых одеял и фланелевого белья, своевременно выявляя нехватку необходимых вещей, эти лавки должны были бы ломиться от покупателей. Но они оказались пусты, покупателей было даже меньше, чем в обычный, небазарный день. Трехногие низкие табуреты, что арендовали за пенни в час те из торговки, которые приходили к кресту чуть позже остальных, когда на ступеньках уже не оставалось свободного места, валялись опрокинутые тут и там, будто сшибленные спешившими мимо прохожими.

Молли с одного взгляда оценила обстановку и сделала надлежащие выводы, но, не находя времени поделиться ими с Сильвией и дать объяснение своим следующим действиям, кинулась в угловую лавку:

– Китобой возвращаются! Один стоит за отмелью!

Тон ее заявления, высказанного в утвердительной форме, подразумевал, что она жаждет услышать подтверждение своим словам.

– Слыхали! – откликнулся хромым мужчиной, чинивший рыбацкие сети за прилавком. – Примчался с попутным ветром и вести хорошие об остальных принес, как говорят. Когда-то и я вместе со всеми встречал корабли в доках, бросая вверх шляпу, но теперь Господь решил, что я должен сидеть дома и сторожить чужие вещи. Вон, видишь, девонька, сколько корзин мне оставили, а сами побежали на пристань. И ты оставляй свои яйца, да беги веселись, а то вот когда состаришься и станешь страдать трясучкой, будешь переживать из-за разлитого молока и из-за того, что в молодости не использовала все возможности. Нда, куда там! Им не до моих нравоучений. Лучше пойду поищу такого же калеку, как я сам, ему и почитаю проповеди. Не всем же удастся послушать священника, хоть тот и не всегда говорит, что каждому по нраву.

Бурча себе под нос, старик осторожно убрал корзины. Потом, тяжело вздохнув раз или два, взбодрился и запел, продолжая возиться с просмоленными сетями.

К тому времени, когда он повеселел, Молли с Сильвией были уже на пути к пристани. От быстрого бега каждая ощущала покалывание и резь в боку, но, не обращая на это внимания, девушки неслись вдоль берега туда, где собирался народ. Пристань находилась недалеко от Масличного Креста; и через пять минут запыхавшиеся подруги уже стояли рядышком на краю толпы, откуда им лучше всего было видно море. Но встречающие прибывали, напирая на них, и вскоре они оказались в самой гуще людского скопища. Все взгляды были обращены на корабль, покачивавшийся на якоре сразу же за отмелью, меньше чем в четверти мили от берега. На его борт только что поднялся таможенник, чтобы принять доклад капитана о привезенном грузе и в надлежащем порядке произвести его досмотр. Мужчины, доставившие таможенника на судно, теперь гребли к пристани, везя с собой мелкие обрывки новостей, и, когда они высадились на берег неподалеку от собравшихся, люди, все как один, двинулись в их сторону, желая услышать, что они скажут. Крепко взяв Молли за руку, которая была старше ее и более опытна, Сильвия с открытым ртом внимала суровому старому моряку, волею случая оказавшемуся подле нее.

– Что это за корабль?

– «Решимость Монксхейвена», – отвечал тот с негодованием, видимо считая, что это должна знать любая гусыня.

– Для меня «Решимость» – хорошее, благословенное судно, – вставила какая-то пожилая женщина, стоявшая вплотную к Мэри. – Она привезла домой моего мальчика. Он крикнул лодочнику, чтобы тот передал мне, что он жив и здоров. «Скажи Пегги Кристисон, – попросил он (меня зовут Маргарет Кристисон), – скажи Пегги Кристисон, что ее сын Хезекая вернулся целым и невредимым». Да светится имя Господа нашего! Я ведь вдова, уже и не чаяла, что когда-нибудь снова увижу своего мальчика!

Создавалось впечатление, что в этот великий час каждый рассчитывает на участливость окружающих.

– Прошу прощения, если вы на минутку немного подвинетесь, я подниму вверх своего малыша. Пусть посмотрит на корабль отца, да и мой хозяин, глядишь, увидит его. Ему в прошлый вторник исполнилось четыре месяца, а отец еще вообще его не видел, а у него зубик вылез и сейчас второй лезет, дай Бог ему здоровья!

Стоявшие перед Молли с Сильвией два представителя монксхейвенской аристократии, откликнувшись на просьбу молодой матери, подвинулись, и девушки слышали обрывки их разговора: они обсуждали информацию, полученную от лодочника.

– Хейнс говорит, они предоставят декларацию судового груза через двадцать минут, как только Фишберн проверит бочки. По его словам, там всего лишь восемь китов.

– Пока декларацию не предоставили, об этом можно только гадать, – отозвался второй.

– Боюсь, он прав. Однако он принес и хорошие вести о «Доброй удаче». Она отчалила от мыса Сент-Эббс-Хэд¹⁸ с добычей из пятнадцати китов.

¹⁸ St. Abb's Head – каменистый мыс у селения Сент-Эббс в графстве Берикшир (Шотландия).

– Вот причалит, тогда и посмотрим, что правда, а что – нет.
– Судно придет завтра, с вечерним приливом.
– Это корабль моего кузена, – сообщила Молли Сильвии. – Он – старший гарпунщик на «Доброй удаче».

Ее тронул какой-то старик:

– Ради бога, простите мои манеры, миссус, просто я слеп, как крот, а мой парень на борту того судна, что стоит за отмелью, а старушка моя прикована к постели. Как думаете, еще не скоро оно войдет в гавань? Если так, то я бы поспешил домой и перекинулся словечком со своей миссус, а то она жутко волнуется, зная, что он так близко. Осмелюсь спросить, Горбатый Негр еще не ушел под воду?

Молли привстала на цыпочки, пытаясь разглядеть черный камень, про который спросил старик, но Сильвия, пригнувшись и глядя в просветы между руками передвигающихся людей, первой увидела, что валун все еще торчит над водой, о чем она и сообщила слепому старику.

– Ну да, за которым горшком наблюдают, тот последним вскипает, – рассудил он. – Сегодня вода долго поднималась, пока накрыла этот камень. Ладно, значит, у меня есть время сходить домой и выбрать свою миссус за то, что изводит себя тревогой, а она, как пить дать, себя изводит, хоть я и просил ее не полошиться, а сидеть и спокойно ждать.

– Нам тоже пора, – сказала Молли, увидев, что толпа расступается, пропуская ощупью ступающего старика. – Нужно еще яйца и масло продать и плащ тебе купить.

– И то верно! – согласилась Сильвия с нотками сожаления в голосе, ибо, пусть всю дорогу до Монксхейвена ее не покидали мысли о новом плаще, сама она была из тех впечатлительных натур, которые легко поддаются настроению окружающих; и хотя ее знакомых на борту «Решимости» не было, сейчас ей, подобно всем остальным в толпе, кто встречал родных, не терпелось увидеть, как корабль войдет в порт. Посему она без особой охоты повернулась и последовала за Молли вдоль набережной к Масличному Кресту.

Местность вокруг являла собой живописное зрелище, хотя для тех, кто жил в здешнем краю, это была слишком знакомая картина, чтобы они могли заметить ее красоту. Клонившееся к западу солнце окрашивало дымку, стелившуюся над долиной реки, в золотистое марево. Выше, по берегам Ди, перекачивались один за другим холмы: ближние – ржаво-бурые от покрывавшего их пожухлого орляка; те, что подальше, – серые, неясные на фоне богатых красок осеннего неба. По одну сторону от реки краснели рифленые черепицы беспорядочно теснившихся домов со шипцовыми крышами, а на противоположной возвышенности раскинулся новый пригород, более планомерный, но не столь колоритный. Сама река пенилась, наполняясь бурлящими приливными водами, что устремлялись к ногам толпы, ожидавшей на пристани, а огромные морские волны с каждой минутой прибывали. Набережную со стороны пристани неприглядно украшала поблескивавшая рыбная чешуя; улов потрошили прямо под открытым небом, а никаких санитарных правил, предписывавших уборку мусора после чистки рыбы, не существовало.

Свежий соленый бриз гнал с синего моря, разливавшегося за отмелью, кипучий вздымающийся прилив. За спинами девушек, удалявшихся от пристани, покачивался на волнах корабль с белыми парусами, будто рвавшийся поскорее сняться с якоря.

Нетрудно представить, как горячо бились сердца команды, нетерпеливо ожидавшей этого мгновения, каким тошнотворным беспокойством были охвачены те, кто стоял на берегу, если учесть, что шесть долгих месяцев летнего сезона эти моряки не получали вестей от родных и близких, что бескрайняя ширь опасных неприветливых арктических морей надежно прятала их от жадных взоров возлюбленных и друзей, жен и матерей. Никто не ведал, что могло случиться. Толпа на берегу затихла и помрачнела, страшась, что поднимающийся прилив принесет дурные вести, которые разобьют их сердца. Китобойные суда, уходившие в Гренландские моря укомплектованными крепкими жизнерадостными мужчинами, никогда не возвращались с эки-

пажами в полном составе. Через каждые полгода на суше оплакивали смерть кого-то из двухсот – трехсот моряков. Чьи кости остались чернеть на серых жутких айсбергах? Кто остался лежать на дне до тех пор, пока море не отпустит своих мертвецов? Кто те люди, которые никогда, никогда больше не вернутся в Монксхейвен?

Многие сердца наполнились необузданным, невыразимым страхом, когда первое китобойное судно, возвращающееся из дальнего плавания, встало на якорь неподалеку от отмели.

Молли и Сильвия шли прочь от застывшей в тревоге толпы. Но через пятьдесят ярдов им повстречались пять или шесть небрежно одетых девушек с раскрасневшимися лицами. Те взобрались на груды бревен, которые сушили под открытым небом, чтобы потом строить из них корабли, и оттуда, как с высоты лестницы, обозревали всю гавань. Они были порывисты и непринужденны в движениях, взявшись за руки, раскачивались из стороны в сторону и, притопывая в такт, распевали:

– Попутного ветра, попутного ветра, попутного ветра кораблю, Я жду не дожусь моего моряка, ведь я его так люблю.

– А вы почему уходите? – крикнули они подругам. – Корабль будет в порту уже через десять минут! – И, не дожидаясь ответа, которого так и не последовало, они снова запели песню.

Старые моряки, кучковавшиеся маленькими группами, были слишком горды, чтобы выказывать интерес к приключениям, в которых они больше не могли участвовать, но им не удавалось поддерживать даже подобие разговора на маловажные темы.

Молли и Сильвия ступили на темную изломанную Мостовую улицу. Город казался очень тихим и опустевшим, рыночная площадь оставалась такой же безлюдной, как и прежде. Но круглые корзины, короба и трехногие табуреты исчезли.

– Все, рынок закрылся, – заключила Молли Корни с изумлением и разочарованием в голосе. – Попробуем хотя бы продать свой товар лавочникам. Они, конечно, будут сбивать цену. Но мама вряд ли рассердится.

Подруги направились в лавку на углу улицы, где они оставили свои корзины. Ее хозяин встретил девушек шуткой, иронизируя по поводу их задержки:

– Ай-яй-яй! Стоит ухажерам появиться на горизонте, и девки уже готовы за бесценок отдать масло с яйцами! Наверняка на том корабле есть морячок, который не пожалел бы целого шиллинга за фунт этого масла, если б знал, кто его взбивал! – Последние слова он адресовал Сильвии, отдавая ей ее корзину.

Сильвия, не имевшая возлюбленного, покраснела, надула губки, тряхнула головой, не соизволив ни «до свиданья» сказать, ни поблагодарить хромого старика; она находилась в том возрасте, когда подтрунивания на подобные темы воспринимаются как оскорбление. Молли, напротив, не обиделась и не стала ничего отрицать. Ей понравилась сама мысль, даром что выдумка, будто у нее есть сердечный друг, и ее неприятно поразило, что это допущение лишено всяких оснований. Будь у нее новый плащ, как тот, что Сильвия намеревалась купить, тогда и впрямь, наверно, у нее был бы шанс! А пока удача не на ее стороне, остается только смеяться и краснеть, словно предположение о том, что у нее есть возлюбленный, недалеко от истины, и посему она отвечала хромому сетевязальщику в том же шутливом тоне:

– Ему придется все масло купить, а то и больше, чтобы как следует смазать язык, если он рассчитывает когда-нибудь завоевать меня в жены!

Едва они шагнули из лавки на улицу, Сильвия принялась пытаться подругу с умоляющими нотками в голосе:

– Молли, кто это? Кто должен смазать свой язык? Откройся мне. Я никому не скажу!

Спрашивала она так серьезно, что Молли смутилась. Ей не хотелось объяснять, что она не имела в виду кого-то конкретного, а говорила лишь о вероятном возлюбленном, посему она стала вспоминать, кто из парней когда-либо обращался к ней с наиболее любезными речами.

Список оказался коротким, ибо отец ее был не настолько богат, чтобы кто-то решился ухаживать за ней ради денег, а сама она красотой не блистала. И вдруг на ум ей пришел кузен, главный гарпунщик, как-то подаривший ей две большие раковины и сорвавший поцелуй с ее робких губ перед тем, как в прошлый раз уходил в море.

Молли едва заметно улыбнулась и сказала:

– Так! Даже не знаю. Нехорошо болтать о таких вещах, пока еще ничего не ясно. Возможно, если Чарли Кинрэйд будет пристойно себя вести, глядишь, я его и послушаю.

– Чарли Кинрэйд! Кто он?

– Тот главный гарпунщик, мой кузен, о котором я говорила.

– Думаешь, ты ему небезразлична? – тихо, с придыханием в голосе спросила Сильвия, словно прикасаясь к великой тайне.

– Ни слова больше, – только и произнесла в ответ Молли.

Сильвия затруднялась определить, почему подруга оборвала разговор: то ли обиделась, то ли потому, что они подошли к лавке, где собирались продать масло с яйцами.

– Сильвия, вот как мы поступим. Оставляй мне свою корзину, и я постараюсь продать продукты подороже. Ты же иди выбирай себе новый плащ, а то скоро стемнеет. Куда пойдешь?

– Мама сказала, что лучше идти к Фостеру, – ответила Сильвия, чуть поморщившись в раздражении. – А папе все равно, где я его куплю.

– Да, лавка Фостера – самая лучшая, в других потом уже даже смотреть ни на что не станешь. Я буду у Фостера через пять минут. Нам нужно поторопиться. Уже почти пять.

Опустив голову, Сильвия с притворно-застенчивым видом зашагала к лавке Фостера на рыночной площади.

Глава 3. Покупка нового плаща

Лавка Фостера слыла самой знаменитой в Монксхейвене. Ее держали два брата-квакера, ныне достигшие преклонного возраста; прежде в ней заправлял их отец, а еще раньше, вероятно, его отец. Местный люд помнил ее как старинный жилой дом с пристройкой на нижнем этаже, которую занимал магазинчик с зияющими оконными проемами. Эти окна, давно уже застекленные, по сегодняшним меркам очень маленькие, но семьдесят лет назад своими размерами они вызывали всеобщее восхищение. Чтобы понять, как выглядит это здание, представьте длинные проемы в мясницкой лавке, а потом в своем воображении заполните их стеклами размером восемь на шесть дюймов в тяжелых деревянных рамах. По одному из таких окон находилось с каждой стороны от двери, которую днем держали полузакрытой за низкой калиткой с ярд высотой. В одной половине лавки торговали продуктами, в другой – тканями, в том числе шелком и бархатом. Старички братья всегда радушно принимали знакомых покупателей, обменивались с ними рукопожатиями, расспрашивали про домашних и жизненные обстоятельства и уж потом переходили к делу. Они ни за что на свете не соглашались отмечать Рождество и в этот святой праздник добросовестно держали магазин открытым, готовые, не вызывая к совести своих помощников, сами обслужить покупателей, только вот к ним никто не заглядывал. Зато на Новый год в кабинете, расположенном сразу же за помещением магазина, они ставили большой пирог и вино, которыми угощали всякого, кто приходил за покупками. Однако, будучи весьма щепетильными во многих вопросах, эти добрые братья не гнушались приобретать контрабандные товары. От реки к выходившему во двор черному ходу лавки Фостеров вела потайная тропинка. Особый стук в дверь, и посетителя непременно встречал Джон либо Джеремая или если не они, то их приказчик Филипп Хепберн; и пирог с вином, которыми, возможно, только что угощалась супруга акцизного чиновника, приносили в кабинет, чтобы попотчевать контрабандиста. Двери запирались, задвигалась зеленая шелковая штора, отделявшая кабинет от помещения лавки, но, говоря по чести, все это делалось ради проформы. В Монксхейвене все, кто мог, занимались контрабандой и носили контрабандную одежду, полагаясь на добрососедское отношение акцизного чиновника.

Молва гласила, что Джон и Джеремая Фостеры были несметно богаты и могли бы купить весь новый район города за мостом. Естественно, при своем магазине они учредили нечто вроде простейшего банка, принимая на хранение деньги, которые люди опасались держать дома из страха перед грабителями. Никто не требовал у них процентов со своих вкладов, да они и не давали; но, с другой стороны, если кто-то из клиентов, кому они доверяли, хотел получить небольшой кредит, Фостеры, наведя справки, а в некоторых случаях попросив залог, охотно одалживали скромную сумму, не беря ни пенни за пользование их деньгами. Торговали они исключительно качественными вещами, поскольку умели выбирать товар, за который им платили, как они и рассчитывали, наличными. Поговаривали, что лавку они держат для собственного удовольствия. Другие утверждали, что братья задались целью устроить брак Уильяма Кулсона, племянника жены мистера Джеремай (мистер Джеремая был вдовцом), и Эстер Роуз (ее мать приходилась Фостерам какой-то дальней родственницей), работавшей в их магазине наряду с Уильямом Кулсоном и Филиппом Хепберном. Этот слух опровергали те, кто отрицал кровное родство Кулсона с Фостерами и полагал, что, если бы пожилые братья намеревались сделать что-то значительное для Эстер, они никогда не допустили бы, чтобы она и ее мать влачили нищенское существование, сдавая комнаты Кулсону и Хепберну, дабы пополнить свой доход. Но, разумеется, на это тоже находились возражения: разве так бывает, чтобы не возникало споров по поводу некой вероятности, о которой мало что известно? Часть этих возражений строилась на следующих доводах: очевидно, старые джентльмены приводили в исполнение какой-то тайный замысел, позволив своей кузине взять на постой Кулсона и Хеп-

берна, ведь один им вроде как племянник, второй – очень молод, а уже приказчик в их лавке, и, если кому-то из этих парней приглянется Эстер, все сложится как нельзя лучше!

Тем временем Эстер терпеливо ждала, когда Сильвия озвучит свою просьбу. А та стояла перед ней немного оробевшая, растерянная и сбита с толку обилием столь огромного множества красивых вещей.

Эстер была высокая молодая женщина, худощавая, но крупная, степенного вида, отчего она казалась старше своих лет. Открытый широкий лоб. Густые каштановые волосы гладко зачесаны назад и аккуратно уложены под полотняным чепцом. Лицо немного квадратное, желтоватое, но кожа чистая, бархатистая. Серые глаза весьма располагающие, потому что смотрят на вас со всей добротой и искренностью; губы чуть сжаты, как у большинства людей, которые привыкли сдерживать свои чувства, но когда она обращалась к вам, вы этого не замечали. Улыбалась она редко, медленно обнажая ровные белые зубы, и если при этом еще, как то обычно бывало, внезапно поднимала на вас свои спокойные глаза, то становилась очень даже обаятельной. Носила она одежду неярких цветов, в соответствии со своим собственным вкусом и негласными требованиями религиозных традиций Фостеров; но сама Эстер квакерство не исповедовала.

Сильвия, стоявшая напротив Эстер, смотрела не на нее, а на ленты в витрине, словно и не сознавая, что кто-то ждет, когда она выскажет свои желания. Внешне она являла разительный контраст с Эстер, и характер имела несформировавшийся, как у ребенка: могла быть ласковой, своенравной, капризной, надоедливой, обворожительной, всякой, готовая улыбнуться или надуть губы, выразить свои чувства любым способом в ту же секунду, когда к тому ее вынудят обстоятельства. Эстер, думая, что более прелестного создания она еще не видела, с восхищением наблюдала за Сильвией, пока та, опомнившись, не повернулась к ней и не начала:

– Ой, прошу прощения, мисс. Я все думала, сколько может стоять та темно-красная лента?

Ничего не сказав, Эстер отошла от прилавка, чтобы взглянуть на ценник.

– Ой! Вообще-то я не собиралась покупать ленту, мне нужна шерстяная байка на плащ. Благодарю вас, мисс. Ради бога простите. Мне шерстяную байку, пожалуйста.

Эстер молча положила ленту на место и удалилась за шерстяной байкой. В ее отсутствие к Сильвии обратился тот самый человек, встречи с которым она хотела бы избежать и очень обрадовалась, когда, войдя в лавку, не увидела его. Ее кузен Филипп Хепберн.

Это был серьезный молодой человек, высокий, но, в силу своего рода деятельности, немного сутулый в плечах. Волосы у него были густые, со своеобразным, но довольно милым вихром на лбу. Вытянутое лицо, нос с небольшой горбинкой, выступающая нижняя губа, придававшая неприятное выражение его лицу, которое иначе можно было бы счесть красивым.

– Добрый день, Сильви, – поздоровался он. – За чем пожаловала? Как твои домашние проживают? Чем могу служить?

Сильвия поджала алые губки и, не глядя на него, отвечала:

– Я вполне здорова, мама тоже, папу немного ревматизм мучает, и меня уже обслуживает молодая женщина.

Сказав это, она чуть отвернулась от него, словно говорить с ним ей больше было не о чем. Но он воскликнул:

– А сама ты не сумеешь выбрать! – Сев на прилавок, Филипп, в манере лавочников, перекинул ноги на другую сторону.

Сильвия не обращала на него внимания, делая вид, будто пересчитывает деньги.

– Что тебе нужно, Сильви? – спросил он, вконец раздраженный ее молчанием.

– Обращение «Сильви» мне не нравится; меня зовут Сильвия, и я хочу купить шерстяную байку на плащ, если тебе так уж любопытно.

Вернулась Эстер. Ей помогал тащить большие рулоны алой и серой ткани посыльный.

– Это не пойдет, – сказал ему Филипп, носком пнув рулон красной байки. – Тебе ведь серая шерсть нужна, да, Сильви? – Забыв про то, что она говорила ему пять минут назад, он обратился к ней по имени, которым по праву кузена звал ее с детства.

Но Сильвия не забыла и рассердилась.

– Прошу вас, мисс, я хочу купить красную шерсть; не уносите.

Эстер переводила взгляд с Филиппа на Сильвию, пытаясь понять характер их взаимоотношений. Выходит, это была та самая прекрасная маленькая кузина, о которой Филипп рассказывал матери Эстер, описывая ее безобразно избалованной, постыдно невежественной, милой маленькой глупышкой и все в таком духе. И Эстер Сильвию Робсон представляла себе совсем не такой, какой она была на самом деле: моложе, бестолковее, вполнину не столь смысленной и очаровательной (ибо, хоть сейчас она дулась и досадовала, было ясно, что это не ее привычное настроение). Отодвинув в сторону серую шерсть, Сильвия сосредоточила внимание на красной материи.

Филиппа Хепберна задело, что его советом пренебрегли, но он все же продолжал настаивать на своем:

– Это респектабельная спокойная ткань, которая будет гармонировать с любым цветом; ты же не настолько глупа, чтобы покупать материю, на которой будет заметна каждая дождевая капля.

– Жаль, что вы торгуете столь непригодными вещами, – отвечала Сильвия, сознавая свое преимущество и чуть (самую малость) сменяя гнев на милость.

– Он имеет в виду, – поспешила вмешаться Эстер, – что эта ткань от сырости и влаги утратит свою первоначальную яркость; но это всегда будет добротная вещь, которая сохранит свой цвет при долгой носке. Иначе мистер Фостер не стал бы брать ее для продажи в своей лавке.

Филиппа покорило, что в его разговор с Сильвией влезло третье лицо, пусть даже с благоразумной миротворческой целью, посему он хранил негодующее молчание.

– Конечно, эта серая шерсть плотнее и будет носиться дольше, – добавила Эстер.

– Ну и пусть, – сказала Сильвия, по-прежнему отвергая унылый серый цвет. – Эта мне нравится больше. Будьте добры, восемь ярдов, мисс.

– На плащ нужно не меньше девяти ярдов, – решительно заявил Филипп.

– А мама мне велела купить восемь. – В глубине души сознавая, что ее мать отдала бы предпочтение более спокойному цвету, Сильвия считала, что раз в этом ей дозволили поступить по-своему, то она хотя бы должна выполнить указания матери в отношении количества ткани. Но, вообще-то, она ни в чем не уступила бы Филиппу, будь на то ее воля.

С улицы донеслись топот детских ног, бегущих от реки, и взволнованный крик. Услышав шум, Сильвия забыла про плащ, про свое недовольство и кинулась к полуоткрытой двери. Филипп последовал за ней. Эстер, отмерив нужное количество ткани, тоже устремилась на улицу взгляд, полный пассивного благожелательного любопытства. По улице мчалась одна из тех девушек, которых Сильвия и Молли встретили по пути в лавку, когда покинули толпу на пристани. Ее лицо, довольно милое, побелело от избытка пылких эмоций, юбка неопрятного платья развевалась, и двигалась девушка непринужденно, но грузно. Она принадлежала к низшему сословию обитателей морского порта. По ее приближении Сильвия увидела, что по щекам девушки струятся слезы, которых та даже не замечала. Она узнала лицо Сильвии, дышавшее неподдельным интересом, и замедлила свой неуклюжий бег, чтобы сообщить новость отзывчивой красавице:

– Корабль переплыл отмель! Корабль переплыл отмель! Я бегу сказать об этом маме!

Девушка поймала руку Сильвии, пожала ее и понеслась дальше.

– Сильвия, откуда ты знаешь эту девицу? – строго спросил Филипп. – Она не твоего круга, чтоб ты пожимала ей руку. Это же Ньюкаслская Бесс, известная личность в районе пристани.

– Ничего не могу с собой поделать, – объяснила Сильвия, чуть ли не до слез возмущенная не столько его словами, сколько поведением. – Когда другим радостно, я тоже радуюсь, и я просто протянула руку, а она протянула свою. Ты только представь, корабль наконец-то вошел в порт! Если б ты видел всех тех людей на пристани, как они смотрели и смотрели во все глаза, словно боялись, что не доживут до той минуты, когда корабль пристанет к берегу, доставив домой их любимых, ты бы тоже пожал руку той девушке, и ничего бы с тобой не случилось. Я впервые ее увидела полчаса назад в доках и, может быть, больше никогда не увижу.

– Не такая уж она плохая, раз первым делом подумала о матери, как она сказала, – рассудила Эстер. Стоя за прилавком, она придвинулась ближе к окну, чтобы слышать их разговор.

Сильвия бросила на нее благодарный взгляд, но Эстер уже снова смотрела в окно и ничего не заметила.

В лавку влетела Молли Корни.

– Беда! – крикнула она. – Слышите, какой плач, какой крик стоит на пристани?! Там орудут вербовщики. Ужас, как в день Страшного суда. Слышите?!

Прислушиваясь, все умолкли, затаили дыхание, я чуть не написала, что даже стук сердец прекратился. Но ненадолго; в следующее мгновение тишину взорвал пронзительный хоровой вопль множества людей, охваченных яростью и отчаянием. Невнятные издали, но это все же были вполне разборчивые проклятия, и раскат голосов, рев толпы и беспорядочный топот раздавались все ближе и ближе.

– Их ведут в «Рандеву», – догадалась Молли. – Уф! Жаль, что здесь нет короля Георга, а то я бы сейчас сказала ему все, что думаю.

Она сжала кулаки и стиснула зубы.

– Какой кошмар! – воскликнула Эстер. – Ведь матери и жены высматривали их, как звездочки, падающие с неба.

– Неужели ничего нельзя сделать?! – вскричала Сильвия. – Пойдемте скорее, мы должны помочь. Я не могу просто стоять и смотреть на это! – Со слезами на глазах она кинулась к выходу, но Филипп ее остановил:

– Сильви! Стой, не глупи! Это – закон, никто не вправе идти против него, тем более женщины и девушки.

К этому времени на Мостовой улице показалась голова толпы, проходившей мимо окон лавки Фостеров. В основном это были буйные юноши, тоже ходившие на кораблях в море. Они медленно пятились, словно под натиском напирющей людской массы, но при этом непрерывно задирали вербовщиков, осыпая их оскорблениями срывающимися от негодования головами, потрясая кулаками перед лицами солдат, а те, вооруженные до зубов, шли размеренным шагом со сдержанной решимостью в побелевших от напряжения лицах, особенно бледных на фоне полдюжины загорелых моряков, которых они сочли нужным забрать из команды причалившего китобойного судна, исполняя приказ Адмиралтейства о принудительной вербовке, в Монксхейвене примененный впервые за много лет – считай, с окончания Войны за независимость в Северной Америке. Один из парней обращался к горожанам визгливым голосом, но его пламенную речь мало кто слышал, ибо вокруг этого ядра лютого зла вопили женщины: выбрасывая вверх руки, они изрыгали проклятия и брань страстным речитативом, словно греческий хор. Их обезумевшие голодные глаза были прикованы к лицам, которые им, возможно, никогда больше не доведется поцеловать, щеки покраснелись от гнева или, напротив, приобрели синюшный цвет от бессилия жажды мести. В некоторых вообще с трудом просматривались человеческие черты. А ведь еще час назад на этих губах, теперь раздвинутых в неосознанном оскале, как у разъяренного дикого зверя, играла мягкая добрая улыбка надежды; глаза, сейчас горящие, налитые кровью, еще недавно блестели и светились любовью; сердца, навечно заledenевшие от несправедливости и жестокости, всего час назад наполнились доверием и радостью.

Среди женщин попадались и мужчины – в угрюмом молчании они вынашивали план отмщения, – но их было немного: большая часть мужского населения этого сословия находилась на китобойных судах, которые еще не вернулись в порт.

Грозное скопище хлынуло на рыночную площадь, образуя плотное кольцо вокруг отряда вербовщиков, но те продолжали уверенно проталкиваться сквозь толпу на Главную улицу, в свое логово, куда сгоняли насильно завербованных. Низкий клокочущий гул поднимался от густой людской массы, и, поскольку некоторым приходилось дожидаться свободного места, чтобы последовать за остальными, время от времени этот гул, как крепчающий львиный рык, перерастал в яростный рев.

С моста сбежала какая-то женщина. Она жила на некотором удалении от города и поздно узнала о возвращении китобойного судна, полгода находившегося вдали от родных берегов. Когда она примчалась на пристань, два десятка оживленных голосов с сочувствием поведали ей, что ее мужа забрали на государственную службу.

На рыночной площади женщине пришлось остановиться, ибо выход с нее был запружен народом. И тогда она издала столь душераздирающий крик, что с трудом можно было разобрать произнесенные ею слова:

– Джейми! Джейми! Неужели тебя не отпустят ко мне?

Это было последнее, что услышала Сильвия, потому что сама она забилась в истеричных рыданиях, чем привлекла к себе всеобщее внимание.

Утром она перетрудилась дома, потом, придя в Монксхейвен, услышала и увидела столько всего волнующего, что нервы в конце концов не выдержали.

Молли с Эстер провели ее через магазин в гостиную – гостиную Джона Фостера; Джерема, старший брат, имел свой дом по другую сторону реки. Это была уютная комната с низким потолком, который поддерживали балки, обклеенные такими же обоями, что и стены, – изысканно-роскошный элемент интерьера, который очень понравился Молли! Гостиная выходила окнами на темный внутренний дворик, где росли три тополя, тянувшиеся к свету; и в открытую дверь между задними фасадами двух домов можно было разглядеть бурлящий, размеренно вздымающийся и оседающий водный поток реки, а дальше за мостом были видны пришвартованные к берегу корабли и рыболовные боты.

Сильвию усадили на широкий старинный диван, дали воды и попытались успокоить, но она по-прежнему плакала навзрыд, хватая ртом воздух. Ей расслабили под подбородком завязки от шляпы и стали обильно сбрызгивать водой лицо и рассыпавшиеся каштановые локоны, пока к ней не вернулось самообладание. Успокоившаяся, но мокрая, она села прямо и посмотрела на девушек, приглаживая назад спутанные волнистые пряди, словно для того, чтобы ясно видеть и мыслить.

– Где я? Ах, ну да! Спасибо. Разревелась как дурочка. Мне стало их так жалко!

И у нее в глазах снова появились слезы, но Эстер сказала:

– Да, их очень жалко, моя бедная девочка, вы уж позвольте вас так называть, ибо имени я вашего не знаю, но лучше о том не думать, ведь мы ничем не можем помочь, а вы, того и гляди, опять расстроитесь. Полагаю, вы кузина Филиппа Хепберна, с фермы Хейтерсбэнк?

– Да, это Сильвия Робсон, – вмешалась Молли, не сообразив, что Эстер стремится разговаривать Сильвию, дабы отвлечь ее внимание от события, спровоцировавшего истерику. – Мы с ней пришли на рынок продать товар, – продолжала она, – а еще чтобы купить новый плащ, который папа ее намерен ей подарить, и, конечно, я думала, нам крупно повезло, когда мы увидели первый китобой. Мне и в голову не могло прийти, что вербовщики омрачат людям радость.

Она тоже расплакалась, но ее тихое завывание прервал скрип двери, отворившейся у нее за спиной. Это был Филипп, взглядом спрашивавший у Эстер, можно ли ему войти.

Сильвия отвернула лицо от света и закрыла глаза. Кузен приблизился к ней на цыпочках, с тревогой глядя на нее, хотя она отвернулась и лица он почти не видел; потом легонько, едва касаясь, провел ладонью по ее волосам и прошептал:

– Бедная девочка! Зря она пришла сегодня – такой долгий путь по такой жаре!

Но Сильвия вдруг вскочила на ноги, почти что оттолкнув его. Ее обострившийся слух уловил приближающиеся шаги во дворе прежде, чем их услышали остальные. В следующую минуту стеклянная дверь в углу комнаты отворилась, и мистер Джон остановился на пороге, с удивлением глядя на компанию, что собралась в его обычно пустой гостиной.

– Это моя кузина, – объяснил Филипп, чуть покраснев. – Она пришла с подругой продать продукты и сделать покупки, а потом увидела, как вербовщики ведут матросов с китобойного судна в «Рандеву».

– Да, да. – Поманив за собой Филиппа, мистер Джон на цыпочках быстро прошел в лавку, словно испугался, что он вторгся в собственное жилище. – Зло порождает зло. Сдается мне, в городе назревают беспорядки, судя по тому, что я слышал на мосту, когда шел сюда от брата Джеремай. – Он осторожно закрыл дверь, отделявшую магазин от гостиной. – Для женщин и детей, пребывавших в долгом ожидании, это большое горе, и, поскольку они необращенные, неудивительно, что они беснуются вместе (несчастные существа!), как самые настоящие язычники. Филипп, – он подошел ближе к своему молодому приказчику, – дай задание Николасу и Генри, чтоб работали в складском помещении наверху, пока смута не утихнет. Не хочу я, чтобы они ввязывались в драку.

Филипп колебался.

– Выкладывай, парень, что у тебя? Всегда старайся облегчить тяжесть на сердце, не дай ему отяжелеть.

– Я думал проводить домой кузину и девушку, что с ней пришла, а то в городе неспокойно, да и темнеет уже.

– Непременно проводи, мой мальчик, – сказал добрый старик, – а я сам попытаюсь укротить природные склонности Николаса и Генри.

Но когда он, с вкрадчивыми поучениями на устах, пошел искать посыльных, тех, кому предназначались его наставления, их уже и след простыл. Из-за мятежной обстановки в городе все другие магазины на рыночной площади наглухо позакрывались, и Николас с Генри в отсутствие хозяев последовали примеру соседей, и, поскольку всякая торговля уже прекратилась, они, не удосужившись прибрать товар, поспешили на помощь горожанам, готовые поддержать любой акт протеста.

Вернуть их в лавку не представлялось возможным, и мистер Джон был расстроен. Неубранные прилавки и разбросанный товар рассердили бы такого аккуратного человека, как мистер Джон, не будь он столь великодушен.

– Ох, грешный Адам! Грешный Адам! – только и произнес он, но после этих слов еще долго молча качал головой.

– Где Уильям Кулсон? – вдруг спросил мистер Джон. – Ах да, помню, помню. Он вернется из Йорка только к ночи.

Филипп помог хозяину навести в лавке порядок, какой тот любил. Потом старик вспомнил про просьбу своего работника и, повернувшись к нему, сказал:

– А теперь иди проводи кузину и ее подругу. Эстер здесь, и старая Ханна тоже. Я сам, если придется, отведу Эстер домой. Но, думаю, ей пока лучше остаться в магазине. До дома ее матери недалеко, а нам, возможно, понадобится ее помощь, если кто-нибудь из тех несчастных пострадает в драке.

С этими словами мистер Джон постучал в дверь гостиной и дождался разрешения войти. Со старомодной учтивостью он сказал двум незнакомкам: ему приятно, что его комната сослужила им службу, но он никогда не посмел бы пройти через нее, если б знал, что здесь гости.

А потом подошел к навесному буфету в углу, достал из кармана ключ и отпер свой маленький склад припасов с вином, пирогом и крепким алкоголем, настаивая на том, чтобы девушки поели и попили в ожидании Филиппа, который ушел проверить надежность запоров в лавке.

Сильвия от угощения отказалась, причем в не столь любезной форме, как того заслуживал гостеприимный пожилой джентльмен. Молли выпила вина, съела пирога, добрую половину оставив в бокале и в тарелке, в соответствии с правилами хорошего тона в этой части страны, а еще потому, что Сильвия все время ее торопила. Ибо Сильвии совсем не понравилось, что ее кузен вызвался проводить их домой, и она стремилась ускользнуть до его возвращения. Но Филипп нарушил ее планы. Он вернулся в гостиную, неся под мышкой сверток с отрезом пресловутой красной шерсти, купленной Сильвией. Он был преисполнен важности и удовольствия, что выдавали его глаза, и столь жадно предвкушал предстоящую приятную прогулку, что почти удивился сдержанности своих спутниц. Сильвии было немного стыдно, что она отвергла гостеприимство мистера Джона, и теперь, когда выяснилось, что ее отказ не привел к желаемому результату, она постаралась загладить свою грубость скромным обаянием при прощании, чем завоевала сердце старика, так что после он на все лады стал расхваливать ее Эстер, но та, внимательно наблюдавшая за Сильвией от начала до конца, не могла полностью согласиться с его оценкой. Что заставило это милое существо, недоумевала Эстер, столь вздорным тоном ответить на искреннее радушие? И – о! – почему она была столь неблагодарна Филиппу за проявленную заботу и всячески противилась тому, чтобы он сопровождал их по улицам беспокойного, взбудораженного города? Что бы все это значило?

Глава 4. Филипп Хепберн

Побережье той части острова, о которой повествует мой рассказ, окаймляли скалы и утесы. Местность, примыкавшая к берегу, была равнинной, плоской и унылой; и только там, где длинная череда огороженных полей резко обрывалась у отвесного спуска и чужестранец видел далеко внизу наползающий на песок океан, к нему приходило осознание, на какую огромную высоту он забрался. Кое-где, как я уже говорила, равнину прорезали расселины (выходившие в море острыми выступами), которые на острове Уайт называли бы ущельями; но там ласковый южный ветер крадется по лесистым ложбинам, а в этих северных впадинах дующий с моря восточный ветер беснуется с пронзительным завыванием, не позволяя закрепившимся на их склонах деревьям вытянуться выше низкорослых кустарников. Спуск к берегу через эти «ямы» очень крутой – не проселочная дорога и даже не выючная тропа, – но люди преодолевают его вверх и вниз без труда благодаря кое-где вырубленным в камне ступенькам.

Шестьдесят или семьдесят лет назад (не говоря уже про куда более поздние времена) фермеры, бывшие владельцами или арендаторами земель, что лежали прямо на этих скалах, занимались контрабандой – в пределах своих возможностей; и береговая охрана, посты которой располагались вдоль всего северо-восточного побережья на удалении примерно восьми миль один от другого, досматривала их лишь от случая к случаю. Тем не менее морской взморник считался хорошим удобрением, и закон не запрещал ввозить его в больших ивовых корзинах для возделывания почвы, а в укромных расщелинах среди скал хранилось множество нелегального товара, пока фермер не посылал доверенного человека на берег за песком и водорослями для своей земли.

Одну из ферм на скале не так давно приобрел отец Сильвии. За свою жизнь ему пришлось побывать моряком, контрабандистом, торговцем лошадьми и, наконец, фермером. Он был из тех людей, кому присущи дух авантюризма и любовь к переменам, что больше вреда приносило ему самому и его семье, нежели окружающим. Человек, которого все соседи осуждали и все любили. На склоне лет фермер Робсон (по натуре легкомысленный, он относился к тому типу мужчин, которые обычно женятся, не думая о том, как они будут содержать семью) сочетался браком с весьма разумной женщиной; житейская мудрость лишь раз ее подвела – когда она согласилась взять его в мужья. Она была тетей Филиппа Хепберна, воспитывала его, живя в доме своего вдовствующего брата, пока не вышла замуж. Именно Филипп сообщил ей, что ферма Хейтерсбэнк сдается внаем – видимо, решил, что для его дяди, не очень преуспевшего в торговле лошадьми, это неплохой участок земли, где тот мог бы обосноваться. Фермерский дом укрывался в неглубокой зеленой балке прямо посреди пастбища; поросшие дерном склоны с короткой жесткой травой подбирались к самым окнам и двери, не покушаясь ни на двор, ни на сад, ни на стену, огораживавшую строения, и так до каменного ограждения, что образовывало границу самого поля. Здания здесь возводили длинные и низкие, чтобы они устояли под порывами шквального ветра, обрушивавшегося на эту девственную суровую местность и зимой, и летом. Обитателям того дома повезло, что уголь стоил очень дешево; иначе, как подумал бы любой южанин, они ни за что не выжили бы под постоянным натиском ураганных ветров, которые свистели по всей округе, стремясь проникнуть в каждую щель.

Но едва вы взбились на длинную унылую дорогу, усеянную округлыми неровными камнями, на которых охромела бы любая лошадь, не привыкшая скакать по ухабам, и затем пересекали поле по узкой сухой затвердевшей тропинке, протоптанной таким образом, чтобы неутихающий ветер не дул путникам прямо в лицо, это жилище встречало вас теплом и уютом. Миссис Робсон, будучи родом из Камберленда, слыла более чистоплотной хозяйкой, чем фермерские жены той части северо-восточного побережья, чья неряшливость ее зачастую шокировала, что она выражала скорее взглядом, чем речами, ибо словоохотливостью она не отли-

чалась. Благодаря своей привередливости она сумела наладить крайне благоустроенный быт, но среди соседей популярности ей это не прибавило. На самом деле Белл Робсон гордилась своим умением вести домашнее хозяйство, и стоило переступить порог ее дома, сложенного из серого необработанного камня, помимо чистоты и тепла, вы находили здесь массу других удобств. Над головой висела большая полка с овсяными лепешками, и Белл Робсон не жаловалась еще и за то, что она отдавала предпочтение именно такой разновидности хлеба из овсяной муки, а не тому, что обычно пекли в Йоркшире – кисловатый, из дрожжевого теста. В обилии имелись копченые свиные бока и «руки» (то есть свиная лопатка мокрого посола; окорока и рульки предназначались для продажи, поскольку стоили дороже); а любому посетителю, заглянувшему в дом, предлагалось отведать «торфяник»¹⁹ и «поющего голубчика»²⁰, на которые не жалели сливок и пшеничной муки мельчайшего помола (этой выпечкой домохозяйки с севера любили потчевать гостей, пока те пили дорогой чай с вкуснейшим сахаром).

В тот вечер фермер Робсон то и дело выбегал из дома, поднимался на небольшую возвышенность и возвращался разочарованным, в состоянии тревожного нетерпения. Его спокойная, неразговорчивая жена тоже была несколько расстроена задержкой Сильвии, но свое волнение она выражала более короткими, чем обычно, ответами на непрерывные сетования мужа, недоумевавшего, куда могла запропасться их дочь, и более усердным вязанием.

– Пожалуй, схожу-ка я сам в Монксхейвен, поищу там нашу девочку. Уже почти семь.

– Нет, Дэннел, – остановила его жена, – не надо. У тебя всю неделю нога болит, а тут путь неблизкий. Тогда уж я Кестера за ней пошлю, если ты думаешь, что это необходимо.

– Нет, Кестера ты не тронь. А кто рано утром овец погонит на выпас, если отправить его сейчас? Дочку он не найдет, зато в паб забурился, – ворчливо произнес Дэниэл.

– За Кестера я не боюсь, – отвечала Белл. – Он людей в темноте хорошо распознает. Но если ты настаиваешь, я надену плащ с капором и пройду до конца дороги. Только ты за молоком последи, смотри, чтоб не убежало. Она не выносит даже малейшего привкуса горелого.

Но прежде чем миссис Робсон успела отложить вязанье, с улицы донеслись отдаленные голоса, которые с каждым мгновением звучали все ближе. Дэниэл снова взобрался на небольшой пригорок и прислушался, всматриваясь в темноту.

– Идет! – крикнул он и, прихрамывая, быстро спустился вниз. – Все, можешь не собираться. Готов поспорить, это голос Филиппа Хепберна. Он провожает ее домой, как я и говорил еще час назад.

Белл промолчала, хотя могла бы и возразить. Ведь именно она предположила, что Филипп, возможно, проводит Сильвию домой, а муж счел, что это маловероятно. В следующую минуту появилась Сильвия, и лица обоих родителей чуть осветила неосознанная радость.

Она разругалась от ходьбы и октябрьского воздуха, вечерами уже становившегося морозным; тень раздражения, поначалу омрачавшая ее лицо, сразу же рассеялась, стоило ей увидеть сияющие любовью глаза родных людей. Филипп, вошедший следом, имел возбужденный, но не вполне довольный вид. Дэниэл оказал ему сердечный прием, тетя поприветствовала его сдержанно.

– Снимай с плиты свою кастрюлю с молоком, миссус, и ставь чайник. Девицам, может, молоко и в самый раз, но нам с Филиппом в столь холодный вечер больше подойдет капля доброго джина с водой. Я продрог до костей, пока высматривал тебя, дочка, а то твоя мама уж шибко переживала из-за того, что ты не вернулась домой засветло, и мне приходилось подолгу стоять на холме и прислушиваться.

¹⁹ «Торфяник» (*turf cake*) – смородиновые булочки, которые запекают под крышкой в железной сковороде на горящем торфе.

²⁰ «Поющий голубчик» (*singing hinnies*) – сдобные смородиновые лепешки, которые запекают на противне; названы так потому, что при запекании они издают шипяще-свистящий звук.

Белл знала, что к истине слова мужа не имеют не малейшего отношения, но сам он искренне заблуждался на сей счет. Как это часто бывало, он и теперь убедил себя, что потворствовал чужим желаниям, делая то, что в действительности делал себе в угоду и для собственного удовольствия.

– В городе беспокойно из-за стычек китобоев с вербовщиками, и я подумал, будет лучше, если я провожу Сильвию до дома.

– Ой, парень, да мы всегда тебе рады, даже если ты просто нашел повод, чтобы выпить. Но китобои – здравствуйте вам пожалуйста? Откуда они взялись? Вчера, когда я ходил на берег, их еще и в помине не было. Рано им еще возвращаться. А вербовщики, будь они прокляты, снова взялись за свою дьявольскую работу! – С последними словами лицо фермера Робсона изменилось, выражая стойкую закоренелую ненависть. – Ну-ну, миссус, нечего сверлить меня взглядом. Я не намерен выбирать выражения, когда говорю об этих бесовских бандитах, ни ради тебя, ни ради кого другого. И мне не стыдно своих слов. Они абсолютно справедливы, и я готов это доказать. Где мой указательный палец? Ага! И верхняя фаланга большого, как у всякого нормального человека? Жаль, что я их не заспиртовал, как это делают в аптеке. А то бы показал дочке свою плоть и кости, с которыми мне пришлось расстаться, чтобы получить свободу. Я отсек их резак, когда увидел, что заперт на боевом корабле, готовом выйти в море. А дело-то было во время войны с Америкой, и мне противна была сама мысль погибнуть от руки человека, который говорит на моем языке, вот я и покалечил себя резак. Сказал Биллу Уотсону: «Давай, парень, окажи мне услугу, я в долгу не останусь, не бойся. Они с радостью отрестятся от нас и снова отправят в старушку Англию. Ты, главное, ударь хорошенько». Ну-ка, миссус, хватит греметь горшками, лучше сядь да послушай меня, – сердито обратился он к жене.

Та слышала эту историю сотни раз и, надо признать, действительно гремела посудой, готовя ужин для Сильвии – нарезаая хлеб и наливая молоко.

Белл в ответ не произнесла ни слова, но Сильвия очень мило, но повелительно похлопала отца по плечу:

– Мама для меня старается. А я проголодалась. Подожди, пока я сяду ужинать, а Филипп получит свой стакан грога, и ты в жизни не найдешь более благодарных слушателей, да и мама успокоится.

– Ох уж и своевольная ты девчонка, – с гордостью заметил отец, смачно шлепнув дочь по спине. – Что ж! Давай подкрепляйся да помалкивай, а я хочу дорассказать свою историю Филиппу. Хотя, может, я тебе уже рассказывал? – спросил он, поворачиваясь к парню.

Хепберн не мог солгать, что он не слышал этой его истории, ибо он чванился своей правдивостью. И потому вместо честного признания он попытался произнести небольшую хвalebную речь, призванную утешить оскорбленное самолюбие Дэниэла, но, разумеется, слова его возымели обратный эффект. Дэниэл не терпел, чтобы с ним обращались, как с ребенком, но, совсем как капризный ребенок, он повернулся спиной к Филиппу. Чувства кузена Сильвию не заботили, однако ей не нравилось, что отец обижен, посему она принялась рассказывать о своих приключениях, поведав родителям о том, что происходило днем. Дэниэл поначалу притворялся, что не слушает, нарочито гремел ложкой и стаканом, но мало-помалу он оттаял, стал возмущаться вербовщиками и отчитал Филиппа с Сильвией за то, что они не узнали больше подробностей о том, чем закончилось противостояние.

– Я и сам ходил на китов, – сказал он, – и мне говорили, что китобои носят при себе ножи. Уж я бы не преминул пустить в ход свой резак, если б эти бандиты схватили меня, едва я ступил на берег.

– Ну, не знаю, – отвечал Филипп, – мы сейчас воюем с Францией и не должны уступать, но если у них будет больше солдат, вполне возможно, они нас победят.

– Ничего подобного, черт возьми! – Дэниэл Робсон с такой силой грохнул кулаком по столу, что стаканы и глиняная посуда снова зазвенели. – Детей и женщин бить негоже! А лишить французов перевеса в людской силе – это все равно что ударить женщину или ребенка. Это игра не по правилам, вот в чем загвоздка. Несправедливо вдвойне. Несправедливо хватать людей, которые не хотят воевать по чужой указке. Людей, которые только что высадились на берег, мечтая отведать хлеба и мяса вместо сухарей и баланды и поспать на кровати, а не в гамаке. О чувствах я не говорю, плотские улады и вся эта лирика не про меня. Несправедливо хватать их, заковывать в цепи и запихивать в душную дыру, за решетку, чтоб не вырвались на свободу, а потом на долгие-долгие годы отправлять в море. И по отношению к французам это тоже несправедливо. Один наш стоит ихних четверых, и, если мы станем драться четверо на четверых, это все равно что сражаться с Сильвией или с малышом Билли Крокстоном. Вот мое мнение. Миссус, где моя трубка?

Филипп не курил, чем он и воспользовался, чтобы высказать свое суждение, что ему редко удавалось в беседе с Дэниэлом, если только тот не держал во рту трубку. Посему, после того как Дэниэл набил ее и утрамбовал табак, по своему обыкновению, с помощью пальчика Сильвии, к чему она настолько привыкла, что сама положила свою руку на стол подле отца, с той же непринужденностью, с какой приносила ему плевательницу, когда он начинал курить, Филипп собрался с мыслями и заговорил:

– Я, как и всякий человек, за игру по правилам с французами, пока у нас есть уверенность, что мы победим; но я так скажу: прежде должно обеспечить условия для победы, а уж потом предоставлять им преимущества. Полагаю, у правительства такой уверенности еще нет, ибо газеты пишут, что экипажи половины наших кораблей в Ла-Манше укомплектованы не полностью. В общем, я хочу сказать, что правительству виднее: если говорят, что людей не хватает, значит, мы должны так или иначе компенсировать их нехватку. Джон и Джеремайя вносят свой вклад деньгами, ополченцы – личным участием; а если моряки не могут платить налоги и не хотят помогать личным участием, значит, их нужно заставить, чем, полагаю, и занимаются вербовщики. Лично я, когда читаю про то, что творят французы, преисполняюсь благодарности за то, что живу в стране, где правят король Георг и британская конституция.

Дэниэл вынул изо рта трубку:

– А разве я сказал хоть слово против короля Георга и конституции? Я только хочу, чтобы мной правили как можно лучше – в моем понимании. Вот что я называю представительной властью. Отдавая свой голос за мистера Чолмли на выборах в парламент, я сказал: «Идите туда, сэр, и объясните им, что я, Дэниэл Робсон, считаю правильным и что я, Дэниэл Робсон, хочу, чтоб было сделано». Иначе, будь я проклят, если б я отдал свой голос за него или за кого другого. По-твоему, я хочу, чтобы Сета Робсона, сына моего родного брата и матроса на угольщике, схватили вербовщики и оставили без жалованья, которое, ставлю десять к одному, ему не заплатят? По-твоему, я поручил бы мистеру Чолмли ратовать за такое дело? Нет уж, увольте. – Он снова взял трубку, вытряхнул из нее пепел, раскурил огонек и закрыл глаза, приготовившись слушать.

– Но, прошу прощения, законы издаются на благо нации, а не для вашего личного блага или моего.

Этого Дэниэл стерпеть не мог. Он положил трубку, открыл глаза, пристально посмотрел на Филиппа, прежде чем заговорить, дабы придать весомость своим словам, и затем медленно отчеканил:

– Нация! Нация! Есть я, есть ты, а что такое нация? Если б мистер Чолмли заявил мне подобное, долго бы он ждал, пока я снова проголосую за него. Я знаю, что есть король Георг и мистер Питт, есть ты и я, а где она нация-то, пропади она пропадом?!

Филипп, порой излишне упорно отстаивавший свою точку зрения – себе во вред, особенно когда чувствовал, что побеждает в споре, – не заметил, что Дэниэл Робсон утрачи-

вает бесстрастную рассудительность, сменявшуюся запальчивым гневом, который охватывает человека, когда вопрос приобретает для него некий личный интерес. Робсон раз или два уже ругался на эту тему, и память о прежних спорах усиливала его нынешнюю горячность. Хорошо, что из кухни в комнату вскоре вернулись Белл с Сильвией, своим присутствием способствовавшие восстановлению гармонии вечера. После ужина они вымыли кастрюли и раковины; Сильвия показала матери свой новый плащ, и та при виде его цвета покачала головой, но дочь умаслила ее поцелуем, после чего мать поправила на голове чепец, пробурчав: «Ну все, все! Будет тебе уже!», однако неодобрения своего больше не выказывала, и теперь они вновь сели за свои обычные занятия, дожидаясь ухода гостя. После они поворошат в очаге угли и лягут спать, ибо ни прядение Сильвии, ни вязание Белл не стоило свеч, а утренние часы бесценны на маслодельне.

Говорят, игра на арфе – грациозное зрелище; прядение – почти столь же привлекательная картина. Женщина стоит у большого колеса прялки, одна ее рука вытянута, вторая держит нить, голова запрокинута назад, чтобы видеть весь процесс прядения; или, если прялка меньше, для куделя, – а именно за такой сегодня вечером трудилась Сильвия, – приятное умиротворяющее жужжание и урчание вращающегося колеса, изящная поза прядильщицы, работающей одновременно рукой и ногой, веселенькая цветная лента, которой кудель привязан к прялке, – все это складывается в живописную сценку домашнего быта, которая по красоте и плавности не уступает игре на арфе.

После прогулки по холоду в тепле комнаты щеки Сильвии покраснелись. Голубая лента, которой она сочла необходимым стянуть назад волосы, перед тем как надеть шляпку, когда собиралась на рынок, распустилась, и теперь ее взлохмаченные локоны разметались по плечам, что вызвало бы у нее крайнее раздражение, если б она, находясь наверху, посмотрелась в зеркало; но, хотя волосы Сильвии не были уложены должным образом, выглядели они мило и роскошно. Ее маленькая ножка, стоявшая на «педали», все еще была обута в туфлю с изящной пряжкой, что доставляло ей немало неудобства, ибо она не привыкла ходить в обуви на далекие расстояния; они с Молли не разулись лишь потому, что шли домой в сопровождении Филиппа. Скруглив в локте руку в крохотных крапинках и сложив конусом розовую ладошку, Сильвия ловко и сноровисто вытягивала волокно из куделя в такт вращению колеса. Только это и видел Филипп, ибо большая часть ее лица не была доступна его взору, поскольку Сильвия отворачивалась от него со смущенным недовольством в чертах, по опыту зная, что кузен Филипп всегда смотрит на нее. И, сидя к нему вполоборота, она в молчаливом раздражении слушала визгливый скрип стула Филиппа, который он, чтобы лучше видеть ее, постоянно двигал по каменному полу, умудряясь при этом не поворачиваться спиной ни к ее отцу, ни к матери. Сильвия приготовилась при первой же возможности возразить ему или вступить с ним в спор.

– Ну что, дочка?! Купила новый плащ?

– Да, папа. Алый.

– Ай-ай! А мама что говорит?

– О, мама довольна, – ответила Сильвия, немного сомневаясь в душе, но полная решимости не дать спуску Филиппу, чего бы ей это ни стоило.

– Вернее сказать, мама примирится с твоим выбором, если на нем не будет пятен, – спокойно встала Белл.

– Я советовал Сильвии купить серый, – сказал Филипп.

– А я выбрала красный. Он гораздо красивее, и меня в нем будет видно издалека. Папе нравится смотреть, как я появляюсь из-за первого поворота, правда, папа? И в дождь я никуда не пойду, мама, так что пятен на нем не будет.

– Я думала, плащ предназначается для плохой погоды, – заметила Белл. – Во всяком случае, это был мой аргумент, когда я взывала к благоразумию твоего отца.

Тон у нее был мягкий, но слова принадлежали скорее расчетливой, чем любящей матери. Однако Сильвия поняла ее лучше, чем Дэниэл.

– Попридержи язык, мать. Ни про какой аргумент она не говорила.

Он не знал точно, что такое «аргумент»: Белл была чуть более образованна, нежели ее супруг, но тот, не желая это признавать, взял себе за правило не соглашаться с женой, когда бы она ни употребила не совсем понятное ему слово.

– Временами она хорошая девушка, и если ей нравится ходить в желто-оранжевом плаще, значит, так тому и быть. Вон, Филипп у нас защищает законы и вербовщиков, пусть найдет закон, запрещающий угождать нашей девочке, а она ведь у нас одна. Хотя ты, мать, об этом, конечно, не думаешь!

Белл думала об этом часто, пожалуй, чаще, чем муж, ибо каждый божий день по многу раз вспоминала она малыша, который родился и умер, пока его отец странствовал где-то по свету. Но она не имела привычки оправдываться.

Сильвия, лучше, чем Дэниэл, понимавшая, что творится в душе у матери, поспешила перевести разговор на другую тему:

– Ой, а Филипп всю дорогу превозносил наши законы. Я-то молчала, предоставив Молли спорить с ним, иначе напомнила бы ему и про шелка, и про кружева и прочее.

Филипп покраснел. Не из-за того, что его уличили в контрабанде, этим все занимались, только вот заострять на том внимание считалось неприличным. Досаду у него вызвало другое: уж больно быстро его юная кузина сообразила, что его слова расходятся с делом, и еще то, с каким удовольствием она озвучила этот факт. У него мелькнула мысль, что и дядя может указать на его занятие в качестве довода против его заявлений, которые он позволил себе сделать в недавнем споре с Дэниэлом, но тот выпил слишком много джина с водой и теперь был способен только излагать собственные суждения, которые он и выразил – медленно, с трудом ворочая языком – в следующей фразе:

– Мнение мое такое. Законы издаются для того, чтобы помешать одним людям причинять вред другим. Вербовщики и береговая охрана вредят мне, мешая заниматься моим бизнесом, не давая получить то, что я хочу. Посему мнение мое такое: мистер Чолмли должен поставить вербовщиков и береговую охрану на место. Если вы считаете, что это неразумно, скажите тогда: что разумно? И если мистер Чолмли не сделает то, что я от него жду, с моим голосом он может распрощаться, это уж точно.

Тут Белл Робсон положила конец излияниям мужа; не из чувства отвращения или раздражения или из страха, что он скажет или сделает что-то не то, если будет продолжать пить, просто заботилась о его здоровье. Сильвия тоже ни в коей мере не сердилась ни на отца, ни на других знакомых мужчин, за исключением кузена Филиппа, в том, что касалось потребления спиртного до такого состояния, когда мысли начинают путаться. Посему она просто отставила прялку, готовясь ко сну, а мама ее сказала – более решительным тоном, чем тот, к какому она обычно прибегала во всех других случаях, кроме подобных этому:

– Хватит, мистер, ты выпил достаточно.

– Так и быть! Так и быть! – отвечал Дэниэл, хватаясь за бутылку, но, пожалуй, более благодушный от выпитого, чем прежде, он плеснул в стакан еще немного джина, а потом жена забрала у него бутылку и заперла ее в буфете, положив ключ в карман. Дэниэл подмигнул Филиппу: – Эх, парень! Никогда не позволяй женщине командовать собой! Видишь, до чего это доводит мужика; и все же я проголосую за Чолмли и вербовщиков!

Последнюю фразу он крикнул Филиппу вдогонку, ибо Хепберн, желая угодить тете и по складу своего характера не жалуя пьянство, уже стоял у двери, собираясь идти домой, и, надо признать, больше думал о том, что означает рукопожатие Сильвии, чем о сказанных на прощание словах дяди и тети.

Глава 5. История про вербовочный отряд

На несколько дней после вечера, описанного в предыдущей главе, установилась ненастная погода. Шел дождь, но это были не внезапные скоротечные ливни, а непрерывная морось, стершая все краски с окружающего ландшафта и окутавшая местность прозрачно-водянистой серой пеленой, так что люди теперь дышали скорее влагой, чем воздухом. В такие периоды близость бескрайнего невидимого моря навевала глубочайшую тоску; но, действуя на нервы легковозбудимым натурам, такая погода также ухудшала физическое состояние особо впечатлительных или нездоровых людей. Приступ ревматизма вынуждал Дэниэла Робсона сидеть дома, а для человека столь деятельных привычек и не очень деятельного ума это было тяжелое испытание. По природе своей он был не ворчун, но из-за вынужденного заточения в четырех стенах сделался ужасно брюзгливым, каким прежде не был никогда в жизни. Он сидел в уголке у очага, ругая погоду и подвергая сомнению разумность и желательность всех обычных повседневных дел, которые его жена считала необходимым выполнять по хозяйству. В Хейтерсбэнке «уголок у очага» действительно представлял собой угол. С двух сторон очаг ограждали стены, выступавшие в комнату футов на шесть, и у одной стояла крепкая деревянная лавка, а у другой – «стул хозяина» с округлой спинкой и сиденьем из квадратного куска дерева, которое благо разумно выдолбили и приколотили одним углом вперед. Вот здесь, имея полный обзор всего, что происходит у очага, и сидел Дэниэл Робсон долгих четыре дня, наставляя жену и давая ей указания по малейшему пустяку – как варить картошку или готовить овсянку, – а она особенно гордилась своим умением вести домашнее хозяйство и в этом не потерпела бы советов – еще чего! – даже от самой умелой домохозяйки во всех трех райдингах²¹. Но каким-то образом ей удавалось держать язык за зубами, и она не говорила ему – как не преминула бы заявить любой женщине или любому другому мужчине, – чтобы он не лез не в свое дело, не то она огреет его тряпкой. Она даже Сильвию отчитала, когда та предложила, забавы ради, последовать смехотворным наставлениям отца, а потом плоды его невежества сунуть ему под нос.

– Не смей! – строго сказала Белл. – Отец есть отец, и мы должны его уважать. Слыханное ли дело, чтоб мужчина торчал дома, поддерживая огонь в очаге. И погода ужасная, ни одна душа к нам не заглянет даже для того, чтоб поругаться с ним; ведь нам-то с тобой это негоже, мы, дорогая, Библию должны чтить. А добрая словесная перепалка ему только на благо пойдет, всколыхнет его кровь. Хоть бы Филипп зашел, что ли.

Белл вздохнула, ибо последние четыре дня в каком-то смысле она выполняла тяжелый труд мадам де Ментенон²² (не обладая находчивостью последней) – пыталась развлечь человека, который всячески тому противился. Ибо Белл, даром что добродетельная и здравомыслящая, не была изобретательной женщиной. План Сильвии, хотя и нечестивый в глазах матери, может, и рассердил бы Дэниэла, но пользы ему принес бы больше, чем тихая монотонность старательной возни его жены, которая пусть и была направлена на создание уюта для мужа в его отсутствие, совершенно того не радовала, когда он сидел дома.

Сильвия стала острить по поводу Филиппа в роли интересного, занимательного гостя, пока мать не начала сердиться на то, что она насмехается над хорошим, надежным парнем, на которого Белл взидала как на образец идеального молодого мужчины. Но, едва Сильвия заметила, что мать расстроена, она прекратила язвить, поцеловала ее, сказала, что все устроит

²¹ Райдинг – название трех административных единиц в графстве Йоркшир (Великобритания): Северный райдинг, Восточный райдинг, Западный райдинг.

²² Франсуаза д'Обинье, маркиза де Ментенон (1636–1719) – воспитательница детей Людовика XIV и мадам де Монтеспан, затем официальная фаворитка короля, с 1683 г. его морганатическая жена. Известна также как основательница первой в Европе женской школы светского характера.

наилучшим образом, и выбежала из подсобного помещения кухни, где мать с дочерью мыли маслобойку и всю деревянную утварь, необходимую в маслоделии. Белл глянула на изящную фигурку дочери, когда та, накинув на голову передник, промелькнула в окне, у которого трудилась ее мать. Она на мгновение замерла, потом, почти неосознанно, произнесла себе под нос: «Благослови тебя Господь, дочка» – и вновь принялась скрести посуду, уже имевшую вид почти снежной белизны.

Под морозящим дождем Сильвия понеслась по бугристому двору туда, где она надеялась найти Кестера, но его там не оказалось, и ей пришлось тем же путем вернуться в хлев и по приставленной к стене грубо сколоченной лестнице подняться на чердак для хранения шерсти, где Кестер перебирал руно, предназначенное для домашнего прядения. Он оторопел от неожиданности, когда в люке возникло ее оживленное лицо в обрамлении синего шерстяного передника. И так, показывая лишь часть своей головы, она обратилась к работнику, который считался почти что членом семьи.

– Кестер, папа изнывает от скуки и раздражения, в безделье сидит у очага с опущенными руками. И мы с мамой уж и не знаем, как его развеселить и взбодрить, а то он только и делает что ворчит. Кестер, давай-ка сбегай найди Гарри Донкина, портного, и приведи его сюда. Ближится день святого Мартина²³, скоро он начнет обходить всех, так что в кои-то веки пусть к нам первым придет. Папе одежду надо починить, да и новостей у Гарри всегда полно, папе будет на кого поругаться. Ну и в доме появится новое лицо, нам всем от этого будет только лучше. Так что давай, Кестер, сделай доброе дело.

Кестер смотрел на нее с любовью и преданным восхищением во взоре. В отсутствие хозяина он сам определил для себя, какую работу ему необходимо выполнить за день, и очень хотел закончить начатое, но он никогда бы не посмел отказать Сильвии и потому просто объяснил обстоятельства дела:

– В шерсти очень много навоза, и я его вычищаю, но, конечно, я исполню твою просьбу.

– Спасибо, Кестер, – улыбнулась Сильвия, кивнув ему укутанной головой, и скрылась из его поля зрения, но потом снова появилась (а он так и не отвел своих усталых воспаленных глаз от того места, где она исчезла) и добавила: – Кестер, будь осмотрительней и хитрей, предупреди Гарри Донкина, чтоб он не проболтался, будто это мы за ним послали. Пусть скажет, что он просто совершает свой обход и к нам зашел первым. Он должен спросить у папы, если ли для него работа, а я отвечу и добавлю, что мы очень рады его видеть. Ну все, прояви хитрость и изворотливость, смотри не забудь!

– Простой люд я могу перехитрить, но что если Донкин будет таким же хитрым, как я?

– Да брось ты! Если Донкин будет Соломоном, стань царицей Савской, а она, скажу тебе, провела его в конце концов!

Представив себя царицей Савской, Кестер надолго зашелся хохотом. Сильвия была уж подле матери, а его безудержный смех все еще доносился до нее.

В тот вечер, готовясь ко сну в своей маленькой комнатке, она услышала стук в окно. Открыв его, она увидела внизу Кестера. Он начал с того, чем закончил их предыдущий разговор – смехом.

– Ха-ха-ха! Я был царицей! Уговорил Донкина, и он придет завтра, как бы случайно, и спросит про работу, словно хочет оказать услугу. Старик поначалу уперся. Он работал на ферме Кросски на другом конце города, а там в пиво кладут полтора страйка²⁴ солода, хотя принято класть не больше страйка, и он долго не соглашался. Но завтра он придет, не бойся.

²³ День святого Мартина – 11 ноября.

²⁴ Страйк – мера емкости в Великобритании, равная примерно 2 бушелям (ок. 73 л). Слово происходит от «strike» (палка, используемая для разравнивания зерна в мерной емкости).

Честный малый умолчал о том, что, стараясь исполнить просьбу Сильвии, он заплатил портному шиллинг из собственного кармана, чтобы тот отказался от хорошего пива. Сейчас Кестера волновало лишь то, не хватились ли его на ферме, пока он бегал к Донкину, и не ждать ли ему утром взбучки.

– Старый господин не сердился из-за того, что я не пришел ужинать?

– Он спросил, чем ты занят, но мама не знала, а я промолчала. Мама отнесла тебе ужин на чердак.

– Ой, тогда я побегу, а то я как пара сдувшихся мехов, живот к спине прилип.

На следующее утро, увидев кривые ноги Гарри Донкина, заворачивавшего на тропинку, что вела к их дому, Сильвия разругалась сильнее обычного.

– Да это ж никак Донкин! – воскликнула Белл, углядев портного минутой позже дочери. – Вот так удача! Он составит тебе компанию, пока мы с Сильвией будем переворачивать сыры.

По мнению Дэниэла, более оригинального замечания его жена не могла бы сделать, тем более в такое особенное утро, когда ревматизм мучил его больше, чем обычно, посему он пробурчал сердито:

– У женщин одно на уме – «компания, компания, компания». Думают, что мужчины не лучше, чем они. Между прочим, мне есть о чем подумать, и я не обязан распинаться перед всеми и каждым. С тех пор как я женился, у меня вообще нет времени на раздумья, особенно после того, как я перестал ходить в море. Вот на корабле, где женщин и близко не было, мне удавалось поразмыслить, особенно когда взбирался на мачту.

– Тогда я, пожалуй, скажу Донкину, что у нас нет для него работы, – заявила Сильвия. Интуитивно манипулируя отцом, она выразила согласие с ним, а не стала возражать и противоречить.

– Да ты что! – Старик развернулся лицом к двери, опасаясь, что Сильвия приведет в исполнение свою угрозу, сделанную смиренным тоном, и закричал от боли в ноге: – Ох! Ох! Входи, Гарри, входи, поговори со мной разумно, а то уж я четыре дня заперт здесь вместе с женщинами, одичал за это время. Я прослежу, чтоб они нашли для тебя работу, хотя бы затем, чтоб сами поберегли свои пальцы.

Гарри снял сюртук и уселся, положив ногу на ногу, на быстро расчищенный для него сундук у низко расположенного длинного окна, где было всего светлее. Потом подул в наперсток, послуныявил палец, чтобы наперсток плотнее на нем сидел, и осмотрелся, раздумывая, с чего бы начать разговор. Тем временем слышалось, как Сильвия с матерью в другой комнате открывали и закрывали выдвижные ящики, отбирая одежду, требовавшую починки, и ту, что шла на заплатки.

– Женщины по-своему хорошие люди, – начал Дэниэл философствующим тоном, – но мужчине порой от них спасу нет. Возьми меня. Четыре дня из-за ноги прикован к дому, и скажу без обиняков: лучше б я навоз грузил под проливным дождем, и то не так бы уставал, как от женщин: своей глупой болтовней всю печенку проели. Тебя, как портного, тоже за полноценного мужчину не считают, но и девятая доля мужчины²⁵ – это уже здорово, когда вокруг одни бабы. А они, вишь, по глупости своей хотели отослать тебя восвояси! Так-так, миссус! И кто же будет платить за починку всей этой одежды? – спросил он, видя, что Белл несет полную охапку вещей.

Его жена собралась было по своему обыкновению смиренно ответить ему со всей обстоятельностью, но Сильвия, уже различившая веселость в крепнущем голосе отца, крикнула из-за спины матери:

²⁵ «Девятая часть мужчины» (*ninth part of a man*) – в Великобритании шутовское прозвище портного. Восходит к поговорке «nine tailors make one man» (из девяти хилых не сделаешь и одного здорового).

– Я, папа. Отдам свой новый плащ, что купила в четверг, за починку твоих сюртуков и жилетов.

– Вы только послушайте ее, – хмыкнул Дэниэл. – Девчонка – она и есть девчонка. Три дня не прошло, как новый плащ купила, а уже готова его продать.

– Да, Гарри. Если папа не заплатит вам за починку всей этой старой одежды, я скорее продам свой новый красный плащ, нежели допущу, чтобы вы не получили денег за работу.

– Что ж, договорились. – Бросив внимательный взгляд профессионала на лежащий перед ним ворох одежды, Гарри взял из него самую лучшую по качеству ткани вещь и принялся ее осматривать. – Металлические пуговицы опять под запретом, – сообщил он. – Шелкопряды обратились с петицией в министерство, требуя, чтобы издали закон в пользу шелковых пуговиц; и я сам слышал, как говорили, что всюду разосланы осведомители, отслеживающие тех, кто носит одежду с железными пуговицами, и что теперь за них можно попасть под суд. Я женился в костюме с железными пуговицами и буду носить их, пока не умру, или вообще стану ходить без пуговиц. Они мастера принимать нелепые законы, скоро будут диктовать, как мне спать, и облагать налогом каждый мой храп. Налог берут с окон, с провизии, с самой соли: она вполтину подорожала с тех пор, как я был мальчишкой. Эти законодатели всюду свой нос суют, и я никогда не поверю, что король Георг имеет к тому отношение. Но помяни мое слово: медные пуговицы были на мне, когда я женился, и с медными пуговицами я буду ходить до самой смерти, и, если меня станут из-за этого донимать, я и в гроб с медными пуговицами лягу!

К этому времени Гарри, жестами объяснившись с миссис Робсон, уже определил для себя объем работы. Его нитка летала над тканью, и мать с дочерью впервые за несколько дней вздохнули свободнее, принимаясь за домашние дела, ибо Дэниэл взял свою трубку – и это был хороший знак – из квадратного углубления в стенке очага, где он обычно ее хранил, и приготовился в перерывах между своими разглагольствованиями с наслаждением пускать дым.

– Вот смотри, этот самый табачок – контрабанда. На берег его доставила жена одного из рыбаков со смака²⁶, что стоял в бухте, аккуратненько зашила в свой корсет и пронесла. Когда отправлялась к мужу на судно, тощая была; а назад уже возвращалась гораздо пышнее, и, помимо табака, чего на ней только не было по всему телу. И все это на глазах береговой охраны и того тендера, и моих тоже. Но она прикинулась выпившей, так что они просто обругали ее и отпустили с миром.

– К слову о тендере, на этой неделе в Монксхейвене заварушка случилась с вербовщиками, – сообщил Гарри.

– Да слышал! Дочка рассказывала. Только – помилуй Бог! – от женщин разве что толком узнаешь? Хотя наша Сильви, надо отдать ей должное, умная девушка, какой свет не видывал.

По правде сказать, в тот день, когда Сильвия вернулась с новостями из Монксхейвена, Дэниэлу не хотелось ронять свое достоинство, проявляя любопытство. Он тогда рассчитывал, что на следующий день найдет себе какое-нибудь дело в городе, пойдет туда и сам узнает все подробности, чтобы не льстить своим женщинам, задавая вопросы, будто они могут сообщить что-то интересное! Он мнил себя домашним Юпитером.

– Они наделали много шума в Монксхейвене. Народ почти забыл про тендер, он ведь так тихо стоял, никого не трогал, и лейтенанту по хорошим ценам продавали все, что он хотел купить для корабля. А в четверг «Решимость», китобой, первым вернувшийся в этом сезоне, вошел в порт, и вербовщики показали зубы, четверых увели, самых крепких моряков, каким мне когда-либо приходилось шить штаны; и город загудел, как разворошенное осиное гнездо, когда на него наступишь. Народ взбеленился, готов был все разнести, до последнего булыжника.

– Жаль, что меня там не было! Ох как жаль! У меня свои счета с вербовщиками!

²⁶ Смак – небольшое мореходное парусное рыболовное судно.

И старик поднял правую руку – ту самую, с изувеченными и негодными указательным и большим пальцами, – одновременно обличая и показывая, что ему пришлось вынести, дабы избежать военной службы, ненавистной в силу ее принудительности. Он изменился в лице, в котором отразилось твердое неумолимое возмущение, подкрепленное словами.

– Ну же, продолжай, – нетерпеливо произнес Дэниэл, досадуя на Донкина за то, что тот умолк на минуту из необходимости сосредоточиться на работе.

– Да-да! Всеу свое время. Рассказ мой долгий, и нужно, чтоб кто-то прогладил швы и поискал лоскуты, а то здесь у меня подходящих нет.

– К черту твои лоскуты! Сильви! Сильви! Иди сюда сейчас же, портному нужен подмастерье, помоги ему, а то мне не терпится услышать его рассказ.

Выполняя указания, Сильвия поставила утюги на огонь и побежала наверх за узелком, что заранее приготовила на такой случай ее осмотрительная мать. Узелок состоял из цветных лоскутков разных тканей, вырезанных из старых сюртуков, жилетов и прочих предметов одежды, которые сильно потрепались и стали непригодны для носки, но в отдельных местах материя оставалась прочной, а рачительная хозяйка такую никогда не выбросит. Пока Донкин отбирал лоскуты и соображал, как их лучше пришить, Дэниэл гневался все сильнее.

– Ну что ты так усердно подбираешь заплатки к моему старью?! – наконец не выдержал он. – Я же не юнец, и ты мне не свадебный костюм шьешь. Да хоть красную прилепи, мне все равно. Ты давай не только иголкой работой, но и языком.

– Итак, как я и говорил, весь Монксхейвен гудел, будто потревоженный улей. Все мельтешили туда-сюда, и такой гул стоял – жуть. И каждый стремился ужалить, излить свой яд ярости и мести. А в субботу, да поможет нам Бог, наступил самый страшный день, и женщины плакали, рыдали, заливая слезами улицы! Всю пятницу народ пребывал в тревоге, ожидая возвращения «Доброй удачи», ведь моряки с «Решимости» сказали, что в четверг судно отчалило от мыса Сент-Эббс-Хед; жены и возлюбленные тех, кто ходил на «Доброй удаче», глаз не отрывали от моря, а оно все было затянуто пеленой дождя; после полудня, когда начался прилив, судно так и не появилось, и народ стал ломать голову: то ли оно не показывается из страха перед тендером, то ли с ним что-то случилось. И под проливным дождем женщины потащились в город; одни тихо плакали, словно сердца у них были не на месте, другие, пряча лица от ветра, ни на кого не глядя, ни с кем не разговаривая, пошли прямо домой, заперлись, настраиваясь на еще одну ночь ожидания. В субботу утром, помнишь, наверно, был шквальный ветер, штормило, а люди, несмотря на погоду, с рассветом уже снова стояли на берегу, напрягая зрение, и с приливом «Добрая удача» вошла в гавань. Сборщики акциза, отправившиеся на судно в лодке, вернулись с новостями: на корабле много жира и ворвани. Однако флаг на нем, мокрый и обвислый под дождем, был приспущен в знак скорби и печали, поскольку на борту находился мертвец, который еще вчера на восходе солнца был жив и здоров. А еще один моряк был при смерти, а семерых вообще на борту не оказалось, их забрали вербовщики. Я слышал, близ Хартлпула стоял на якоре фрегат, узнавший про «Добрую удачу» от тендера, что в четверг захватил в плен наших моряков; и «Аврора», как его называют, ринулся на север; моряки с «Решимости» думают, что «Добрая удача» заметила фрегат в девяти лье от Сент-Эббс-Хеда, и они сразу поняли, что это военный парусник, и догадались, что он охотится на матросов по указу короля. Я своими глазами видел раненого, но он выживет, обязательно выживет! Человек со столь сильной жаждой мести не может умереть. Он тяжело ранен, едва шевелил губами, но постоянно менялся в лице, когда старший помощник капитана и сам капитан рассказывали мне и другим, как «Аврора» выстрелила в них; ни в чем не повинный китобой стал поднимать флаги²⁷, но еще до того, как они взвились, последовал новый выстрел, почти по вантам, и тогда гренландский парусник, шедший против ветра, устремился к фрегату; но они знали, что это –

²⁷ Очевидно, с той целью, чтобы показать, что это гражданское судно.

старая лиса, может подстроить любую пакость, и Кинрэйд (тот, что теперь умирает, но он не умрет, попомни мое слово), главный гарпунщик, велел матросам спуститься в трюм и задрать люки, а сам встал на страже, остался на палубе вместе с капитаном и его старпомом, чтобы встретить, без особых почестей, команду с «Авроры», что гребла к ним на шлюпке.

– Будь они прокляты! – тихо выругался Дэниэл, будто разговаривая сам с собой.

Сильвия внимательно слушала, держа в руке горячий утюг, который она боялась поднести Донкину из страха прервать его повествование, но и снова ставить утюг на огонь она тоже не хотела, потому что тем самым она могла напомнить портному про его работу, про которую, увлеченный собственным рассказом, он теперь позабыл.

– В общем, они подплыли и стали залезать на борт, как саранча, все с оружием; и капитан говорит, он увидел, как Кинрэйд спрятал под брезент свой китобойный нож, и он понимал, что тот настроен по-боевому, но не собирался останавливать его, как не стал бы мешать убивать кита. И когда моряки с «Авроры» поднялись на борт, один из них кинулся к штурвалу; ну и капитан, конечно, как он сам говорит, разозлился, будто у него на глазах жену его поцеловали. «И я подумал про матросов, – рассказывал капитан, – что заперлись в трюме, вспомнил, как нас ждут в Монксхейвене, и сказал себе: „Я до последнего буду вежлив с ними, а потом возьмусь за китобойный нож, что блестит под черным брезентом“. И он обратился к ним со всей вежливостью и учтивостью, хотя видел, что они приближаются к «Авроре», а она – к ним. А потом капитан военного судна крикнул ему в рупор, загремел на весь океан: «Прикажите своим людям выйти на палубу». И его люди, говорит капитан китобоя, закричали снизу, что они не сдадутся без боя; и он увидел, как Кинрэйд достал свой пистолет, зарядил его. И он заявил капитану военного корабля: «Мы – китобои, мы под защитой закона, и вы не вправе нас трогать». Но военный капитан в ответ заревел: «Велите своим людям выйти на палубу. Если они не повинуются и вы утратите власть над командой, я сочту, что на корабле бунт, и тогда вы можете подняться на борт «Авроры» с теми, кто готов последовать за вами, а по остальным я открою огонь». Видишь, гад какой: представил все так, будто наш капитан не в силах командовать собственным кораблем и он пришел ему на помощь. Но наш капитан не робкого десятка, и он сказал: «Судно забито ворванью, и предупреждаю: если вы обстреляете его, последствия для вас будут самые неприятные. Пираты вы или нет (слово «пираты» вертелось у него на языке), я – честный гражданин Монксхейвена, родился и вырос в суровом краю огромных айсбергов и смертельных опасностей, но бандитов-вербовщиков там – слава богу! – никогда не было, а вы, полагаю, они и есть». По его утверждению, именно так он и сказал, но вот посмел ли он произнести именно эти слова, я не уверен; они были у него на уме, но, возможно, благоразумие возобладало, ибо он сказал, что в душе поклялся себе любой ценой доставить груз хозяевам целым и невредимым. Моряки с «Авроры», что поднялись на борт «Доброй удачи», крикнули своему капитану: можно ли взорвать люки и вывести матросов? И тогда главный гарпунщик заявил, что он встанет у люков, а у него есть два хороших пистолета и еще кое-что, и ему плевать на свою жизнь, потому что он холостой, но все матросы внизу женатые люди, и он убьет первых двух, кто приблизится к люкам. И, говорят, он подстрелил двоих, когда те направились к люкам, а потом только потянулся за китобойным ножом, большим таким, как серп...

– Можно подумать, я не знаю, как выглядит китобойный нож, – воскликнул Дэниэл. – Я тоже ходил на китов.

– ...ему засадили пулю в бок, и он потерял сознание, и его отпихнули в сторону, как мертвого, а потом взорвали люки, убили одного матроса и покалечили двоих, и тогда остальные запросили пощады, ибо жить-то хочется, пусть даже на борту королевского корабля; и «Аврора» увезла их, и раненых, и здоровых, всех, оставив только Кинрэйда, решив, что он мертв, а он жив, и мертвого Дарли, а также капитана и старпома, как слишком старых для военной службы; и капитан – он любит Кинрэйда, как брата, – налил ему в глотку ром, перевязал его и послал за лучшим доктором в Монксхейвене, чтобы тот извлек пули, ибо говорят,

что нет лучшего гарпунщика в Гренландских морях; и я сам могу подтвердить, что он хороший парень, и видел теперь, как он лежит весь окоченевший и бледный от слабости и потери крови. А вот Дарли мертв, как дверной гвоздь; и в воскресенье ему устроят похороны, каких в Монк-схейвене сроду не видывали. Ну-ка, девица, дай нам утюг, хватит тратить время на разговоры.

– Это не трата времени, – возразил Дэниэл, грузно задвигавшись на стуле, чтобы еще раз почувствовать, сколь он беспомощен. – Будь я молод, как когда-то, паря, и если б не ревматизм, уж тогда бы эти вербовщики узнали, что им их злодеяния с рук не сойдут. Эх, беда! Сейчас еще хуже, чем в пору моей молодости, когда мы воевали в Америке, а ведь и тогда было несладко.

– А что Кинрэйд? – спросила Сильвия, протяжно вздохнув после того, как она осмыслила услышанное. Щеки ее розовели все гуще и гуще, глаза блестели, пока она внимала портному.

– О, он поправится. Не умрет. Жизнь в нем крепко сидит.

– Наверно, он кузен Молли Корни, – покраснела Сильвия, вспомнив, что Молли намеревалась, будто Кинрэйд ей больше чем кузен.

И Сильвии тотчас же захотелось пойти к подруге и узнать все мелкие подробности, которыми женщины не считают зазорным делиться друг с другом. С этой минуты в сердечке Сильвии жила только одна эта цель. Но в том она открыто не признавалась даже самой себе. Ей только не терпелось увидеть Молли, и она почти уверовала сама в то, что ей нужен совет подруги относительно фасона плаща, который Донкин раскроит и который она сама сошьет под руководством портного. Как бы то ни было, именно эту причину она назвала матери, когда к вечеру домашние дела были переделаны и небо прояснилось после дождя.

Глава 6. Похороны моряка

Жилище семьи Корни, Мосс-Брау, не отличалось чистотой и уютом. Грязный двор усеивали лужи и навозные кучи, меж которыми специально положили камни – только по ним и можно было подобраться к входной двери. В большой комнате всякий день сушилась у очага одежда: кто-нибудь из многолюдной беспорядочной семьи Молли вечно устраивал так называемые постирушки, как говорили в этом краю, – подстирывали кое-какие вещи, которые забыли постирать вместе с остальным бельем в день, отведенный для стирки. А порой грязные вещи валялись в неопрятной кухне, которая с одной стороны открывалась в комнату, служившую одновременно гостиной и спальней, с другой – в маслодельню, единственное чистое место во всем доме. Переступая его порог, вы сразу же видели вход в подсобное помещение кухни – судомойню. В целом же, несмотря на хаос, создавалось впечатление, что это жилище обеспеченной семьи, Корни по-своему были богаты – птицей, скотом и детьми; и ни грязь, ни извечная суматоха, происходившая от плохой организации работы, не мешали им радоваться жизни. Все они были легкого, веселого нрава; миссис Корни и ее дочери всегда тепло приветчали гостей и охотно садились поболтать в любое время, будь то десять утра или пять вечера, хотя по утрам в доме полно было дел по хозяйству, которые требовали внимания, а к вечеру, то есть в конце трудового дня, жены и дочери фермеров «прибирались», как говорили тогда, или, понынешнему, «принаряжались». Конечно, в доме, подобном этому, Сильвия была желанным гостем. Юная, очаровательная, умная, она, как и подобает ее лучезарной натуре, приносила свежую струю приятного оживления в любое окружение. И к тому же, поскольку Белл Робсон слишком высоко задирала нос, визиты ее дочери расценивались скорее как милость, ибо Сильвии не позволялось ходить к кому попало.

– Садись, садись! – вскричала миссис Корни, передником вытирая стул. – Молли скоро придет. Она в сад пошла посмотреть, есть ли паданцы, чтобы пару пирогов испечь для ребят. Они любят на ужин яблочные пироги, подслащенные патокой, и с твердой хрустящей корочкой, чтоб было что пожевать, а мы еще яблоки не собрали.

– Если Молли в саду, я пойду ее поищу, – сказала Сильвия.

– Ну-ну! Знаю я, посекретничать хотите, девочки, про дружков своих сердешных и прочее. – Миссис Корни многозначительно посмотрела на Сильвию, за что та на мгновение ее возненавидела. – Я помню, помню, как сама когда-то была молодой. Осторожней, там сразу за дверью большая лужа.

Но Сильвия уже мчалась через задний двор, еще более неухоженный, если такое вообще возможно, чем передний. Через маленькую калитку она влетела в сад, где росли старые скрюченные яблони с покрытыми лишайником стволами, в которых по весне вили гнезда хитроумные зяблики. На деревьях оставались и большие ветки, изъеденные гнилью, которые, конечно, не плодоносили, но придавали пышности кронам, образовывавшим сучковатый плетень над головой; большие участки сада покрывали пучки спутанной мокрой травы. На старых серых деревьях все еще висело относительно много румяных яблок, и тут и там в неподстриженной зелени под ногами краснели паданцы. Любой, кто не был знаком с семейством Корни, озадачился бы вопросом, почему с яблонь до сих пор не собран урожай, если видно, что плоды давно созрели; но те на практике всегда следовали правилу, пусть и неписаному: «Не делай сегодня то, что можно отложить на завтра», и поэтому при малейшем дуновении ветра яблоки падали с деревьев и гнили на земле, пока у «ребят» не возникало желание отведать на ужин пирогов.

Завидев Сильвию, Молли кинулась навстречу подруге, в спешке спотыкаясь о пучки травы.

– Вот так сюрприз! – воскликнула она. – Кто бы подумал, что тебя можно увидеть в такой ненастный день?

– Так ведь погода разгулялась, вечер чудесный, – отвечала Сильвия, взглянув на ласковое вечернее небо в просветах меж веток яблонь. Оно имело нежный бархатистый оттенок серого, подернутого тепловатой розовинкой скорого заката. – Дождь прекратился, а я хотела посоветоваться насчет плаща, а то у нас дома сейчас Донкин работает, и еще хотела новости узнать.

– Какие новости? – спросила Молли, ибо про нападение «Авроры» на «Добрую удачу» она слышала несколько дней назад, и, говоря по правде, эта история уже выскочила у нее из головы.

– Ты разве не слышала про вербовщиков и китобой, про ужасную стычку между ними и про кузена своего Кинрэйда, который проявил себя настоящим храбрецом, а теперь лежит на смертном одре?

– О! – воскликнула Молли, сообразив, какие новости имеет в виду Сильвия, и несколько удивившись горячности ее тона. – Да слышала, давно уже. Но Чарли вовсе не на смертном одре, ему гораздо лучше; и мама говорит, на следующей неделе его перевезут сюда, чтоб мы его выхаживали, да и воздух здесь лучше, нежели в городе.

– Ой, я так рада! – от всего сердца сказала Сильвия. – А то я думала, что, может, он умрет и я никогда его не увижу.

– Увидишь, обещаю, если, конечно, все пойдет хорошо, а то ведь он тяжело ранен. Мама говорит, у него на боку четыре синие отметины, которые останутся ему на всю жизнь, а доктор боится, что он изнутри изойдет кровью и скончается, если за ним не приглядывать.

– Но ты же сказала, что ему лучше, – произнесла Сильвия, чуть побледнев.

– Ну да, лучше, только ведь в жизни всякое бывает, особенно после огнестрельных ран.

– Он повел себя очень благородно, – задумчиво проронила Сильвия.

– А я никогда и не сомневалась в том, что он герой. Много раз слышала, как он говорил: «Слово чести», и теперь он всем показал, какой он благородный человек.

О благородстве Кинрэйда Молли говорила не сентиментально, а как женщина, заявляющая на него свои права, что подтверждало догадки Сильвии: подругу с ее кузеном связывало взаимное чувство. Но следующие слова Молли повергли ее в недоумение.

– Что до твоего плаща, ты за капюшон или пелерину? Наверно, в этом весь вопрос.

– Ой, да мне все равно! Расскажи еще о Кинрэйде. Ты и вправду думаешь, что ему станет лучше?

– Вот те на! Что это ты, подруга, так разволновалась за него? Я уж передам ему, что им сильно заинтересовалась одна молодая женщина!

С той минуты Сильвия перестала спрашивать про Кинрэйда. Помолчав, она уже другим, сдержанным, тоном произнесла:

– Пожалуй, за капюшон. А ты как думаешь?

– Ну, вообще-то капюшоны уже выходят из моды. Я бы на твоём месте сделала пелерину из трех частей: по одной на каждое плечо, и одна красиво падает на спину. Но лучше давай в воскресенье сходим в монакстейвенскую церковь, посмотрим, как одеты дочери мистера Фишберна, у них ведь наряды из Йорка. Нам не обязательно глазеть на них в церкви, рассмотрим на церковном дворе – с них не убудет. К тому же будут хоронить моряка, застреленного вербовщиками, так что сразу двух зайцев поймаем.

– Я хотела бы пойти, – сказала Сильвия. – Мне так жаль тех несчастных моряков: одних убили, других похитили, стоило им вернуться домой, как мы это наблюдали в прошлый четверг. Попрошу маму, чтоб отпустила.

– Попроси. Меня-то моя отпустит, а может, и сама пойдет; я слышала, это будет грандиозное событие, которое запомнится на многие годы. И мисс Фишберн точно там будет, так

что я попросила бы Донкина просто раскроить сам плащ и до воскресенья забыла бы и про капюшон, и про пелерину.

– Проводишь меня немного? – спросила Сильвия, видя сквозь потемневшие ветки, что вечерняя заря становится все более алой.

– Не могу. Я бы не прочь, но столько еще надо сделать, а время летит так быстро, оглянуться не успеваешь. В общем, до воскресенья. Жду тебя у ступенек ровно в час; мы не спеша пойдем в город, хорошенько осмотримся, разглядим наряды, зайдем в церковь, помолимся, потом выйдем и посмотрим похороны.

Наметив план действий на воскресенье, девушки, которых обстоятельства – близость проживания и одинаковый возраст – заставили в какой-то мере сдружиться, на время расстались.

Сильвия торопилась домой, чувствуя, что загулялась; ее мать стояла на маленьком пригорке у дома и высматривала дочь, ладонью прикрывая глаза от низких лучей заходящего солнца, но стоило ей узреть вдалеке Сильвию, она тут же вернулась к своим делам по хозяйству. Женщина она была неразговорчивая, не склонная к демонстрации чувств; мало кто из сторонних наблюдателей догадался бы, как сильно она любит свое дитя, но Сильвия, безо всяких раздумий и наблюдений, инстинктивно понимала, что сердце матери отдано ей.

Отца с Донкином Сильвия застала за теми же занятиями, какими они были поглощены, когда она уходила: мужчины беседовали и спорили, один – мучаясь вынужденным бездельем, второй – орудуя иглой с ниткой так же быстро, как и говорил. Казалось, они вовсе не заметили отсутствия Сильвии; впрочем, как и мать, по всей видимости, всю вторую половину дня усердствовавшая в маслодельне. Но три минуты назад Сильвия успела заметить, что мать ее высматривала; и на более позднем этапе жизни, когда никого особо не будут волновать ее уходы и приходы, она не раз вспомнит прямую нестигаемую фигуру матери, стоящую лицом к солнцу и в его слепящих лучах выглядывающую свое чадо; эта картина будет внезапно возникать в ее воображении, наполняя сердце тоской по утраченному счастью, которое она в свое время, когда оно у нее было, должным образом не ценила.

– Как самочувствие, папочка? – спросила Сильвия, останавливаясь сбоку от стула, на котором сидел Дэниэл, и кладя руку ему на плечо.

– Во, смотри, какая заботливая у меня дочка. Думает, что, пока она шаталась где-то, я тут изнывал и болел без нее. Нет, дочка, мы с Донкином умные беседы ведем, каких я не вел уже много дней. Я делюсь с ним обширными познаниями, и он влияет на меня благотворно. Дай бог, завтра, если погода продержится, я начну ходить.

– Да уж! – подтвердил Донкин с нотками сарказма в голосе. – Мы с твоим отцом немало загадок разрешили; правительство много потеряло, что не слышит нас и не имеет возможности поучиться у нас мудрости. Мы обсудили налоги и вербовщиков, много других напастей и в своем воображении побили французов, так сказать.

– Странно, что в Лондоне никак не разберутся что к чему, – промолвил Дэниэл, со всей серьезностью.

Сильвия плохо разбиралась в политике и налогах; для нее что политика, что налоги, надо признать, были все одно, но она видела, что ее маленькая хитрость – пригласить Донкина, чтобы тот составил компанию отцу, – удалась, и с ликованием в сердце выскочила на улицу и бегом кинулась за угол дома, чтобы найти Кестера и снискать его похвалы, которой она не осмеливалась требовать от матери.

– Кестер, Кестер! – громким шепотом позвала она; но Кестер кормил лошадей и поначалу не услышал ее из-за стука лошадиных копыт, бивших по круглому каменному полу конюшни. Сильвия шагнула в глубь конюшни. – Кестер! Ему гораздо лучше, завтра он выйдет из дома, и это все благодаря Донкину. Спасибо, что привел его. Я постараюсь выкроить для тебя кусок

на жилет из красной ткани для моего нового плаща. Ты ведь хочешь, чтоб у тебя был жилет, да, Кестер?

Кестер молчал, обдумывая ее предложение.

– Нет, барышня, – наконец твердо сказал он. – Мне будет невыносимо видеть тебя в кургузом плаще. Мне нравится, когда девушки одеты нарядно и красиво, а я горжусь тобой и не хочу, чтоб ты ходила в куцем плаще, как старая Молл с обручком вместо хвоста. Нет, барышня, зеркала у меня нет, чтоб в него любоваться, да и на что мне жилет? Ты – добрая девушка, но лучше оставь все себе; а за хозяина я очень рад. Ферма на ферму не похожа, когда он сидит взаперти и дуется.

Кестер взял пучок соломы и, насвистывая, принялся чистить старую кобылу, словно считал, что разговор окончен. И Сильвия, в порыве благодарности сделавшая щедрое предложение, не испытывала сожаления из-за того, что он отказался от ее подарка, и снова задумалась о том, как отплатить Кестеру за доброту без ущерба собственным интересам. Ибо, отдав ему кусок ткани на жилет, она лишила бы себя удовольствия выбрать модный фасон во дворе монашеской церкви в следующее воскресенье.

Казалось, что этот долгожданный день, как то часто бывает, никогда не наступит. Отец потихоньку поправлялся, мать была довольна работой портного и с гордостью показывала аккуратные заплатки, как ныне многие матроны похваляются новыми нарядами. Дожди прекратились, установилась хмурая сухая погода, далекая от бабьего лета с его роскошной феерией красок, потому как на побережье хмарь и морские туманы рано превращают сочную зелень в пожухлую растительность. Тем не менее серебристо-серые и бурые тона природы глубинных районов усиливали атмосферу безмятежности осенней поры, поры покоя и отдохновения перед наступлением суровой, свирепой зимы. В это время люди собираются с силами, готовясь к встрече надвигающейся грозной стихии, а также запасаются на зиму провизией. В эти необычайно теплые идиллические деньки поздней осени старики выходят на улицу и греются на солнышке, и не страшен им «ни летний зной, ни зимней стужи цепень»²⁸, и в их грустных, задумчивых глазах читается, что они отвыкают от земли, которую, возможно, больше никогда не увидят в великолепии летнего урожая.

И в воскресенье, которого с нетерпением ждала Сильвия, после полудня немало таких стариков заблаговременно вышли из дому, чтобы по длинным пролетам из каменных ступеней, истоптанных ногами многих поколений, подняться к приходской церкви, стоявшей высоко над городом на плоской зеленой вершине отвесной скалы, где река впадала в море и откуда с одной стороны открывался вид на оживленный многолюдный городок, порт, суда и отмель, с другой – на широкое бескрайнее море: на формы жизни и вечности. Для церкви это было подходящее местоположение. Башня церкви Святого Николая была первым объектом на суше, который замечали возвращавшиеся домой моряки. Отправляясь покорять просторы могучей и бездонной водной шири, они уносили с собой важные мысли о том, что слышали там; не осознанные мысли, а скорее некую отчетливо-смутную убежденность, что торговля, хлеб насущный и семья, даже жизнь и смерть не единственные непреложности бытия. И не проповеди, что читались там, даже самые волнующие и впечатляющие, приходили им на ум. Во время проповедей моряки в большинстве своем спали, за исключением тех печальных случаев, когда произносились так называемые похоронные речи. Они не узнавали своих повседневных пороков и соблазнов, в устах священника, как и подобает, получавших высокопарные иносказательные определения. Но они помнили слова старых часто повторяемых молитв во избавление от знакомых им опасностей – от молний и бурь, от побоищ, убийств и внезапной смерти; и почти каждый мужчина сознавал, что он оставил на берегу близких, которые будут молиться за бла-

²⁸ Строки из пьесы У. Шекспира «Цимбелин» (1609–1610) в переводе В. Ф. Миллера (1868). Действие 4, сцена 2.

гополучие тех, кто путешествует по суше и по воде, и думать о нем, веря, что Бог его оберегает, потому что тогда Он откликнулся на их молитвы.

Там покоились усопшие многих поколений, ибо приходская церковь Святого Николая стояла в Монксхейвене со времен основания города, и большое церковное кладбище было богато захоронениями. Капитаны торговых кораблей, матросы, судовладельцы, мореплаватели... казалось, удивительно, что так мало других профессий представлено на этой широкой равнине, уставленной вертикальными могильными плитами. Куда ни кинь взгляд, везде надгробия, установленные уцелевшими членами многодетных семей, большинство из которых сгинули в море: «Предположительно погиб в Гренландских морях», «Потерпел кораблекрушение в Балтийском море», «Утонул у побережья Исландии». Возникало странное чувство, словно холодные ветры принесли с моря неясные призраки тех почивших моряков, которые умерли далеко от дома, далеко от священных могил, где лежали их отцы.

Каждая ступенчатая дорожка, что вела к церковному кладбищу, заканчивалась небольшой площадкой, на которой стояла деревянная лавка. И в это воскресенье все лавки были заняты запыхавшимися стариками, изнемогавшими от необычайно утомительного для них подъема. Церковную лестницу, как ее называли, можно было видеть практически из любой точки города, и, облепленная людьми, издали казавшимися крошечными, она стала походить на муравейник задолго до того, как звон колокола оповестил о скором начале послеполуденной службы. Все, кто мог, постарались в знак скорби включить что-то черное в свой наряд, хотя бы какой-нибудь пустячок – старую ленту, выцветшую креповую повязку; но символ траура имелся буквально на каждом, вплоть до малышей на руках матерей, невинно сжимавших веточки розмарина, чтобы бросить их в могилу «на память». Сегодня хоронили Дарли, моряка, застреленного вербовщиками в девяти лье от мыса Сент-Эббс-Хед, и погребение должно было состояться в обычный час, отведенный для похорон бедняков, сразу же после вечерней службы, и только больные и те, кто за ними ухаживал, не явились на церемонию, чтобы отдать последнюю дань уважения человеку, которого считали жертвой убийства. На всех судах в гавани были приспущены флаги, их экипажи шествовали по Главной улице, пробираясь к церкви. Туда же большими группами стекались представители благородного сословия Монксхейвена, возмущенные покушением на их корабли и искренне сочувствовавшие семье погибшего, которая потеряла сына и брата едва ли не в зоне видимости от его родного дома. Казалось бы, у Сильвии глаза должны разбегаться от обилия разнообразных фасонов, но она думала не о плаще – ее одолевала мысли, более приличествующие воскресному событию. Непривычная суровость и торжественность лиц вызывали у нее трепет и благоговение. Она не отвечала на замечания Молли по поводу нарядов и внешности тех, кто поражал ее воображение. Речи подружки коровбили Сильвию, раздражали почти до злости, однако Молли проделала столь дальний путь до монксхейвенской церкви в какой-то степени и ради нее и посему заслуживала снисходительного отношения. Вместе с остальными девушки поднимались по лестнице, почти не разговаривая, даже на площадках для передышки, на которых прихожане зачастую делились сплетнями. Глядя с высоты на море, они не видели ни одного паруса; оно словно вымерло, находясь в мрачном созвучии с тем, что происходило на суше.

Церковь, внешне низкая и массивная, представляла собой строение старинной нормандской архитектуры; просторная изнутри, в обычные воскресенья она заполнялась лишь на четверть. Стены портили многочисленные мемориальные доски из белого и черного мрамора; традиционный декор памятников, созданных в минувшем столетии – плачущие ивы, урны, склоненные фигуры, – тут и там разбавляли корабли с поднятыми парусами или якоря, ведь мореходство занимало важное место в жизни городка, и это приносило в интерьер некоторую оригинальность. Никаких деревянных украшений не было, в церкви таковые вообще отсутствовали – скорее всего, их содрали тогда же, когда был разрушен находившийся рядом монастырь. Для семей наиболее богатых судовладельцев предназначались обитые зеленым сукном

сиденья в больших квадратных кабинках, на дверцах которых белой краской были написаны их фамилии; для фермеров и лавочников прихода тоже выделялись скамейки со спинками, но не столь широкие и ничем не обитые; а еще были тяжелые дубовые лавки, которые несколько человек, объединив усилия, могли перенести ближе к кафедре. Сегодня, когда Молли с Сильвией вошли в церковь, эти лавки были расставлены очень удобно, и девушки, шепотом перекинувшись несколькими фразами, сели на одну из них.

Приходским священником Монксхейвена был доброжелательный, миролюбивый старик, ненавидевший раздоры и волнения. Как и подобало его сану в ту пору, он слыл ярым консерватором. Для него существовало два источника страха – французы и пуритане. Правда, трудно сказать, кого он сильнее боялся и не выносил. Пожалуй, все-таки пуритан, ведь они находились к нему ближе, чем французы; к тому же французы имели одно оправдывающее обстоятельство: они были папистами. А пуритане могли бы принадлежать к англиканской церкви, не будь они столь порочны. Однако на деле доктор Уилсон не брезговал отужинать с мистером Фишберном, а тот был личным другом и последователем Уэсли²⁹, хотя, с другой стороны, как сказал бы доктор, «Уэсли окончил Оксфордский университет, что делает его джентльменом, и был рукоположен на служение англиканской церкви, а значит, навечно оваян Божьей благодатью». Правда, не знаю, под каким вымышленным предлогом он посылал похлебку и овощи старому Ральфу Томпсону, непримиримому индипенденту³⁰, взявшему себе за правило, пока его носят ноги, с пуританской кафедры оскорблять государственную церковь и самого доктора Уилсона. Как бы то ни было, в Монксхейвене мало кто ведал, что в данном вопросе у него слово расходится с делом, посему нас это никак не касается.

На минувшей неделе доктору Уилсону выпало несчастье исполнять очень трудную роль и сочинять еще более трудную проповедь. Погибший Дарли был сыном его садовника, и почеловечески доктор Уилсон искренне сочувствовал убитому горем отцу. Но затем от капитана «Авроры» он получил письмо, направленное ему как старейшему мировому судье в районе. Тот, снимая с себя вину, объяснял обстоятельства дела: Дарли ослушался приказа офицера, находящегося на службе Его Величества. А как же субординация, преданность Короне, интересы военной службы? Да и как тогда победить проклятых французов, если поощрять такое поведение, какое продемонстрировал Дарли? (Бедняга Дарли! Ему больше не грозило дурное влияние чужих воодушевляющих поступков!)

Посему священник торопливо пробубнил текст проповеди: «Во цвете лет нас настигает смерть»³¹, которая подошла бы как для бесчувственного младенца, бьющегося в конвульсиях, так и для крепкого горячего парня, застреленного такими же, как он, горячими парнями. Но стоило старому доктору перехватить обращенный на него напряженный взгляд отца Дарли, всеми силами души стремящегося отыскать в потоке слов хоть каплю праведной поддержки, его заела совесть. Неужели ему нечего сказать, дабы усмирить гнев и жажду мщения духовной силой, вздохом утешителя обратить ропот возмущения в покорность? Но опять перед ним законы человеческие вступили в противоречие с законами божьими; и он отказался от попытки сделать более того, что сделал, решив, что это лежит за пределами его возможностей. И хотя прихожан, когда они покидали церковь, по-прежнему переполнял гнев, а некоторых еще и смутное разочарование от того, что они здесь услышали, к старому священнику они не испытывали ничего, кроме доброжелательности. На протяжении сорока лет, что он жил среди них, доктор Уилсон, вел скромное благое существование, был открыт для всех в повседневном

²⁹ Уэсли, Джон (1703–1791) – английский протестантский проповедник и основатель методизма.

³⁰ Индипенденты (конгрегационалисты) – в Англии приверженцы одного из направлений протестантизма, отвергающие государственную церковь и церковную организацию и выступающие за полную автономию каждой общины-конгрегации.

³¹ *Media Vita In Morte Sumus* – фраза из «Книги общей молитвы» ((The Book of Common Prayer – в англиканской церкви книга, по которой совершаются основные богослужения и таинства), а также название и первая строчка латинского антифона (песнопение или стихи из псалма, которые поются попеременно двумя хорами или клиросами).

общении, отличался мягким характером, сердечностью и деятельной добротой, за что его все любили; и ни у него самого, ни у кого другого даже мысли не возникало, что он наделен талантами, достойными восхищения. Уважение к его сану – это все, на что он рассчитывал, да и то ему даровали по давней традиции, передаваемой из поколения в поколение. Оглядываясь на минувшее столетие, мы недоумеваем, почему наши предки плохо умели делать должные выводы из фактов и распознавать проистекавшие отсюда разлад или гармонию. Не потому ли, что мы далеки от тех времен и, соответственно, имеем более масштабное представление о прошлом? Значит, и наши потомки будут удивляться нам, как мы удивляемся непоследовательности наших праотцов, или изумляться нашей слепоте, неспособности понять, что, придерживаясь того или иного мнения, мы должны были поступать так-то и так-то, или что логическим итогом определенных взглядов должны были стать убеждения, которые сегодня мы презираем? Не странно ли, что, оглядываясь назад, видишь таких людей, как наш приходской священник, который верил, что король никогда не ошибается, и в то же время был готов восхвалять Славную революцию³² и поносить Стюартов за то, что они, как и он, верили в собственную непогрешимость и пытались на деле это доказать. Но в ту пору подобными противоречиями была пронизана жизнь каждого порядочного человека. Слава богу, что мы живем в нынешнее время, когда все придерживаются логики и последовательности. Лучше бы эта маленькая дискуссия состоялась вместо проповеди доктора Уилсона, содержание которой через полчаса после ее окончания все уже позабыли. Даже сам доктор не помнил ни слова из того, что он произнес во время службы, когда, сняв сутану и надев стихарь, вышел из сумрака своей ризницы и направился к выходу из церкви, глядя на дневной свет, заливавший церковный двор на плоской вершине скалы, ибо солнце еще не село и бледная луна еле-еле пробивалась сквозь серебристую туманную дымку, затмевавшую лежащие вдаль вересковые пустоши. На церковном дворе замерла в безмолвии огромная плотная толпа, ожидавшая, когда принесут убиенного. На священника и на церковь никто не смотрел. Все взгляды были обращены на медленно движущуюся вереницу людей в черном, круживших по длинной лестнице. На каждой площадке они делали передышку – опускали на камень свою тяжелую ношу и стояли молча небольшими группами; время от времени исчезали из виду за каким-нибудь изломанным выступом, а потом внезапно появлялись уже ближе. А над головами гудел большой церковный колокол со средневековой надписью, которую, возможно, кроме священника, никто из слушающих этот гулкий звон не знал, и к его тяжелому монотонному бою – «Я призываю всех к могиле» – не примешивалось ни одного другого звука, который бы раздавался на море и на суше, рядом или в отдалении. Лишь где-то на затерянной в пустошах ферме гоготали гуси, возвращавшиеся на ночевку в родной птичник; и этот единственный посторонний шум в дальней дали, казалось, лишь усиливал онемелость окружающей тиши. Потом толпа чуть заволновалась, заколыхалась из стороны в сторону, освобождая дорогу для покойника и его носильщиков.

Уставшие мужчины, что несли гроб, опустив головы, продолжали путь; следом шел несчастный садовник в коричнево-черном траурном плаще, наброшенном на его обычное платье. Он поддерживал жену, хотя сам, как и она, еле волочил ноги. Отправляясь в церковь на послеобеденную службу, он пообещал супруге, что вернется и отведет ее на похороны их первенца, ибо в своем ошеломленном, истерзанном сердце, которое переполняли негодование и глухой гнев, он чувствовал, что должен пойти и услышать что-то такое, что изгонит из него доселе незнакомую жажду мести, мешавшую ему предаться горю и обрести утешение, которое дарует вера в Бога. Сейчас эта вера была утрачена. Почему Господь позволил, чтобы свершилась столь жестокая несправедливость? Если Всевышний допускает такое, значит, хорошим

³² Английская революция XVII века (Английская гражданская война, 1640–1650-е гг.) – процесс перехода Англии от абсолютной монархии к конституционной, при которой власть короля ограничена властью парламента, а также гарантированы гражданские свободы.

Он быть не может. Что есть жизнь, что есть смерть, как не печаль и отчаяние? Прекрасные торжественные слова богослужения несколько уняли его боль и отчасти восстановили в вере. И хотя он, как и прежде, не понимал, почему его постигло столь ужасное несчастье, в нем снова пробудилась детская вера; и, с трудом взбираясь по ступенькам, он шепотом приговаривал: «На все воля божья», что невыразимо его успокаивало. За пожилой четой ступали их дети, взрослые мужчины и женщины, прибывшие издалека или с ферм, где они трудились по найму, а также служители прихода и множество соседей, стремившихся выразить им сострадание, а еще моряки с кораблей, что стояли в порту: присоединившись к похоронной процессии, они сопровождали тело убитого в храм божий.

У входа скопилась такая толпа, что Молли с Сильвией снова в церковь никак было не пробраться, и они отправились на погост, туда, где глубокая могила раззявила широкую голодную пасть, готовясь поглотить мертвеца. Там, облепив вздымающиеся вокруг надгробия, множество людей стояли и смотрели на необъятное безмятежное море, подставляя соленому ветру окаменевшие лица с горящими глазами. И все молчали, думая о насильственной смерти, что принял тот, над телом которого в старой серой церкви сейчас произносились торжественные речи, почти в пределах слышимости, если б их не заглушал размеренный рокот прибоя далеко внизу.

Внезапно все взгляды обратились на дорожку, ведущую от церковной лестницы. Два моряка вели к могиле мертвенно-бледного человека, буквально тащили его на себе.

– Это главный гарпунщик, что пытался его спасти! Тот, кого сочли мертвым! – тихо зашумели вокруг люди.

– Это ж Чарли Кинрэйд, чтоб мне провалиться на месте! – воскликнула Молли, бросаясь навстречу кузену.

Но по мере его приближения она увидела, что сил ему едва хватает только на то, чтобы передвигать ноги. Моряки, из чувства глубочайшей симпатии, уступили его настойчивым уговорам и помогли подняться к церкви, чтобы он попрощался со своим товарищем. Они подвели его к могиле и привалили к одному из надгробий; и он пребывал в полубессознательном состоянии, пока священник, а за ним и большая толпа не хлынули из церкви, идя за гробом к могиле.

Сильвия, поглощенная торжественностью происходящего, поначалу вовсе не обращала внимания на бледного, изможденного парня, что стоял напротив; и уж тем более не замечала кузена Филиппа, который, едва отыскав ее в толпе, тотчас пробрался к ней и стал держаться рядом, взяв на себя роль ее спутника и защитника.

Церемония продолжалась. За спинами девушек, стоявших в первом ряду, начали раздаваться плохо сдерживаемые всхлипы, и вскоре вся толпа зашлась плачем и причитаниями. У Сильвии по лицу ручьем лились слезы, и ее расстройство стало так очевидно, что привлекло внимание многих, кто находился у самой могилы, в том числе и главного гарпунщика. Взгляд его ввалившихся глаз упал на ее невинное, цветущее, как у ребенка, лицо, и он подумал, что она родня погибшему, но, увидев, что Сильвия не в траурном платье, заключил, что она, должно быть, его возлюбленная.

И вот церемония окончена: стук гравия по крышке гроба, долгие прощальные взгляды друзей и близких, веточки розмарина, брошенные в могилу теми, кому посчастливилось принести их с собой – о! – как же Сильвия жалела, что не вспомнила про эту последнюю дань уважения. Толпа с краев постепенно редела, люди стали расходиться.

И Филипп наконец-то обратился к Сильвии:

– Не ожидал увидеть тебя здесь. Я думал, тетя всегда ходит в Кирк-Мурсайд.

– Я пришла с Молли Корни, – отвечала Сильвия. – А мама осталась дома с папой.

– Как его ревматизм? – спросил Филипп.

Но тут Молли, взяв Сильвию за руку, сказала:

– Я хочу поговорить с Чарли. Мама обрадуется, узнав, что он уже выходит из дому. Хотя, конечно, лучше бы он не вставал с постели, вид у него больной. Пойдем, Сильвия.

И Филиппу, не желавшему отпускать от себя Сильвию, пришлось вместе с девушками подойти к главному гарпунщику. Тот готовился к обратному путешествию – к долгому и утомительному возвращению в свое жилище. Увидев кузину, он остановился.

– А, Молли, – слабым голосом произнес он, протягивая руку, но взгляд его был устремлен на топтавшуюся у нее за спиной Сильвию, чье заплаканное лицо наполнилось робким восхищением, ведь она впервые так близко видела настоящего героя.

– Чарли, я прям опешила, когда увидела тебя там, у могильного камня. Стоял как привидение. Изнуренный, в лице ни кровинки!

– Да уж, – устало согласился он, – бледный, слабый.

– Но я надеюсь, вы уже поправляетесь, сэр, – тихо проронила Сильвия, одновременно желая поговорить с ним и поражаясь собственному безрассудству.

– Спасибо, барышня. Худшее уже позади.

Он тяжело вздохнул.

– Зря мы его задерживаем, пожалейте человека, – вмешался Филипп. – Уже темнеет, а он из сил выбился. – И он повернулся вполоборота, показывая, что намерен уйти.

Два моряка, товарищи Кинрэйда, горячо поддержали его, и Сильвия, подумав, что они с Молли и впрямь виноваты, густо покраснела.

– Чарли, ты давай перебирайся к нам в Мосс-Брау, мы тебя выходим, – пообещала Молли.

– До свидания. – Как и подобает воспитанной девушке, Сильвия присела в реверансе и зашагала прочь, изумляясь, что Молли столь смело разговаривает с таким отважным героем. Хотя он ведь ее кузен, рассудила она, да еще, наверно, и друг сердечный, а это меняет дело.

Тем временем ее собственный кузен не отставал от нее ни на шаг.

Глава 7. С глазу на глаз. Завещание

– А теперь расскажи, как родители? – попросил Филипп, явно задавшись целью проводить девушек до дома. По воскресеньям во второй половине дня он обычно навещался в Хейтерсбэнк, и Сильвия догадалась, чего ждать, в ту же минуту, как увидела его близ себя на погосте.

– Папа всю минувшую неделю мучился ревматизмом, но теперь ему гораздо лучше, спасибо. – И затем она обратилась к Молли: – За твоим кузеном доктор какой-нибудь приглядывает?

– Конечно! – быстро отозвалась та. На самом деле, Молли ничего об этом не знала, но убедила себя, что ее кузен, будучи раненым героем, имеет все необходимое. – Он состоятельный человек, может позволить себе все, что ему нужно, – продолжала она. – Отец оставил ему деньги, сам он занимался сельским хозяйством в Нортумберленде, слывет лучшим гарпунщиком, каких свет не видывал, за что ему платят столько, сколько он запросит, и к тому же он имеет долю с каждого кита, которого загарпунил.

– Как бы то ни было, полагаю, на какое-то время ему придется исчезнуть с этого побережья, – заметил Филипп.

– С чего бы это? – ошетинулась Молли. Она и в лучшие времена не жаловала Филиппа, а теперь, когда он вознамерился принизить ее кузена, приготовилась дать ему бой с оружием в руках.

– Ну как же? Говорят, он застрелил кого-то из военных моряков, и, если это так и его поймут, значит, ему придется предстать перед судом.

– Вот злые языки! – воскликнула Молли. – Он, кроме китов, никогда никого не убивал, а если и убил, то за дело: они хотели похитить его вместе с остальными и застрелили беднягу Дарли, которого только что похоронили. Зато ты, квакер этакий, наверняка будешь стоять и смотреть сложа руки, если кто-то сейчас прорвется сюда из-за ограждения и станет убивать нас с Сильвией.

– Но ведь закон на стороне вербовщиков, и они просто исполняли приказ.

– Тендер уплыл, словно устыдился того, что натворил, – промолвила Сильвия, – и на «Рандеву» флаг спущен. Вербовщики на время ушли отсюда.

– Ну да, – согласилась Молли. – Папа говорит, они тут такого шуму наделали, что у них теперь земля под ногами горит. Слишком круто взялись за дело, а народ не привык к тому, что они хватают бедолаг, едва те возвращаются из Гренландских морей. Люди обозлены, не считают зазорным подраться с ними на улице, да и убить не побоятся, если те пустят в ход оружие, как моряки с «Авроры».

– До чего же вы женщины кровожадные, – сказал Филипп. – Послушать тебя, так разве подумаешь, что еще недавно ты рыдала над могилой человека, который стал жертвой убийства. Или ты мало видела горя, что приносит насилие? У моряков с «Авроры», которых, как говорят, застрелил Кинрэйд, тоже есть отцы и матери, возможно ожидающие их возвращения домой.

– Он не мог убить, – возразила Сильвия. – Он мне показался таким добрым.

Но Молли в данном вопросе такая половинчатость не устраивала.

– Он их убил, не сомневайся; он не из тех, кто делает что-то наполовину. И я считаю, что так им и надо. Вот.

– Ой, а не Эстер ли это из лавки Фостера? – тихо спросила Сильвия, когда молодая женщина неожиданно возникла перед ними, выступив из перелаза в каменной стене у дороги.

– Она самая, – подтвердил Филипп. – Эстер, откуда ты? – полюбопытствовал он, когда они приблизились к ней.

Эстер чуть покраснела и затем с присущей ей степенностью ответила:

– Бетси Дарли слегла, и я ее навещала. Ей было одиноко, ведь все ушли на похороны.

Она собралась было пройти мимо, но Сильвии, искренне сочувствовавшей всем родственникам погибшего моряка, захотелось узнать побольше о больной женщине, и она, тронув Эстер за руку, на минутку задержала ее. Эстер внезапно чуть отпрянула, покраснела еще сильнее и затем спокойно и обстоятельно ответила на все вопросы Сильвии.

В сельскохозяйственных странах в среде сословия, к которому принадлежали эти четверо, редко кто подвергает анализу свои побуждения или сравнивает себя с другими по каким-то характерным качествам и поступкам – даже в нынешний просвещенный век. А шестьдесят – семьдесят лет назад это и вовсе была большая редкость. Я не говорю, что среди вдумчивых, серьезных людей мало кто читал такие книги, как «Трактат о самопознании» Мэйсона³³ или «Суровый призыв к святой и благочестивой жизни» Лоу³⁴, или имел представление о практике уэслианства³⁵, с которой знакомили на приходских собраниях в назидание слушателям. Но в целом, можно сказать, немногие понимают, что они за люди, в сравнении с нынешним поколением, которое в большинстве своем прекрасно осознает, какие им свойственны добродетели, особенности, недостатки и слабости, и сопоставляет других с самими собой – не в духе фари-сейства или собственного превосходства, а с позиции жесткой самокритики, и это, более чем что-либо другое, губит в характерах индивидуальность и оригинальность.

Однако вернемся к молодым людям, которых мы оставили на горной тропинке, пролежавшей вдоль дороги, что вела к ферме Хейтерсбэнк. Сильвия про себя подумала: «Какая же молодец Эстер, что вызвалась посидеть у постели несчастной сестры Дарли!», причем без всякого самоуничижения сравнивая свое поведение с ее поступком, который она способна была оценить по достоинству. Ведь сама она в церковь пошла из тщеславия и на похороны осталась из любопытства и ради новых впечатлений. Современная юная особа осудила бы себя и тем самым лишилась бы простого очищающего душу удовольствия, что дарует умение восхищаться чужим благородством.

Эстер пошла дальше, спускаясь по холму к городу. Остальные трое неспешно продолжали путь. Какое-то время они шагали в молчании, которое первой нарушила Сильвия:

– Эстер – сама добродетель!

– Да, – с теплотой в голосе охотно подтвердил Филипп. – Только мы, кто живет с ней под одной крышей, и знаем, какой она добродетельный человек!

– А мама ее – старая квакерша, кажется? – уточнила Молли.

– Элис Роуз – член Общества друзей³⁶, – поправил ее Филипп, – если ты это имела в виду.

– Ну вот! Бывают же такие привереды, все им не так. И Уильям Кулсон квакер, то бишь член Общества друзей?

– Да. И все они исключительно добродетельные люди.

– Боже мой! И как только после общения с праведниками ты можешь якшаться с такими грешницами, как мы с Сильвией? – съязвила Молли, еще не простившая Филиппа за то, что он усомнился в способности Кинрэйда убить человека. – Скажи, Сильвия?

Но Сильвия, слишком взволнованная увиденным, была не в настроении пререкаться. Пусть она была не из тех, кто явился в церковь, чтобы на людей посмотреть и себя показать, а

³³ Мэйсон, Джон (1706–1763) – английский священник и богослов. Его «Трактат о самопознании» (*A Treatise on Self-Knowledge*) впервые был издан в 1745 г.

³⁴ Лоу, Уильям (1686–1761) – английский богослов и ученый, отличавшийся мистическими взглядами. Более всего известен как автор трактата «Суровый призыв к святой и благочестивой жизни» (*A Serious Call to a Devout and Holy Life*, 1726 г.), который необычайно высоко ценили современники, в том числе такой авторитет, как Сэмюэл Джонсон (1709–1784) – литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения.

³⁵ Уэслианство – религиозное учение, построенное на воззрениях основателя методизма (одно из течений протестантизма) Джона Уэсли (1703–1791).

³⁶ Религиозное Общество друзей – официальное самоназвание квакеров (одна из протестантских конфессий, принадлежащих к радикальному крылу английского пуританства, возникших в середине XVII в.).

потом просто остался помолиться, сама она думала только о своем новом плаще, когда шла на похороны, а вот уже спускалась по длинной церковной лестнице с мыслями о жизни и смерти, о бренности человеческого бытия в сравнении с незыблемостью моря и холмов, ибо все это вдруг обрело для нее реальное значение. Ее страшно занимало, где находят приют души умерших, и она по-детски тревожилась, что для ее собственной души там не останется места. Сильвия не могла взять в толк, как можно веселиться после того, как хоть раз побывал на похоронах, посему она отвечала со всей серьезностью, но не по существу вопроса:

– Вот интересно, а я стала бы добродетельна, если б входила в Общество друзей?

– Не забудь отдать мне свой красный плащ, когда заделаешься квакершей; тебе не позволят ходить в алом, так что он тебе будет ни к чему.

– Ты и так добродетельна, – сказал Филипп мягко, но со сдержанной нежностью в тоне, потому как по опыту знал, что не следует задевать ее девическую застенчивость.

То ли его слова, то ли слова Молли заставили Сильвию притихнуть – ни те, ни другие не были созвучны ее настроению, так что, возможно, высказывания обоих поспособствовали тому, чтобы она надолго умолкла.

– Говорят, Уильям Кулсон заглядывается на Эстер Роуз, – произнесла Молли, старавшаяся быть в курсе монашеских сплетен.

Это было сказано утвердительно, но с вопросительной интонацией, и Филипп ей ответил:

– Да, думаю, она ему очень нравится, но он всегда молчит, так что кто знает? Джон и Джеремайя, насколько мне известно, одобрили бы их союз.

И теперь они подошли к перелазу, на который Филипп смотрел уже несколько минут, хотя девушки не создавали, что они от него так близко. Этот перелаз вел от дороги к Мосс-Брау и к полям, спускавшимся к Хейтерсбэнку. Здесь они расстанутся с Молли и, к вящему удовольствию Филиппа, дальше пойдут вдвоем – такие прогулки наедине с Сильвией он всегда пытался продлить насколько это возможно. Сегодня Филипп всячески старался выразить ей свою симпатию; покуда ему удавалось распознать, чем занят ее ум, однако как ему было угадать, что за множество путаных мыслей теснится в том незримом вместилище? А Сильвия приняла твердое решение быть по возможности добродетельной и всегда думать о смерти, «чтобы могила не больше, чем постель, страшила»³⁷, потому как то, что сейчас казалось просто невероятным, могло свершиться; и она не хотела, чтобы Филипп шел с ней домой, размышляла о том, действительно ли главный гарпунщик убил человека, и содрогалась от одной только мысли об этом; но, замороженная этим ужасом, она в своем воображении невольно представляла его высокую исхудавшую фигуру и пыталась вспомнить черты осунувшегося лица и ненавидела вербовщиков, жаждала мести, причем так неистово, что все ее существо, как это ни печально, восставало против намерения попытаться быть добродетельной. Бездна разных суждений, вопросов и образов вихрилась в сознании Сильвии, и, раздумывая над одним из них, она не выдержала и спросила:

– Далеко до Гренландских морей? Долго туда плыть?

– Не знаю; десять дней или две недели, может, больше. Я выясню.

– Ой, да мне папа скажет! Он много раз туда ходил.

– Сильви, послушай! Тетя просила, чтобы зимой я поучил тебя письму и счету. Можно начать прямо сейчас, допустим, по два вечера в неделю. С наступлением ноября лавка закрывается раньше.

Сильвии не нравилось учиться, и она тем паче не хотела, чтобы ее учителем был Филипп.

– А свечек сколько потребуется! – отвечала она сухо тоненьким голоском. – Мама не одобрит. А без свечки на столе я не вижу, что писать.

³⁷ Строчка из церковного гимна «*All Praise to Thee, My God, This Night*» («Славься, Господи, сегодня вечером»), написанного епископом Батским Томасом Кеном (1637–1711).

– За свечки не волнуйся. Я с собой принесу. Мне же полагается одна на вечер у Элис Роуз. Неудачная отговорка. Сильвия ломала голову, соображая, что бы еще придумать.

– От письма у меня руку сводит, потом целый день шить не могу, а папа ж без рубашек ходить не может, они ему очень нужны.

– Сильвия, я ведь тебя географии учить буду, расскажу много интересного про страны, что изображены на карте.

– А арктические моря на карте есть? – спросила она чуть более заинтересованно.

– Да! Арктика, тропики, экватор, линия равноденствия – все это мы посмотрим, изучим. Один вечер посвятим письму и счету, второй – географии.

Филипп оживился, предвкушая приятные минуты в обществе Сильвии, а та, напротив, поскуჩнела, приняв равнодушный вид:

– Ученица я никудышная и учить меня – напрасный труд. Книжки еле-еле читаю. А вот Бетси Корни, младшая сестра Молли, третья по счету в их семье, она для тебя стала бы подарком. От книжек не отрывается. Я другой такой девчонки не знаю.

Будь Филипп похитрее, он притворился бы, что предложение о замене учениц его заинтересовало, и тогда, возможно, Сильвия пожалела бы, что отказалась от его помощи. Но он был слишком огорчен, чтобы лукавить.

– Тетя попросила, чтобы я давал уроки тебе, а не соседской девчонке.

– Что ж! Я буду учиться, если иначе нельзя. Только лучше б меня просто выпороли, и дело с концом, – был ему невежливый ответ Сильвии.

Мгновением позже она устыдилась своей вспышки неприязни, подумав, что не хотела бы умереть сегодня вечером, не помирившись с друзьями. После похорон ее не покидали мысли о внезапной смерти. Посему, инстинктивно выбрав лучший способ примирения, Сильвия сунула свою руку в ладонь Филиппа, угрюмо вышагивавшего рядом с ней. Правда, она немного испугалась, почувствовав, что он ее сжал, и поняв, что не сумеет отнять руку без «суетни», как она выражалась про себя. Так, рука об руку, они неспешно и в полном молчании дошли до фермы Хейтерсбэнк; не замеченные Белл Робсон, которая сидела у окна с Библией на коленях. Она вслух прочитала одну главу и теперь уже не разбирала слов, даже если б захотела почитать еще. Но Белл пристально вглядывалась в сгущающиеся сумерки, и довольство, словно лунный свет, озарило ее лицо, когда она увидела дочь в сопровождении кузена.

– О том я и молюсь денно и нощно, – сказала она себе.

Однако от непривычно радостного выражения в ее чертах уже не оставалось и следа, когда она запалила свечу, чтобы оказать им более сердечный прием.

– Где папа? – спросила Сильвия, оглядывая комнату в поисках Дэниэла.

– Он ходил в Кирк-Мурсайд, чтобы мир посмотреть, как он говорит. А потом отправился на скотный двор. Теперь, когда отцу полегчало, пришел черед и Кестеру отдохнуть.

– Я беседовал с Сильвией, – доложил Филипп, не переставая думать о своем чудесном плане; у него до сих пор горела ладонь от прикосновения к ее руке. – Про то, чтобы давать ей уроки. Буду приходить сюда два раза в неделю и учить ее письму и счету.

– И географии, – добавила Сильвия, заметив про себя: «Если меня заставляют учить то, до чего мне нет никакого дела, заодно хоть узнаю про то, что мне интересно, – про Гренландские моря и сколько до них плыть».

Тем же вечером в доме с выходом в закрытый дворик, что стоял на холмистой стороне Главной улицы Монксхейвена, в небольшой опрятной комнате сидели трое с внешне схожими обстоятельствами – мать, ее единственное дитя и молодой мужчина, безмолвно страдающий от любви к ее дочери. Этот парень очень нравился Элис Роуз, но не Эстер.

Последняя по возвращении домой, где она отсутствовала всю вторую половину дня, пару минут постояла на высоких ступеньках крыльца, отбеленного до снежной белизны. Сам дом, такой же безукоризненно чистый, вклинивался в пространство, которое требовало в его кон-

струкции различных выступов и асимметрий, чтобы обеспечить достаточный доступ света во внутренние помещения; и если местоположение в темном тесном углу могло бы служить оправданием неухоженности, у дома Элис Роуз таковое имелось. Однако маленькие ромбовидные стекла в створчатом окне были столь светлыми и прозрачными, что большой куст душистой герани благополучно рос и зеленел, разве что цвел плохо. Эстер показалось, что воздух в доме пропитан ароматом ее листьев, когда она, собравшись с духом, открыла входную дверь. Может быть, потому, что молодой квакер, Уильям Кулсон, растирал один листик между большим и указательным пальцами, ожидая, когда Элис продолжит диктовку. Ибо пожилая женщина, которой, судя по ее бодрой наружности, еще жить да жить, торжественно диктовала свое завещание и последнее волеизъявление.

О завещании она подумывала уже много месяцев: ей было что оставить, помимо домашней мебели. Кое-какие деньги, что хранились у ее кузенов Джона и Джеремаи Фостеров: именно они предложили ей сделать то, чем она сейчас занималась. Она попросила Уильяма Кулсона изложить на бумаге ее пожелания, и он согласился, хотя не без страха и трепета, понимая, что посягает на привилегию законников: насколько ему было известно, его могли преследовать судебным порядком за то, что он составляет завещание, не имея на то лицензии, подобно тем, кто торгует вином и крепким алкоголем, не получив официального разрешения на такую деятельность. Он посоветовал Элис прибегнуть к услугам юриста, но та ответила:

– Это будет стоить мне пять фунтов стерлингов, а ты и сам прекрасно справишься, если станешь аккуратно записывать мои слова.

И вот в прошлую субботу, по ее желанию, Кулсон купил качественную веленевую бумагу с черной окантовкой. Теперь он сидел, ожидая, когда она начнет диктовать, и, сам пребывая в серьезных раздумьях, почти неосознанно вывел в верхней части листа витиеватое изображение орла с распростертыми крыльями, которое научился рисовать в школе.

– Ты что это там делаешь? – вдруг спохватилась Элис.

Он молча показал ей свое творение.

– Это пустое, – заявила она. – С таким рисунком завещание, чего доброго, сочтут недействительным. Люди подумают, что я не в своем уме, если увидят в верхней части растопыренные крылья с финтифлюшками. Пиши: «Это нарисовал я, Уильям Кулсон, а не Элис Роуз, пребывающая в здравом уме».

– Не думаю, что это необходимо, – заметил Уильям, но изложил слово в слово все, что она сказала.

– Записал, что я нахожусь в здравом уме и ясном сознании? Тогда нарисуй символ триединства и пиши: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

– Разве правильно так начинать завещание? – испуганно спросил Кулсон.

– Мой отец, и отец моего отца, и мой муж – все так начинали свои завещания, и я не намерена изменять семейной традиции, потому что они были благочестивые люди, хоть муж мой и слыл человеком епископальных убеждений.

– Сделано, – доложил Уильям.

– Дату поставил? – спросила Элис.

– Нет.

– Тогда пиши: третьего дня девятого месяца. Ну что, готов?

Кулсон кивнул.

– Я, Элис Роуз, оставляю свою мебель (то есть свою кровать и комод, потому как твоя кровать и твои вещи принадлежат тебе), а также скамью, кастрюли, кухонный шкаф, стол, чайник и всю остальную обстановку в доме моей законной и единственной дочери, Эстер Роуз. По-моему, благоразумно оставить ей все это, как ты считаешь, Уильям?

– Совершенно с вами согласен, – отвечал тот, не переставая писать.

– А ты получишь скалку и доску для раскатки теста, потому как ты обожаешь пудинги и пироги. Эта утварь послужит твоей жене после того, как меня не станет, и надеюсь, она будет достаточно долго варить лапшу, ибо это и есть мой секрет, а тебе трудно угодить.

– Я не думал о женитьбе, – сказал Уильям.

– Женишься, никуда не денешься, – бросила Элис. – Ты любишь горячую пищу, домашний уют, а мало кто, кроме жены, будет заботиться о тебе так, чтобы ты был доволен.

– Я знаю, кто мог бы угодить мне, – вздохнул Уильям, – только вот я ей не угоден.

Элис пристально посмотрела на него поверх очков, которые она надела, чтобы лучше думалось о том, как ей распорядиться своим имуществом.

– Про Эстер нашу думаешь, – без обиняков заявила она.

Уильям чуть вздрогнул, но поднял голову и встретил ее взгляд.

– Эстер я совсем не нравлюсь, – подавленно произнес он.

– А ты потерпи немного, мой мальчик, – ласково промолвила Элис. – Молодые женщины порой сами не знают, чего хотят. Твой с ней союз был бы мне по сердцу, а Господь до сего времени был добр ко мне, и, думаю, Он позволит этому случиться. Но ты сам не очень показывай, что сохнешь по ней. Порой мне кажется, что ее утомляют твои взгляды и вздохи. Будь мужчиной, веди себя так, будто у тебя много других забот и недосуг страдать по ней, и она станет больше тебя уважать. А теперь очини перо и продолжим. Я завещаю... ты написал в начале «завещаю»?

– Нет, – отвечал Уильям, снова подняв голову. – Вы не говорили писать «завещаю»!

– Тогда завешание не будет иметь законной силы, и мою мебель отвезут в Лондон и передадут в суд, и Эстер ничего не достанется.

– Я могу переписать, – сказал Уильям.

– Да, перепиши начисто и подчеркни, чтоб было ясно: это именно мои слова. Сделал? Теперь продолжим. Я завещаю свой сборник проповедей в переплете из отменной телячьей кожи, что лежит на третьей полке в угловом шкафу справа от очага, Филиппу Хепберну. Полагаю, он любит читать проповеди, равно как ты любишь проваренную лапшу из воздушного теста, а мне бы хотелось каждому из вас оставить что-то на память о себе. Написал? Так, теперь что касается моих кузенов Джона и Джеремаи. Добра у них много, но они оценят то, что я оставляю им, если только мне удастся вспомнить, что они хотели бы получить. Слышишь?! Не Эстер ли наша пришла? Убери скорей! Не хочу, чтобы она расстроилась, узнав, чем я тут занимаюсь. Вернемся к завешанию в следующий первый день³⁸; несколько дней отдохновения уйдет на то, чтобы составить его, за это время я, глядишь, придумаю, что завещать кузенам Джону и Джеремае.

Эстер, как и было сказано, пару минут постояла на крыльце, прежде чем открыть дверь. Переступив порог, она не увидела признаков необычной деятельности – чтобы кто-то что-то писал; только Уилл Кулсон, покрасневший до ушей, выглядел удрученным и источал запах размятого листика герани.

Энергичным шагом, с притворной живостью в лице, которую она придала своим чертам, специально задержавшись на крыльце, Эстер прошла в комнату. Однако оживленность вместе с румянцем на щеках быстро исчезла, и острый глаз матери мгновенно подметил печать тягостной заботы на ее бледном лице.

– Горшок я оставила на очаге; чай уж, наверно, невкусный стал, я ведь с час назад его заварила. Бедняжка, как же ты утомилась, тебе непременно нужно взбодриться чашкой хорошего чая. Тяжело было сидеть с Бетси Дарли, да? Как она переносит свое горе?

³⁸ У квакеров – воскресенье (First Day).

– Переживает до боли в сердце, – ответила Эстер, снимая шляпу и аккуратно складывая свой плащ, чтобы убрать их в большой дубовый сундук (или «ящик», как его называли), где она хранила эту свою верхнюю одежду от воскресенья до воскресенья.

Только она открыла сундук, из него выплыл душистый аромат сухих розовых лепестков и лаванды. Уильям подскочил к ней, чтобы придержать тяжелую крышку. Она подняла голову и, взглянув на него с безмятежностью во взоре, поблагодарила за помощь. Потом взяла низкий табурет и села у очага, спиной к окну.

Очаг поражал такой же безупречной белизной, как и крыльцо; все черные части решетки были тщательно отполированы; все медные детали, например ручка духовки, были начищены до блеска. Мать Эстер принесла черный керамический чайничек, в котором упревал чай, и поставила его на стол, где уже стояли четыре чашки с блюдцами, большая тарелка хлеба и сливочное масло. Они сели за стол и, склонив головы, пару минут помолчали.

Когда они, помолившись про себя, собрались приступить к еде, Элис, как бы невзначай, а на самом деле с замиранием сердца от жалости к дочери, произнесла³⁹:

– Думаю, Филипп будет к чаю с минуту на минуту, если уже идет.

Уильям внезапно посмотрел на Эстер, ее мать старательно отводила взгляд в сторону.

– Он пошел в Хейтерсбэнк, к своей тете, – спокойно сообщила Эстер. – Я встретила его у Мосс-Брау с его кузиной и Молли Корни.

– Он частенько там бывает, – заметил Уильям.

– Да, наверно, – согласилась Эстер. – Он и его тетя родом из Карлейля⁴⁰ и здесь, в чужих краях, должны держаться вместе.

– Я видел его на похоронах Дарли, – доложил Уильям.

– Туда много народу направлялось, – сказала Элис. – Почти как во время выборов. Я как раз возвращалась с собрания, когда они поднимались по церковной лестнице. Морьяка того встретила, который, как говорят, ответил насилеием на насилеие и совершил убийство. Бледный как привидение, но то ли от телесных ран, то ли грехи замучили – не мне судить. А к тому времени, когда я вернулась и села читать Библию, народ уже шел назад. Четверть часа, наверно, все топали и топали.

– Говорят, Кинрэйд пулю в бок получил, – промолвила Эстер.

– Вряд ли это тот самый Чарли Кинрэйд, которого я знал в Ньюкасле, – произнес Уильям Кулсон, внезапно встрепенувшись, ибо в нем проснулось любопытство.

– Не знаю, – отвечала Эстер. – Все его называют просто Кинрэйдом; а Бетси Дарли говорит, что он самый отважный гарпунщик из всех, кто с этого берега отправлялся в Гренландские моря. Но в Ньюкасле он бывал, потому как, помнится, она говорила, что ее несчастный брат там с ним познакомился.

– А ты откуда его знаешь? – поинтересовалась Элис.

– Если это тот самый Чарли, я его ненавижу, – заявил Уильям. – Он встречался с моей несчастной сестрой, она уж два года как в могиле. Потом бросил ее ради другой, и это разбило ей сердце.

– Теперь по нему не скажешь, что он когда-нибудь снова сможет предаваться таким забавам, – заметила Элис. – Господь его предупредил. Призовет ли он его к себе, кто знает. Но, на мое разумение, выглядит он так, будто его призвали и он скоро уйдет.

³⁹ Имеется в виду молитвенное собрание.

⁴⁰ Карлейль (*Carlisle*; ныне Карлайл) – главный город графства Камберленд (Камбрия), расположен на крайнем северо-западе Англии.

– Значит, с сестрой моей встретится, – мрачно заключил Уильям, – и, надеюсь, Господь ясно даст ему понять, что он убил ее так же верно, как тех моряков; и если на том свете убийц настигает скрежет зубовой⁴¹, думаю, ему воздастся по заслугам. Плохой он человек.

– Бетси сказала, лучше друга у ее брата не было; и он просил передать ей, что обещает навестить ее, как только встанет на ноги.

Но Уильям лишь покачал головой и повторил свои последние слова:

– Плохой он человек, плохой.

Филиппа, когда он в то воскресенье вечером вернулся домой, встречала одна только Элис. В ее доме ко сну отходили в девять, а теперь уже с этого часа минуло десять минут. Вид у Элис был недовольный и суровый.

– Поздно ты, парень, – отрывисто упрекнула она его.

– Простите. От дома дяди путь неблизкий, да и часы у нас разные, – объяснил он, доставая свои часы, чтобы сравнить их с ликом полной луны, по которой Элис определяла время.

– Про дядю твоего ничего не знаю, а ты пришел поздно. Бери свечу и иди.

Филипп пожелал ей спокойной ночи. Если Элис и ответила, он не услышал.

⁴¹ Выражение из Библии: «...бросят их в печь огненную, где будет плач и скрежет зубовой» (Новый Завет, Евангелие от Матфея, 13:42).

Глава 8. Влечение и отвращение

Прошло две недели, быстро наступала зима. На унылых северных фермах предстояло многое сделать до того, как ноябрьская погода превратит дороги в непролазное месиво, по которым полуголодным лошадям трудно тащить телеги. На отдаленных болотах сушился нарезанный торф, который следовало привезти домой и складировать; нужно было запастись бурым папоротником, который зимой использовали в качестве подстилки для скота, ибо соломы в этих краях было мало и стоила она дорого – даже крыши крыли вереском (или камышом). А еще требовалось засолить мясо, пока оно имелось в наличии; потому как за неимением турнепса и кормовой свеклы с оскудением летних пастбищ бесплодных коров повсеместно забивали; и хорошие хозяйки до дня святого Мартина мариновали говядину для Рождества. Пшеницу необходимо было перемолоть, пока еще ее удавалось отвезти на дальнюю мельницу, а большие полки под кухонным потолком – заполнить овсяными лепешками. И наконец, когда ударял второй мороз, забивали свиней. Ибо на севере бытовало мнение, что лед, коим запасались во время первых морозов, растает, и солонина испортится. Первый мороз – коту под хвост, говаривали местные жители.

После этого последнего события наступала передышка. Дом блестел, к концу осени вычищенный и вылизанный от пола до потолка, от стены до стены. Торф был перевезен, уголь доставлен из Монксейвена, поленицы сложены, зерно перемолото, свиньи забиты, а окорока, головы и «руки» засолены. Мясник охотно согласился взять лучшие части свиньи, откормленной дамой Робсон, но в кладовой Монксейвена оставалось необычайно много мяса; и Белл, однажды утром обозревая свое богатство, сказала мужу:

– Я вот думаю, может, тот больной бедняга в Мосс-Брау не откажется отведать моих колбас. Они у меня вкусные получились, сделаны по старинному камберлендскому рецепту, какого в Йоркшире еще не знают.

– Да ты просто помешана на своих камберлендских традициях! – воскликнул ее муж, впрочем, ничуть не рассерженный ее предложением. – Однако у больных, это верно, свои причуды, так что Кинрэйд, вполне возможно, обрадуется твоим колбасам. Я знавал людей, которые, когда болели, даже улиток потребляли.

Это, пожалуй, был не комплимент. Но Дэниэл добавил, что не прочь сам отнести гостинец, когда для другой работы время будет позднее. Сильвии очень хотелось сопровождать отца, но она не смела вызваться. С приближением сумерек девушка подошла к матери и попросила ключ от большого комода, что величаво высился в столовой-гостиной. На вид это был предмет парадной мебели, но семья в нем хранила свою лучшую одежду, и белье, такое, что больше было в ходу, лежало на верхнем этаже.

– На что тебе ключи? – спросила Белл.

– Хочу взять одну из дамастных салфеток.

– Одну из лучших салфеток, что выткала моя мать?

– Да! – подтвердила Сильвия, краснея. – Чтобы украсить колбасы.

– Для этой цели чистая домотканая холстина подойдет куда лучше, – возразила Белл, недоумевая, что нашло на ее дочь, с чего это ей вздумалось украшать колбасы: это ведь еда, а не картинка в книге, чтобы ими любоваться.

Наверно, она изумилась бы еще больше, если б заметила, как Сильвия шмыгнула к маленькой клумбе, которую Кестер, поддавшись на ее уговоры, устроил у стены дома с солнечной стороны, и сорвала две-три астры и бутон чайной розы с куста, что рос у кухонной трубы и потому не замерз, а потом украдкой от матери осторожно приподняла ткань, которой была выстлана корзинка с колбасами и парой свежих яиц, и между складками полотенца положила свои осенние цветы.

Дэниэл, теперь уже излечившийся от ревматизма, после того как закончил свою после-полуденную трапезу (чай считался воскресным угощением), приготовился идти в Мосс-Брау. Когда он взялся за клюку, его взгляд упал на грустное лицо Сильвии, и он неосознанно догадался о ее безмолвном желании.

– Миссус, – обратился он к жене, – дочке ведь больше нечего делать, да? Так пусть надеет свой плащ да идет со мной. С Молли повидается и мне составит компанию.

Белл поразмыслила.

– Вообще-то, нужно пряжи насучить на чулки для тебя, но пусть идет, сама немного посучу. А так больше ничего.

– Живо одевайся и пойдем, – распорядился Дэниэл.

Сильвию дважды уговаривать не пришлось. В следующую минуту она уже спускалась в новом красном плаще с капюшоном, из складок которого выглядывало ее лучезарное разрумяневшее личико.

– Незачем надевать новый плащ на вечернюю прогулку до Мосс-Брау, – указала Белл, качая головой.

– Пойти снять его и завернуться в платок? – спросила Сильвия с горестными нотками в голосе.

– Нет-нет, идем! Некогда мне ждать, пока вы, женщины, сообразите, что к чему. Пойдем. За мной, Девочка! – Последние слова были адресованы собаке.

С радостным сердцем Сильвия тронулась в путь танцующим шагом, который ей приходилось сдерживать, подстраиваясь под степенную поступь отца. На ясном небе сияли тысячи звезд, индевеющая трава под ногами похрустывала; и когда они поднялись на более высокое место, их взорам предстало раскинувшееся далеко внизу море. Вечер выдался безветренным, лишь время от времени откуда-то издали доносился треск, в тиши звучащий как будто совсем рядом. Сильвия с корзинкой в руках походила на Красную Шапочку. Отцу сказать было нечего, да он и не стремился быть приятным спутником, но Сильвия была погружена в собственные мысли, от которых ее отвлекал бы любой разговор. Долгий монотонный перекат далеких волн, гонимых приливом, рев прибоя, грохот вздыбившихся брызг и плеск отступившей воды, облизывающей песок и гальку, что отделяли море от скал; размеренный шаг отца, медленное ровное движение; мягкое топотание трусившей рядом Девочки – все это убаюкивало Сильвию, и она шла, предаваясь размышлениям, которые не смогла бы облечь в слова. Но вот наконец они прибыли в Мосс-Брау. Вдохнув, Сильвия прекратила свои мечтания и за отцом проследовала в дом. Большая комната, служившая одновременно столовой и гостиной, вечером казалась более уютной, чем днем. Здесь огонь в очаге всегда пылал, а не тлел, и пляшущие языки пламени вкупе с мерцанием свечей лишь частично освещали комнату, оставляя в тени многое, на что в этом безалаберном семействе просто не обращали внимания. Зато друзей хозяева всегда встречали тепло, и после слов приветствия миссис Корни, естественно, на ум пришли следующие:

– Чем же вас угостить? Господин мой ох как расстроится, что его не оказалось дома и он сам не смог вас принять. Он в Хорнкасл поехал продавать жеребят и вернется только к завтраму вечеру. Но здесь у нас Чарли Кинрэйд, мы его выхаживаем. А ребята будут из Монксхейвена с минуту на минуту.

Свою речь миссис Корни адресовала Дэниэлу, который, она знала, признавал лишь мужское общество. В среде необразованных людей круг тем для разговора, представлявших для них интерес, не выходил за рамки повседневной жизни, и, разумеется, как только в них угасали первый пыл и нетерпение юности, они переставали находить удовольствие в общении с противоположным полом. Мужчинам между собой есть что обсудить – такое, что, по их мнению (сложившемуся на основе традиции и опыта), выше женского разума; и фермеры, жившие в куда более поздние времена, чем те, о которых я пишу, пренебрежительно относились к жен-

щинам, считая всякие разговоры с ними пустой тратой времени; воистину они охотнее беседовали с пастушьими собаками, которые всюду сопровождали их в течение трудового дня и зачастую становились безмолвными наперсниками. Девочка фермера Робсона теперь лежала у ног хозяина, положив морду между лапами, и внимательно наблюдала за приготовлением угощения, которое, к ее глубокому собачьему разочарованию, состояло исключительно из стаканов с жидкостью и сахара.

– Где дочка-то моя? – спросил Робсон после того, как обменялся рукопожатием с Кинрэйдом и перекинулся парой слов с ним и миссис Корни. – У нее корзинка с колбасами, это моя миссус постаралась, она по части колбас редкая мастерица; клянусь, лучше не найдешь во всех трех райдингах!

В отсутствие жены Дэниэл мог до небес превозносить ее достоинства, но нечасто отзывался о ней одобрительно, если она могла его слышать. Однако Сильвия, быстро сообразив, как миссис Корни может истолковать похвалу в адрес ее матери, поспешила вмешаться.

– Мама подумала, – сказала она, выступив из тени, – что, может, вы еще не забивали свиней, а больным всегда приятно полакомиться колбасами, и...

Может, она и продолжила бы, если б не перехватила взгляд Кинрэйда, смотревшего на нее с радостным восхищением. Сильвия умолкла, но миссис Корни не допустила паузы.

– Что до колбас, так уж случилось, что в этом году я их не делала, а то бы я поспорила с любой хозяйкой. Йоркширские окорока добрую славу имеют, и я ни одной женщине в округе не позволила бы утверждать, что ее колбасы лучше моих. Но, как я сказала, до колбас у меня руки не дошли, потому как наш кабанчик, коего я холила и лелеяла, сама откармливала – и он теперь бы весил 14 стоунов⁴² и ни унцией меньше, – наш кабанчик, что знал меня не хуже любого христианина, а сама я его просто боготворила... так вот через неделю после Михайлова дня⁴³ он захандрил, да и умер, словно в насмешку надо мной. А другого пока рано забивать – только через полтора месяца вес наберет. Так что я очень признательна твоей миссус, и Чарли, я уверена, тоже; хотя с тех пор, как мы его здесь выхаживаем, он быстро идет на поправку.

– Мне гораздо лучше, – подтвердил Кинрэйд. – Скоро смогу снова дать отпор вербовщикам.

– Так ведь говорят, они на время оставили наше побережье.

– В Гульь отправились, как мне сказали, – сообщил Кинрэйд. – Только они хитрые черти – вернутся, оглянуться не успеем, уже на днях.

– Вот, смотри! – воскликнул Дэниэл, демонстрируя свою изуродованную руку. – Вот так я избежал вербовки, еще во время войны с Америкой. – И он затянул свою историю, которую Сильвия знала наизусть. Ее отец никогда не упускал случая рассказать новому знакомому о том, как он покалечил себя, дабы избежать принудительной вербовки. Тем самым, как признавал сам Дэниэл, он досадил не только вербовщикам, но и себе, ибо ему пришлось оставить море, а в сравнении с мореходством любые сухопутные занятия – это бессмысленное прожигание жизни. Ведь на корабле Робсон не дослужился до звания, при котором его неспособность взбираться на мачту, метать гарпун или стрелять из пушки не имела бы большого значения; хорошо хоть своевременно подоспевшее наследство позволило ему стать фермером – позор, по его мнению. Но общение с моряками греет ему душу, сказал он гарпунщику, и настойчиво приглашал Кинрэйда наведываться в Хейтерсбэнк, когда тому вздумается, если ему нужно скоротать время, находясь на берегу.

Сильвия, вроде бы шептавшаяся с Молли, которая делилась с ней своими откровениями, на самом деле следила за ходом беседы отца и гарпунщика, и, когда Дэниэл пригласил Кинрэйда в гости, стала прислушиваться с особым вниманием.

⁴² 14 стоунов = 88.9041 кг.

⁴³ Михайлов день (*Michaelmas*) – 29 сентября; по традиции в этот день на обед подавался жареный гусь.

– Я вам крайне обязан, – отвечал Кинрэйд, – может быть, и загляну как-нибудь вечером. Но вообще-то, как только я начну немного ходить, мне надо будет навестить родных, они живут в Куллеркоутсе, близ Ньюкасла-на-Тайне.

– Что ж! – Дэниэл, выпивший на удивление мало, с несвойственным ему благоразумием, поднялся, собираясь уходить. – Поезжай, конечно! Хотя я буду рад, если ты к нам придешь. Некому составить мне компанию: сыновей у меня нет – одна только юная дочка. Сильвия, поди сюда, покажи себя парню!

Сильвия, красная, как роза, выступила вперед, и Кинрэйд сразу же узнал в ней ту милую юную девушку, что горько плакала над могилой Дарли. С галантностью настоящего моряка он встал, едва она робко приблизилась и остановилась подле отца, не смея поднять на него свои большие бархатные глаза. Одной рукой ему приходилось опираться на буфет, но она заметила, что выглядит он гораздо моложе и не таким изможденным, каким показался ей раньше. Лицо круглое и выразительное; кожа обветренная и загорелая, хотя сейчас он был очень бледен; глубоко посаженные темные глаза, взгляд быстрый, пронизывающий; волосы, тоже темные, выются, почти курчавятся. Он улыбнулся ей, сверкнув белыми зубами, одарил приятной дружеской улыбкой, давая понять, что узнал ее, но Сильвия, лишь зарумянившись еще гуще, опустила голову:

– Приду. Спасибо, сэр. Думаю, прогулка мне не повредит, если погода не испортится и по-прежнему будет морозно.

– И то верно, парень, – согласился Робсон, пожимая руку Кинрэйду, а тот потом протянул руку Сильвии, и ей уже никак было не уклониться от дружеского рукопожатия.

Молли Корни последовала за Сильвией к выходу, и, когда они вышли, на минутку задержала ее.

– Хороший парень, и красивый, да? Я так рада, что ты его увидела, а то на следующей неделе он отправится в Ньюкасл, куда-то туда.

– Но он же обещал зайти к нам как-нибудь вечером, – испуганно промолвила Сильвия.

– Не бойся, я сделаю так, что он придет. Я ведь хочу, чтобы ты узнала его получше. Он – редкий собеседник. Я напому ему про визит к вам.

Почему-то это повторное обещание напомнить Кинрэйду о данном им слове навестить ее отца несколько испортило Сильвии удовольствие от предвкушения его визита. С другой стороны, разве желание Молли Корни не вполне естественно, если она хочет, чтобы подруга познакомилась с тем, кто, как полагала Сильвия, был ее суженым?

Поскольку эти мысли занимали Сильвию всю дорогу домой, на обратном пути они с отцом шли так же молча, как и до Мосс-Брау. Пожалуй, единственным отличием было то, что теперь небо расцветивали яркие сполохи северного сияния, и либо их появление, либо рассказы Кинрэйда о своих походах за китами побудили Дэниэла Робсона вспомнить песенку про море, которую он мурлыкал себе под нос тихим неблагозвучным голосом, повторяя слова припева: «Люблю я бурное море!» Белл встретила их на пороге со словами:

– Наконец-то! Сильви, Филипп приходил, чтобы поучить тебя счету. Все ждал и ждал, надеясь, что ты скоро вернешься.

– Мне очень жаль, – сказала Сильвия, больше из уважения к матери, которая, судя по ее тону, сердилась, а не потому, что ей было дело до уроков или разочарования кузена.

– Он сказал, что завтра вечером тоже придет. И ты будь повнимательней, помни про вечера, когда он должен прийти, досюда ему путь неблизкий, чтоб понапрасну ходить взад-вперед.

«Мне очень жаль», – могла бы повторить Сильвия в ответ на это сообщение о намерениях Филиппа, но она сдержалась, питая отчаянную надежду, что Молли не заставит главного гарпунщика исполнить данное обещание так скоро и тот не явится к ним уже завтра вечером, ибо Филипп своим присутствием все испортит; к тому же, если она сядет за кухонный стол

у окна, а Кинрэйд с отцом – за обеденный, гарпунщик будет слышать, как проходит урок и поймет, что она тупица.

Сильвия зря переживала. Вечером следующего дня Хепберн пришел, а Кинрэйд – нет. Немного поговорив с ее матерью, Филипп достал обещанные свечи, а также несколько книг и пару перьев.

– На что ты свечи-то принес? – осведомилась Белл слегка оскорбленным тоном.

Хепберн улыбнулся:

– Сильвия решила, что занятия потребуют большого расхода свечей, и выдвинула это в качестве довода, чтобы не учиться. А я бы все равно жег свечи, если б остался дома, посему я просто принес их с собой.

– Можешь уносить обратно, – отрывисто бросила Белл. Она задула свечу, что зажег Филипп, и вместо нее поставила на стол свою.

Перехватив недовольный взгляд матери, Сильвия присмирела на весь вечер, хоть и дулась на кузена за то, что по его милости она вынуждена демонстрировать чудеса примерного поведения.

– Итак, Сильвия. Вот тетрадка с лондонским Тауэром на обложке, и мы испишем ее красивым почерком, самым красивым в Северном райдинге.

Сильвия сидела неподвижно, вовсе не в восторге от такой перспективы.

– Вот ручка, просто сама пишет, почти, – продолжал Филипп, пытаясь растормошить ее.

Потом помог ей принять правильное положение за столом.

– Не клади голову на левую руку, буквы плясать будут.

Поза Сильвии изменилась, но сама она не проронила ни слова. Филипп начинал сердиться на ее упрямое молчание.

– Устала? – спросил он. В его голосе слышалось странное сочетание злости и нежности.

– Да, очень, – ответила Сильвия.

– С чего это ты устала? – вмешалась Белл, все еще обиженная на то, что ее гостеприимность была поставлена под сомнение; тем более что она симпатизировала племяннику и, ко всему прочему, очень уважала ученость, хотя самой ей получить образование не довелось.

– Мама! – вспыхнула Сильвия. – Зачем целую страницу писать «Авденаго», «Авденаго», «Авденаго»?⁴⁴ Если б я видела, что от этого есть польза, я попросила бы папу определить меня в школу; а я не хочу учиться.

– Учение – великое дело. Мои мама и бабушка были образованными, но потом наша семья обеднела, и мы с мамой Филиппа не смогли получить образование. Но я очень хочу, дитя мое, чтобы ты знала грамоту.

– У меня пальцы занемели, – взмолилась Сильвия, поднимая свою маленькую ручку и потрясая ею.

– Тогда давай займемся правописанием, – предложил Филипп.

– На что оно мне? – капризно спросила Сильвия.

– Чтобы лучше читать и писать.

– Какая кому польза от чтения и письма?

Мать наградила ее строгим взглядом. Спокойная женщина, порой она порицала упрямство, и Сильвия без лишних слов, взяв книгу, пробежала глазами колонку, на которую указал ей Филипп; однако, как она справедливо рассудила, пусть кто-то один дал ей задание, но даже двадцать человек не заставят ее выполнить его, если она сама этого не захочет. Посему она

⁴⁴ Авденаго (служитель света) – персонаж книги пророка Даниила (Дан. 1:7), иудейский юноша (первоначально Азария), вместе со своими товарищами Ананией (Седрах) и Мисаилом (Мисах) плененный вавилонянами. Эти друзья пророка Даниила были брошены в огненную печь по велению царя Навуходоносора за отказ поклониться идолу, но были спасены архангелом Михаилом и вышли оттуда невредимыми.

присела на краешек буфета и стала без дела смотреть на огонь. Пока матери что-то не понадобилось в его ящиках. Проходя мимо дочери, она тихо сказала:

– Сильви, будь хорошей девочкой. Я высоко ценю ученость, а папа никогда не отправит тебя в школу, ведь один на один со мной он засохнет от тоски.

Если Филипп, сидевший к ним спиной, и услышал ее слова, из деликатности он не подал виду. И его терпение было вознаграждено: не прошло и минуты, как Сильвия встала перед ним с книгой в руке, приготовившись произносить слова по буквам. Инстинктивно он тоже поднялся, слушая, как она медленно выговаривает буквы одна за другой, помогая ей, когда она обращала на него взор, полный милой детской растерянности, ибо в том, что касалось чтения, бедняжка Сильвия была полной невеждой и, по всей вероятности, таковой и останется. И, несмотря на свою высокую миссию учителя, Филипп Хепберн мог бы произнести слова возлюбленного Джесс Макфарлейн:

Письмо я послал любимой своей,
Но, увы! Читать она не умеет,
И за то люблю я ее сильнее⁴⁵.

Однако он знал, что тетя его настроена решительно в этом вопросе, да и ему самому очень приятна была роль наставника столь славной и прелестной, пусть и строптивой ученицы.

Правда, самолюбие Филиппа было несколько уязвлено, когда он заметил, сколь повеселела Сильвия по окончании уроков, которые, к сожалению, ему пришлось сократить, чтобы она не слишком притомилась. Пританцовывая, Сильвия подскочила к матери, запрокинула назад ее голову и чмокнула в щеку, а потом с вызовом заявила Филиппу:

– Если я когда-нибудь напишу тебе письмо, оно будет состоять из одних «Авденаго», «Авденаго», «Авденаго»!

Но тут как раз домой вместе с Кестером вернулся отец. Они ходили на дальние пастбища приглядеть за овцами, что к зиме там нагуливали жир. Было видно, что он устал, равно как его Девочка и Кестер. Последний, с трудом переставляя ноги, пригладил волосы и проследовал за хозяином в кухню-столовую, где сел на скамью у дальнего конца буфета, терпеливо ожидая, когда им подадут на ужин овсянку с молоком. Тем временем Сильвия подозвала к себе Девочку – у бедной собаки все лапы были истерты – и стала ее кормить, но несчастное животное от изнеможения даже есть не могло. Филипп собрался было уйти, но Дэниэл жестом остановил его.

– Присядь, парень. Вот постолюсь сейчас, а потом хочу новости послушать.

Сильвия взяла свое шитье и села рядом с матерью за круглый стол, на котором чадила тусклая свеча. Все молчали. Каждый был занят своим делом. Филипп не сводил глаз с Сильвии, запоминая каждую черточку ее лица.

Когда вся каша в большом горшке была съедена, Кестер зевнул и, пожелав всем спокойной ночи, удалился на свой чердак в коровнике. Филипп вытащил еженедельную газету, что издавалась в Йорке, и начал читать о событиях бушевавшей в ту пору войны. Для Дэниэла это было одним из самых приятных развлечений; читал он неплохо, но одновременно чтение и осмысление того, что читаешь, требовало двойной работы ума, что ему было почти не под силу. Он мог либо читать, либо внимать тому, что читают вслух. Чтение не доставляло ему удовольствия, он больше любил слушать.

⁴⁵ Из сборника «Шотландский менестрель» (Scottish Minstrel) шотландского композитора Роберта Арчибальда Смита (1780–1829), строфа 3: “*I took it in my head! To write my love a letter! But alas! She canna read/And I like her a’ the better*”. Э. Гаскелл несколько изменила оригинал: “*I sent my love a letter,/But, alas! She canna read,/And I lo’e her a’ the better*”.

К тому же к войне он проявлял интерес, как типичный английский обыватель, толком не зная, за что сражается Англия. Но в те дни для каждого истинного патриота важно было лишь то, что они воюют с французами, а с какой целью или вовсе бесцельно – это не имело значения. У Сильвии и ее матери столь масштабные события любопытства не вызывали; йоркские новости, кража яблок из какого-нибудь сада в Скарборо, о котором они слышали, занимали их куда больше, чем все сражения Нель-сона и северян.

Филипп читал неестественно высоким голосом, отчего слова утрачивали свое реальное содержание, ибо знакомые выражения могут звучать незнакомо и не передавать вложенного в них смысла, если они произносятся высокопарно или с надрывом. Филипп был в своем роде педант, однако его педантичность сочеталась с простотой, какую не всегда встретишь у самоучек и какую могли бы оценить те, кому небезынтересно понять, скольких трудов и усилий ему стоило приобрести знания, коими он теперь гордился. Читая латинские изречения с той же легкостью, что и английские, с особым удовольствием артикулируя многосложные слова, Филипп искоса поглядывал на Сильвию и видел, что голова ее запрокинулась, милый розовый ротик приоткрылся, а веки крепко смежены – в общем, она спала.

– Эх, – произнес фермер Робсон, – чуть не уснул. Мать, поди, рассердится, если я скажу, что ты заслужил поцелуй. Будь я молод, увидел бы спящую красотку, тотчас бы поцеловал.

От слов фермера Филипп вздрогнул и посмотрел на тетю. Та и не думала его поощрять. Словно не услышав слов мужа, она встала и протянула руку, пожелав племяннику доброй ночи. От скрежета стульев,двигаемых по плиточному полу, Сильвия встрепенулась, смущенная и раздосадованная смехом отца.

– Да, девонька, не грех и задремать, когда рядом молодой парень. Здесь как раз Филипп, которому ты собралась подарить перчатки⁴⁶.

Сильвия зарделась как огонь и обратила пыливый взор на лицо матери.

– Папа шутит, дочка, – успокоила ее та. – Филипп – человек воспитанный.

– Вот пусть и не забывает про хорошие манеры. – Сильвия резко повернулась к кузену, прожигая его горящим взглядом. – Попробовал бы только прикоснуться ко мне, я бы с ним в жизни больше не разговаривала. – Всем своим видом она показывала, что и так не намерена его прощать.

– Цыц, девонька! Нынешние девицы прямо такие недотроги. В мое время поцелуй не считался чем-то зазорным.

– Доброй ночи, Филипп, – попрощалась с племянником Белл Робсон, кладя конец непристойному, по ее мнению, разговору.

– Доброй ночи, тетя. Доброй ночи, Сильви!

Но Сильвия повернулась к нему спиной. Он с трудом заставил себя попрощаться с Дэниэлом, по милости которого чудесный вечер получил столь неприятное завершение.

⁴⁶ Прежде в Англии перчатки ассоциировались с романтической привязанностью, могли служить знаком любви, который преподносили второй половине в день помолвки.

Глава 9. Гарпунщик

Несколькими днями позже фермер Робсон на целый долгий день покинул Хейтерсбэнк, с раннего утра отправившись покупать лошадь. Сильвия с матерью возились по хозяйству, переделывая сотни дел, и даже не заметили, как наступил зимний вечер. Жители сельских районов и теперь с наступлением темноты всей семьей собираются в одной комнате и занимают себя какой-нибудь сидячей работой; а в то время, о котором повествует мой рассказ, это тем более было в обычае, ведь свечи стоили дороже, чем сейчас, и зачастую большой семье приходилось довольствоваться одной свечой на всех.

Мать с дочерью, когда они наконец-то присели, почти не разговаривали друг с другом. Бойкий перестук вязальных спиц звучал по-домашнему уютно, и порой, когда мать ненадолго впадала в дремоту, до Сильвии докатывался протяжный рокот волн, далеко внизу разбивающихся о скалы, – их сердитый рев неся в глубь острова по Хейтерсбэнкской балке. Где-то часов в восемь – хотя из-за монотонности вечера казалось, что уже гораздо позже, – Сильвия уловила хруст камешков под тяжелыми шагами отца, шедшего по галечной тропинке. И – что более необычно – услышала, что он с кем-то разговаривает.

В ней разыгралось любопытство: кто бы это мог быть? Она инстинктивно оживилась, предвкушая событие, которое развеет монотонность вечера, уже начавшего ее утомлять, и, вскочив на ноги, кинулась открывать дверь. Едва глянув в серую мглу, Сильвия вдруг оробела и ретировалась за дверь, которую она широко распахнула, встречая отца и Кинрэйда.

Дэниэл вернулся в приподнятом настроении, бурно выражая свою радость. Он был доволен покупкой и уже успел отметить сделку стаканом спиртного. Новую кобылу он отогнал в Монксхейвен и до утра оставил ее у кузнеца, чтобы тот осмотрел ее ноги и подковал. По пути из города он наткнулся на Кинрэйда, бродившего по пустоши в поисках фермы Хейтерсбэнк, и просто прихватил его с собой; и вот теперь они здесь, готовые отведать хлеба с сыром и то, чем еще попотчует их хозяйка.

В восприятии Сильвии внезапный переход от скуки к шуму и суматохе, вызванный появлением отца и гарпунщика, был сравним с тем, как меняется атмосфера скучного зимнего вечера, когда ступаешь в комнату, где в очаге тлеет большой раскаленный кусок угля: умело разобьешь его кочергой, и помещение, доселе темное, сумеречное и необитаемое, мгновенно наполняется жизнью, светом и теплом.

С грациозной резвостью Сильвия бегала по дому, исполняя пожелания отца. Кинрэйд не сводил с нее глаз, наблюдая, как она носится туда-сюда, взад-вперед – из кладовой на кухню, из света в тень, из тени на яркий свет, – показывая себя во всей красе. В тот день ее голову увенчивал туго завязанный под подбородком широкой голубой лентой высокий чепец, который восседал на ее роскошных золотисто-каштановых волосах, ничуть не скрывая их. Лицо с обеих сторон обрамляли по одному длинному локону, падавшим спереди на шею; задняя часть шеи пряталась под небольшим крапчатым платком, аккуратно пришпиленным булавкой к поясу ее коричневого платья из тонкой шерсти.

Как удачно, думала девушка, что она сменила свой рабочий наряд – жакет и юбку из грубого полотна – на красивый шерстяной убор, когда садилась за рукоделие вместе с матерью.

К тому времени, когда она снова села, перед отцом с Кинрэйдом уже стояли наполненные кружки, а сами они обсуждали относительные достоинства различных спиртных напитков, что привело к рассказам о контрабанде и всевозможных ухищрениях, к которым прибегали они или их друзья, чтобы обмануть береговую охрану: о том, как по ночам мужчины переправляли товары в глубь острова; о бочонках бренди, что находили фермеры, по ночам гонявшие лошадей на столь далекие расстояния, что на следующий день те уже не имели сил работать; об уловках женщин, проносивших запрещенные товары. В действительности женщины, задавленные

целью заниматься контрабандой, располагали более обширным арсеналом средств и трюков, а также действовали более дерзко и энергично, чем мужчины. О моральной стороне данного вида деятельности никто не задумывался. С тех пор в вопросах нравственности мы совершили большой скачок, и одно из наших главных достижений состоит в том, что, в отличие от наших праотцов, в повседневной жизни, что бы мы ни делали – покупали и продавали товары, ели, пили и так далее, – мы каждый свой шаг соизмеряем с постулатами своей религии. Ни Сильвия, ни ее мать не опережали свое время. Обе с упоением слушали об изобретательности контрабандистов, об их лживых словах и действиях, о которых рассказывалось как о проявлениях смелости и героизма. Тем не менее, если б Сильвия в быту обнаружила хотя бы толику такой лживости, это разбило бы материнское сердце. С введением налога на соль, уплата которого насаждалась самым строгим и жестоким образом, так что за сбор необработанных грязных комков с ее минимальным содержанием, которые вместе с золой выбрасывали стоявшие вдоль дорог солеварни, наказывали как за преступление, а цена на этот необходимый продукт резко выросла, сделав его очень дорогим, а порой и недоступным товаром – роскошью для трудового люда, правительство способствовало искажению у людей понятий высокой нравственности и честности, и никакие проповеди уже не могли их восстановить. Да и многие другие налоги оказывали подобное действие, пусть и в меньшей мере. Такая взаимосвязь между представлениями людей о правдивости и налогами может показаться необычной, но, думается, в этом что-то есть.

От рассказов о приключениях контрабандистов разговор естественно перетек к историям, которые происходили с Робсоном в его молодые годы, когда он моряком бороздил Гренландские моря, и с Кинрэйдом, ныне слывшим одним из лучших гарпунщиков, что служили на китобойных судах, отчаливавших от этого побережья.

– Есть три вещи, которых надо бояться, – авторитетно заявил Робсон. – Это льды – опасная штука; еще опаснее – плохая погода; ну и сами киты – эти самые опасные, по крайней мере, такими они были в мое время, возможно, с тех пор эти проклятые бестии научились себя вести. В годы моей молодости их сроду было не загарпунить без того, чтобы они хвостами и плавниками не вздыбили воду: сами все в пене и команда мокрая с ног до головы, а в тех широтах холодная ванна ни к чему.

– Киты вести себя, как вы выражаетесь, не научились, – возразил Кинрэйд, – а вот льды нельзя недооценивать. Однажды я ходил на гульском китобое «Джон», и мы шли в нормальной чистой воде, охотились на китов и даже думать не думали, что огромный серый айсберг, стоявший скулой к волне где-то на удалении мили, может причинить нам зло; казалось, он стоял там с Сотворения мира и простоит еще столько же, пока все люди на земле не помрут, и за тысячи тысяч лет он не стал ни больше, ни меньше. Вельботы охотились на рыбину, на одном я был гарпунщиком, и так нам не терпелось поймать кита, что никто не замечал, что нас относит прямо под тень айсберга. Мы все были увлечены погоней, и кита я загарпунил. Едва он испустил последний вздох, мы сцепили вместе его плавники и за хвост привязали к судну, а потом перевели дух и огляделись. Неподалеку мы видели другие вельботы, пытавшиеся удержать две рыбины, которые вот-вот могли вырваться. Я это сразу определил, потому как, заявляю без ложной скромности, я был лучшим гарпунщиком на борту «Джона». И я говорю: «Парни, один остается на борту и сторожит кита (которому я сам пропустил канат меж плавников), и он теперь был мертв, как Ноев прадед⁴⁷, все остальные идем на помощь другим вельботам». Как вы понимаете, рядом с нами находился еще один вельбот, чтобы тралить рыбину. В ваше время ведь тоже рыбину тралили, да, господин?

⁴⁷ Мафусаил: «Всех же дней Мафусала было девятьсот шестьдесят девять лет; и он умер» (Первая книга Моисея: Бытие (5:27)).

– Да, да, – подтвердил Робсон. – Одна лодка стоит на месте, на ней закреплен конец линия, а другая наматывает круги вокруг рыбины.

– Ну так вот! Благо у нас был вторая шлюпка, мы все сели в нее, на вельботе никого не осталось. И я спросил: «Но кто же останется с убитой рыбиной?» Парни промолчали, потому как все, подобно мне, горели желанием пособить товарищам нашим. И мы рассудили, что наша лодка будет для нас плавучим ориентиром и мы вернемся на нее, как только поможем товарищам. В общем, все мы без исключения налегли на весла и поплыли прочь из-под черной тени айсберга, который казался таким же незыблемым, как полярная звезда. И что вы думаете? Не отошли мы и на двенадцать саженей⁴⁸ от своего вельбота, как вдруг бух-бубух! Что-то с грохотом рухнуло в воду. А потом поднялся огромный фонтан слепящих брызг, и, когда мы протерли глаза и чуть опомнились от страха, уже не было видно ни вельбота нашего, ни сверкающего брюха кита, стоял один лишь айсберг, зловещий и недвижимый, с которого отвалилась глыба весом, должно быть, в сотню тонн и обрушилась на лодку и рыбину, унеся их в морскую бездну, которая в тех широтах вглубь на полземли уходит. Разве что углекопы в шахтах вокруг Ньюкасла как-нибудь наткнутся на наше славное судно, если будут копать глубоко, а так больше ни одна живая душа его не увидит. А ведь я оставил на нем отменный складный нож, какого на всем свете не сыскать.

– Слава богу, что людей на нем не было, – заметила Белл.

– Да что вы, госпожа! Все мы так или иначе умрем. По мне, лучше уж на дне морском лежать, чем под земной толщей.

– Но там же так холодно, – промолвила Сильвия. Поежившись, она поворошила кочергой в очаге, согреваясь в своем воображении.

– Холодно! – ворчливо воскликнул ее отец. – Да что вы, домоседы, можете знать про холод?! Побывай ты там, где я однажды был, в море, на восемьдесят первом градусе северной широты, да еще в жуткий мороз, причем не глубокой зимой, а в июне. Мы увидели кита, в лодку – и за ним, а эта невоспитанная бестия, только в нее вонзили гарпун, как хрякнет своим огромным неуклюжим хвостом, да по корме – меня и вышвырнуло в воду. Вот это был холод, скажу тебе! Сначала меня всего огнем опалило, будто с меня кожу живьем содрали, а потом каждую косточку в теле скрутило, как при зубной боли, и в ушах рев стоит, в глазах завихрение; мне из лодки бросают весла, я пытаюсь ухватиться за них, но ни одного не вижу – глаза слепит от холода. Я уж подумал: все, отхожу в Царство Божие. И все силился вспомнить Символ веры⁴⁹, чтоб умереть как христианин. А вспоминалось только «Как имя твое во Христе?»⁵⁰. И только я распрощался и с мыслями, и с жизнью самой, меня втащили в лодку. Но, Господи помилуй, у них осталось всего одно весло, остальные ведь мне побросали, так что можете представить, сколько мы добирались до корабля; ну и вид у меня был, скажу я вам: одежда на мне вся обледенела, как и я сам, волосы превратились в глыбу льда, что тот айсберг, про который он рассказывал. Меня растерли, как миссус моя натирала вчера окорока, и дали бренди; но, сколько меня ни растирали, сколько ни поили бренди, кости мои так и не оттаяли. А ты говоришь «холод»! Что вы, женщины, знаете о холоде!

– А бывает и жара! – сказал Кинрэйд. – Однажды я ходил на американском китобое. Они обычно ходят на юг, туда, где снова начинается холод, и, бывает, по необходимости остаются там на три года, зимуют в гавани одного из тихоокеанских островов. Так вот, мы были в южных морях, искали богатые китовые пастбища; и близ нашего левого траверза⁵¹ вздымалась огром-

⁴⁸ 12 морских саженей = ок. 23 м.

⁴⁹ Символ веры – система основополагающих догматов вероучения. Термин происходит от древнегреческого наименования документов такого рода.

⁵⁰ Первый вопрос из англиканского катехизиса, входящего в Книгу общей молитвы (*The Book of Common Prayer*), по которой совершаются основные богослужения и таинства Англиканской церкви.

⁵¹ Траверз – направление, перпендикулярное курсу судна или его диаметральной плоскости. По названию борта судна

ная ледяная стена высотой ни много ни мало шестьдесят футов⁵². И наш капитан, смельчак, каких свет не видывал, говорит: «В той темно-серой стене будет проход, и я в него поплыву, даже если придется идти вдоль нее до судного дня». Но, сколько мы ни плыли, до прохода добраться не могли. Под нами колыхалось море, над головами – небесная ширь, которую, казалось, пронзали льды, вздымавшиеся из воды. Мы шли и шли под парусами – не сосчитать сколько дней. Наш капитан был человек отчаянный, со странностями, но однажды сблелнул с лица – когда вышел на палубу после сна и увидел зелено-серую льдину прямо по траверзу. Многие из нас подумали, что корабль наш проклят из-за того, что сказал капитан, и мы стали разговаривать тихо и воссылать ночные молитвы, и даже сам воздух наполнился глухой тишиной, так что мы не узнавали собственных голосов. А мы все плыли и плыли. И вдруг вахтенный издал крик: он углядел брешь во льдах, которые, мы уж боялись, никогда не кончатся. И мы все собрались на носу корабля, а капитан крикнул рулевому «Так держать!», выпрямился и снова принялся бодро расхаживать по юту. И вот мы подошли к огромной расщелине в утомительно длинной ледяной стене, и края этой расщелины не были зазубрены, а уходили прямо в пенящиеся воды. Нам удалось только раз заглянуть в нее, потому как наш капитан заорал во всю глотку, веля рулевому разворачивать судно и плыть прочь от врат преисподней. Клянусь, мы все собственными глазами видели, как внутри той грозной ледяной стены в семьдесят миль длиной, внутри той серой массы холодного льда бесновались красно-желтые языки пламени, и этот огонь сверхъестественного происхождения, вырывавшийся из самых глубин моря, слепил нас своим алым сиянием, взмывая ввысь, поднимаясь выше, чем окружавшие нас льды, которые, как ни странно, от него не таяли. Говорили, что кое-кто, помимо нашего капитана, видел там черных бесов, метавшихся туда-сюда быстрее, чем сами огненные языки; во всяком случае, он их видел. И, понимая, что это его дерзость привела к тому, что мы раньше времени узрели все те запретные ужасы, которые живым видеть не дано, он просто зачах, и мы только и успели взять одного кита до того, как наш капитан преставился и командование взял на себя его первый помощник. То плавание было удачным, но, несмотря на все это, в те моря я больше не ходил и на американские суда больше не нанимался.

– Боже мой! Даже подумать страшно, что мы сидим с человеком, который заглянул во врата преисподней, – ошеломленно промолвила Белл.

Сильвия, выронив свое рукоделие, зачарованно таращилась на Кинрэйда.

Дэниэла немного задело, что его собственная жена и дочь с нескрываемым восхищением слушают удивительные истории гарпунщика, и он заявил:

– Будь я болтлив, вы меня ценили бы куда больше, чем теперь. Чего я только не видел, чего не совершил!

– Расскажи, папа! – с придыханием в голосе попросила Сильвия, жадная до новых рассказов.

– Какие-то истории повествовать негоже, – отвечал Дэниэл, – про другие лучше не спрашивать, потому как они могут навлечь неприятности. Но, как я говорил, будь у меня желание открыть все, что хранит моя память, у вас бы волосы дыбом на голове встали, приподняв ваши чепцы никак не меньше, чем на дюйм. Мама твоя, дочка, уже слышала одну-две из этих историй. Белл, помнишь историю о том, как я катался на ките? Пожалуй, этот парень понимает, насколько это опасно. Ты ведь слышала, как я ее рассказывал, да?

– Слышала, – подтвердила Белл, – давно, когда мы еще только встречались.

– Точно, еще до рождения этой юной девицы, а теперь она почти взрослая выросла. Правда, с той поры мне некогда было развлекать жену рассказами, и готов поспорить, эту историю она уже позабыла, а Сильвия так и вовсе никогда ее не слышала. Так что, Кинрэйд,

различают правый и левый траверз.

⁵² 60 футов = 18,288 м.

тебе повезло. Наполняй свою кружку. – И он продолжал: – Я и сам был гарпунщиком, хотя потом предпочел искать приложения своим талантам на контрабандистском поприще. А вот однажды я ходил на китов на «Метком» из Уитби. В один сезон мы стояли на якоре близ берегов Гренландии с грузом из семи китов. Наш капитан был зоркий парень, и работы никакой не чурался. Однажды, заведя кита, вскочил в лодку – и за ним, а мне сигнал подал и еще одному гарпунщику, с которым мы были на другой лодке – отвлекали внимание, – чтоб мы следовали за ним. Так вот, когда мы поравнялись с капитаном, он уже загарпунил рыбину и говорит мне: «Готово, Робсон! Как только всплывет, ударь ее еще раз». И я встал, выставил вперед правую ногу, держа наготове гарпун, чтобы бросить его, как только кит появится, но даже плавник его не мелькал. Это и понятно, ведь он находился прямо под нашей лодкой. И когда эта уродливая тварь захотела всплыть, она сначала высунула из воды голову, а та у нее все равно что из чугуна, и она своей чугунной башкой хрякнула по днищу лодки. Меня, словно мячик, подбросило в воздух вместе с линем и гарпуном, а с нами взлетели добрый кусок дерева и несколько моряков. Нужно было что-то делать, ведь я глазом моргнуть не успел, как оказался высоко в воздухе, и уже думал: ну все, опять свалюсь в соленую воду. А вместо этого плюхнулся на спину кита. Да, смотри не смотри, сударь, но именно туда я упал, на широкую и скользкую спину, и сразу вонзил в нее гарпун, чтобы удержаться, а потом кинул взгляд на огромные волны, и у меня вроде как морская болезнь случилась, и я стал молиться, чтоб кит не нырнул, и молился ревностно, не хуже священника и его помощника в монашеской церкви. Наверно, молитвы мои были услышаны, ибо я оставался в северных широтах и кит особо не дергался, ну а я старался удержаться на нем; на самом деле хотел бы – не свалился, потому как был накрепко привязан к гарпуну линем, который обмотался и скрутился в узлы вокруг меня. Капитан кричал, чтобы я перерезал линь, – легко сказать! По-вашему, так просто вытащить нож из кармана штанов, когда одной рукой изо всех сил держишься за спину кита, что движется со скоростью четырнадцать узлов в час?⁵³ И я подумал про себя: я не могу выпутаться из линя, а линь намертво привязан к гарпуну, а гарпун крепко сидит в ките, и тот в любую минуту, как только ему в голову стукнет, может уйти под воду, а вода ледяная, и тонуть мне совсем не хочется; я не могу выпутаться из линя и не могу достать из штанов нож, хоть бы капитан обозвал меня бунтовщиком за то, что я не выполняю его приказ, ну а если линь крепко привязан к гарпуну, надо посмотреть, крепко ли гарпун сидит в ките. И я стал выдергивать его и тащить, и кит, поняв, что я его не щекочу, как поднимет свой хвост и давай лупить по воде, только там лед был, а то бы меня всего окатило. Я продолжал тянуть за древко и только боялся, что кит уйдет под воду вместе с гарпуном. И вот гарпун наконец-то сломался, и как раз вовремя, потому как думаю, рыбина устала от меня так же, как я от нее, и ушла под воду. Одному богу известно, как я добрался до лодок, которые держались поблизости, чтоб меня подхватить: кит скользкий, вода холодная, сам я опутан линем с древком от гарпуна. В общем, миссус, тебе повезло, что ты не осталась старой девой.

– Не то слово! – воскликнула Белл. – Помню я этот твой рассказ, как не помнить. В октябре уж двадцать четыре года будет. Никогда не думала, что мне приглянется болван, оседлавший кита!

– Учись, как завоевывать женщин, – сказал Дэниэл, подмигивая гарпунщику.

И Кинрэд сразу же взглянул на Сильвию. Непроизвольно. У него это вышло само собой, так же естественно, как пробуждаешься утром, когда проходит сон; но Сильвия от его неожиданного внимания зарделась, как роза, покраснела так густо, что он отвел глаза; и когда счел, что самообладание вернулось к девушке, снова обратил на нее взгляд. Смотрел он недолго, потому что Белл, внезапно восторженно, принялась его выпроваживать. Уже поздно, затараторила она, господин ее устал, а завтра их ждет тяжелый день, да и Эллен Корни пора

⁵³ 14 узлов = 25.93 км/ч.

ложиться спать, а они уже достаточно выпили, наверняка даже больше, чем нужно, заболтав ее своими историями, в которые она имела глупость поверить. Никто не догадался о настоящей причине, побудившей ее с почти грубой поспешностью выставить за порог гостя, никто не увидел, как она вдруг испугалась, что он и Сильвия «увлеклись друг другом». В начале вечера Кинрэйд объяснил, что он пришел поблагодарить ее за колбасы, которые она по доброте душевной ему прислала, и что сам он через день-два уедет домой, это недалеко от Ньюкасла. А теперь, отвечая Дэниэлу Робсону, он заявил, что на днях еще зайдет как-нибудь вечером, чтобы послушать другие истории старика.

Дэниэл от выпитого пребывал в весьма благодушном настроении, а то бы его жена никогда не посмела обидеть гостя; и его слезливая доброжелательность нашла выражение в настойчивом гостеприимстве: пусть Кинрэйд навещается в Хейтерсбэнк когда угодно; пусть приходит сюда, как к себе домой, когда будет в этих краях; пусть приходит и живет, и все в таком духе. И так он распинался, пока Белл не захлопнула и не заперла внешнюю дверь, не дожидаясь, когда гарпунщик отойдет от их дома.

Всю ночь Сильвия грезилась об огненных вулканах, извергающихся в ледяных южных морях. Но, поскольку в рассказе гарпунщика языки пламени были населены демонами, это невиданное зрелище не представляло для нее личного интереса, ведь она в нем не участвовала, была лишь зрителем. С рассветом наступило пробуждение и появились обыденные житейские вопросы. Кинрэйд и вправду намерен покинуть их край раз и навсегда, как он сказал? Правда ли, что он суженый Молли Корни, или все же нет? Убеждая себя в одном, она внезапно меняла направление своих мыслей и приходила к противоположному мнению. В конце концов Сильвия решила, что нельзя делать выводы, пока она снова не увидится с Молли. Стиснув зубы, она дала себе слово, что выбросит гарпунщика из головы и станет занимать свое воображение только чудесами, о которых он рассказывал. Возможно, будет думать о них немного вечерами, плетя пряжу у домашнего очага, или когда в сумерках погонит домой на дойку скот, неспешно шагая за невозмутимо плетущимися коровами, а порой и летом, как прежде, возьмет с собой вязанье и отправится дышать свежим морским воздухом, что доносит легкий ветерок; спустившись с уступа на уступ по скалам, обращенным к синему океану, устроится с рукоделием на опасном пятачке, который был ее излюбленным местечком с тех пор, как ее родители поселились на ферме Хейтерсбэнк. Оттуда она часто видела снующие вдалеке парусники, с праздным наслаждением наблюдая, как они безмятежно скользят по волнам, но при этом ни разу не задумалась о том, куда они плывут или в какие неведомые края проникнут, прежде чем повернут назад, к родным берегам.

Глава 10. Строптивая ученица

Мысли Сильвии все еще занимали гарпунщик и его истории, когда на ферму явился Хепберн, чтобы преподать ей следующий урок грамоты. Стремление, если таковое она вообще имела, заработать его сдержанную похвалу за целую страницу, размашисто исписанную словом «Авденаго», теперь утратило для нее всякое очарование. Сильвию не прельщало сидеть согнувшись и старательно выводить буквы, куда сильнее была охота вызвать у Хепберна схожий интерес к опасностям и приключениям в северных морях. По неразумности она стала пересказывать одну из историй, услышанных от Кинрэйда, и, когда поняла, что Хепберн воспринимает ее рассказ как помеху, отвлекающую от серьезного дела (а то и вовсе считает его глупой выдумкой), и пытается терпеливо внимать ей лишь в надежде на то, что Сильвия, выговорившись, сосредоточится на письме, она плотно сжала губы, словно принуждая себя больше не взывать к его участию, и с бунтарским видом приступила к уроку, сорвать который ей не позволило только присутствие матери.

– И все же, – она бросила ручку, сгибая и разгибая онемевшие от усталости пальцы, – я не вижу пользы в том, чтобы изнурять себя писаниной. На что мне умение писать письма, если я в жизни ни одного письма не получила? Кому я должна отвечать, если мне никто не пишет? А если и напишет, я все равно не смогу прочитать. Даже книжки печатные читать трудно, хотя я никогда не пробовала, ведь там наверняка полно новомодных словечек. И вообще, тех, кто изобретает новые слова, лучше бы отослать куда подальше. Почему нельзя всегда довольствоваться определенным набором слов?

– Ну как же, Сильви! Ты сама в быту каждый день используешь двести – триста слов, а я в магазине – еще и много таких, которые тебе и в голову не придут; и тем, кто работает в поле, тоже нужен свой набор слов. Я уж молчу про возвышенный язык, на котором говорят священники и адвокаты.

– Ой, читать и писать так утомительно. Может, поучишь меня чему-то другому, раз у нас все равно занятия?

– Неплохо бы тебе освоить счет... и географию, – с медлительной серьезностью произнес Хепберн.

– География! – просияла Сильвия, пожалуй, не совсем правильно произнеся это слово. – Поучи меня географии. Я про столько разных мест хочу узнать.

– Хорошо, на следующий урок принесу учебник и карту. Хотя сразу могу сказать тебе, что земной шар делится на четыре части света.

– Шар? – спросила Сильвия.

– Земной шар – это земля, на которой мы живем.

– Продолжай. А Гренландия какая часть света?

– Гренландия – не часть света. Она занимает лишь часть одной части света.

– Наверно, половину этой части.

– Нет, не так много.

– Половину половины?

– Нет! – Хепберн чуть раздвинул губы в улыбке.

Сильвия подумала, что он специально уменьшает размеры Гренландии, чтобы подразнить ее, посему она надула губы, а потом заявила:

– Из всей географии мне интересна только Гренландия. Ну и, пожалуй, еще Йорк. Мне хотелось бы узнать про Йорк, потому что там проводятся скачки, и про Лондон – там живет король Георг.

– Но чтобы знать географию, нужно изучить все страны и области: где жарко, где холодно, сколько людей там живет, какие есть реки, как называются главные города.

– Сильвия, я уверена, если Филипп научит тебя всему этому, ты станешь самой ученой из Престонов, что родились с тех пор, как мой прапрадед утратил свою землю. И я буду очень гордиться тобой, потому как снова возродится слава Престонов из Слейдберна⁵⁴.

– Мапочка, я готова на все, чтобы тебе угодить. Только кому они нужны, эти богатства и земли, если люди, что ими владеют, вынуждены как проклятые писать и писать «Авденаго» и заучивать трудные слова, пока мозги не лопнут?

И в тот вечер со стороны Сильвии это, наверно, была последняя вспышка протеста; после она присмирела и со всем прилежанием старалась вникнуть в то, что втолковывал ей Филипп с помощью схематичной карты, которую он вполне искусно нарисовал куском обуглившейся древесины на кухонном столе тети. Правда, прежде чем приступить к так называемой «грязной работе», по выражению Сильвии, он заручился тетиним соизволением. Мало-помалу даже Сильвия стала проявлять интерес к его художеству: перво-наперво он большой жирной точкой обозначил Монксхейвен и затем вокруг этого центра принялся очерчивать контуры суши и моря. Упершись локтями в поверхность кухонного стола и положив подбородок в ладони, Сильвия внимательно следила за появлением все новых и новых объектов на схематичной карте, но время от времени вопросительно поглядывала на Филиппа. А тот был не настолько поглощен уроком, чтобы не замечать ее сладостной близости. Сейчас Сильвия была настроена к нему крайне доброжелательно – не бунтовала, не дерзила, – и он из кожи вон лез, чтобы удерживать ее внимание – был красноречив, как никогда (такое вот вдохновение порождает любовь!), угадывая, о чем ей любопытно услышать и узнать. Филипп пытался объяснить Сильвии причины возникновения долгих полярных дней, о которых она слышала с детства, и вдруг почувствовал, что она отвлеклась, думает о чем-то своем, и он больше не владеет ее вниманием. Эту интуитивную уверенность он сохранял не дольше мгновения, даже не успел предположить, что повлияло на Сильвию столь противное его желаниям, потому как в следующую минуту дверь отворилась и в дом вошел Кинрэйд. И тогда Хепберн сообразил, что Сильвия, должно быть, услышала его шаги и узнала их.

Рассерженный, он напрягся, приняв чопорный вид. К его удивлению, Сильвия встретила гостя так же холодно, как и он. Она встала за спиной у Филиппа и, возможно, поэтому не видела, что Кинрэйд протянул ей руку, ибо она не вложила в нее свою маленькую ладошку, как в руку Филиппа час назад. И почти не разговаривала, сосредоточенно рассматривая нарисованную головешкой карту, будто была увлечена географией или задалась целью запомнить во всех подробностях урок, что преподавал ей Филипп.

Последний, однако, приуныл, заметив, сколь обрадовался Кинрэйду хозяин дома, объявившийся из дальних комнат почти одновременно с приходом гостя. И разволновался, когда увидел, что Кинрэйд занял место у очага, будто был хорошо знаком с порядками, заведенными в этом доме. Появились курительные трубки. Филипп курить не любил. Кинрэйд, возможно, тоже, но он все равно взял трубку и разжег ее, хотя почти не попыхивал ею, ведя с фермером Робсоном беседу о мореплавании. Говорил практически он один. Филипп сидел рядом с мрачным выражением на лице, Сильвия и его тетя молчали, старик Робсон курил свою длинную глиняную трубку, время от времени вынимая ее изо рта, чтобы сплюнуть в начищенную до блеска медную плевательницу и вытряхнуть из чаши белый пепел. Прежде чем снова сунуть трубку в рот, он издавал короткий смешок, давая понять, что получает удовольствие от общения с гарпунщиком, и от случая к случаю вставлял замечание. Сильвия сидела боком с краю стола, притворяясь, будто шьет, но от внимания Филиппа не укрылось, что она часто замирала за рукоделием, слушая рассказ гарпунщика.

⁵⁴ Слейдберн – селение на территории природной области Боулэнд-Форест в графстве Ланкашир (Англия). Его местоположение позволяет предположить, что Белл происходила из крестьянской семьи.

Вскоре тетя завела с ним беседу, и они продолжали тихо переговариваться между собой – не потому, что испытывали какой-то особый интерес к тому, что они обсуждали, просто Белл Робсон чувствовала, что племянник, родной ей человек, расстроен. Не исключено, что они оба были не прочь показать свое скептическое отношение к байкам Кинрэйда. В любом случае миссис Робсон, будучи женщиной малообразованной, опасалась верить в небылицы.

Филипп, сидевший строго напротив гарпунщика, по ту сторону очага, что была ближе к окну и к Сильвии, в конце концов повернулся к кухне и тихо произнес:

– Надо полагать, мы не сможем продолжить урок географии, пока тот парень не уйдет?

При словах «тот парень» щеки Сильвии покрылись румянцем, но она лишь ответила беспечным тоном:

– Ну, вообще-то, хорошего понемножку, я так считаю, и на сегодняшний вечер географии с меня достаточно. Но все равно большое спасибо.

Филипп нашел прибежище в оскорбленном молчании. И как же он возликовал, когда его тетя, взявшись готовить ужин, стала производить громкий шум, заглушавший речь гарпунщика, которая теперь не достигала ушей Сильвии. Девушка заметила, сколь доволен Филипп тем, что все ее усилия дослушать конец истории идут прахом! Это ее разозлило, и полная решимости испортить ему удовольствие от его злорадного торжества и воспрепятствовать всяким его попыткам завязать с ней личный разговор, она, продолжая шить, тихо запела себе под нос. Потом вдруг, охваченная желанием помочь матери, ловко соскользнула со стула, прошла мимо Хепберна и, опустившись на колени перед очагом, в непосредственной близости от отца и Кинрэйда, принялась подрумянивать лепешки. И теперь шум, которому Хепберн так обрадовался, обернулся против него самого. Он не слышал веселой болтовни, завязавшейся между Сильвией и гарпунщиком, который все пытался забрать длинную вилку из ее руки.

– Зачем сюда пришел этот моряк? – спросил Филипп у тети. – Ему не место рядом с Сильвией.

– Даже не знаю, – отвечала та. – Нас познакомили Корни, и мой господин прикипел к его обществу.

– И вам он тоже нравится, да, тетя? – почти с грустью в голосе спросил Хепберн, проследовав в маслодельню за миссис Робсон, якобы помогая ей.

– Мне он не люб. Думаю, он рассказывает нам небылицы, проверяя, насколько мы легковерны. Но хозяин с Сильвией высокого о нем мнения, как будто он единственный в своем роде.

– Таких, как он, я вам десятка два покажу на пристани.

– Ты, парень, будь поспокойней. Кто-то кому-то нравится, кто-то – нет. Пока я жива, ты всегда будешь здесь желанным гостем.

Добрая женщина понимала, что племянник обижен на ее мужа и дочь, увлеченных своим новым приятелем, и хотела подбодрить его. Но, как она ни старалась, хорошее настроение к нему не возвращалось: весь вечер он сидел мрачнее тучи, чувствуя себя стесненно и неудобно, но уходить не уходил. Задался целью пересидеть Кинрэйда, дабы доказать, что в этом доме он более близкий человек. Наконец гарпунщик стал прощаться, но до того как уйти, он нагнулся к Сильвии и что-то ей шепнул – Филипп не расслышал; а она в порыве внезапного усердия даже головы не подняла от шитья, лишь кивнула в ответ. Наконец Кинрэйд ушел – после того, как множество раз по всяким пустякам откладывал свой уход, множество раз от двери поворачивал назад: искал повод, как подозревал Филипп, чтобы украдкой взглянуть на Сильвию. И как только он удалился, девушка свернула шитье, объявив, что очень устала и сейчас же пойдет спать. Ее мать, дремавшая последние полчаса, обрадовалась, что и она теперь может отойти ко сну.

– Налей себе еще стаканчик, Филипп, – сказал фермер Робсон.

Но Хепберн, довольно резко отказавшись от предложения, встал ближе к Сильвии, желая вызвать ее на разговор, и увидел, что она предпочла бы этого избежать. И он ухватился за

самый явный повод, что было неумно с его стороны, ибо тем самым он лишил себя всякого шанса время от времени завладевать ее безраздельным вниманием.

– Судя по всему, географию учить ты не настроена, да, Сильви?

– Сегодня – не очень. – Она притворно зевнула, но все же робко заглянула в его недовольное лицо.

– Не только сегодня – вообще, – упрекнул он ее, все больше гневаясь. – Ты вообще не настроена учиться. Прошлый раз я принес кое-какие книги, намереваясь многому тебя научить, но теперь прошу их вернуть, уж позволь тебя побеспокоить. Я положил их на полку возле Библии.

Филипп рассчитал, что кузина принесет ему книги и он в любом случае будет иметь удовольствие получить их из ее рук.

Не отвечая, Сильвия сходила за книгами и отдала ему, всем своим видом демонстрируя вялое безразличие.

– Итак, с изучением географии покончено, – заключил Хепберн.

Что-то в его тоне насторожило Сильвию, и она подняла на него глаза. В чертах его сквозила нестерпимая обида с налетом горького сожаления и печали, что тронуло ее до глубины души.

– Не сердись на меня, Филипп, ладно? Я не хочу огорчать тебя и готова учиться. Только глупая я, тебе, наверно, очень трудно со мной.

Сильвия фактически соглашалась продолжить занятия, и Филипп был бы рад ухватиться за ее полупредложение, да помешали упрямство и гордость. Не сказав ни слова, он отвернулся от милого умоляющего лица и принялся заворачивать книги в бумагу. Хепберн знал, что кузина недвижно стоит рядом, но вел себя так, будто не замечает ее. Упаковав книги, он без лишних церемоний пожелал всем доброй ночи и ушел.

В глазах Сильвии стояли слезы, хотя в душе она испытывала облегчение. Она сделала кузену щедрое предложение, а он отверг его с безмолвным презрением. Спустя несколько дней отец по возвращении с монксхейвенского рынка в числе прочих новостей сообщил, что встретил Кинрэйда, который собирался домой в Куллеркоутс. Тот передавал свое почтение миссис Робсон и ее дочери и просил Робсона сказать, что он намеревался навестить в Хейтерсбэнк, чтобы попрощаться с ними, но время поджимает, и он надеется, что они не будут на него в обиде. Только Робсон не счел нужным передавать содержание этой длинной речи, сказанной из вежливости. В действительности, поскольку к делу это послание отношения не имело и предназначалось исключительно для женщин, Робсон начисто позабыл про него, едва оно было произнесено. А Сильвия два дня изводила себя тревогой из-за оскорбительной невнимательности своего героя, ведь в их доме Кинрэйда привечали скорее как близкого друга, нежели случайного знакомого, которого знали всего несколько недель; но потом гнев охладил ее первоначальный пыл, и она продолжала заниматься повседневными делами так, будто гарпунщика вовсе никогда не существовало. Он исчез в густом тумане неведомого мира, из которого явился к ним, – исчез, не сказав ни слова, и, возможно, больше она его не увидит. А может, и увидит, когда он вернется, чтобы жениться на Молли Корни. Может, ее попросят быть подружкой невесты, и что за веселая свадьба это будет! Все Корни – такие приятные люди, и в их семье, похоже, нет всех тех строгостей и ограничений, которым подвергала Сильвию ее собственная мать. Но потом девушку захлестнули стыд и всепоглощающая любовь к собственной матери; она готова была исполнить ее малейшее желание во искупление своего минутного предательства, что она совершила в мыслях; и таким образом Сильвия подвела себя к тому, чтобы попросить кузена Филиппа возобновить уроки, причем озвучила свое пожелание в столь кроткой манере, что он, помедлив, милостиво снизошел до ее просьбы, которую всегда жаждал исполнить.

С наступлением зимы на ферме Хейтерсбэнк на многие недели установилась монотонная размеренность. Филипп приходил и уходил, отмечая, что Сильвия поразительно прибавила

в понятливости и рассудительности; возможно, от него также не укрылось, что она заметно похорошела. Ибо она находилась в том возрасте, когда девушки внешне очень быстро меняются, и обычно к лучшему. Сильвия расцвела, превратившись в высокую молодую женщину; ее глаза приобрели более насыщенный оттенок, черты лица – большую выразительность, и, догадываясь, сколь необыкновенно она мила, при встрече с теми немногими незнакомыми людьми, с которыми ей доводилось общаться, она неосознанно держалась с кокетливой застенчивостью. Филипп приветствовал ее интерес к географии, расценив это как еще одно свидетельство совершенствования ее натуры. Он снова принес на ферму свой географический атлас и многие вечера посвящал обучению кухни. Она проявляла удивительное любопытство к отдельным областям, о которых ей хотелось узнать, и с холодным безразличием воспринимала самое существование городов, стран и морей, куда более знаменитых с исторической точки зрения. Порой она упрямялась, порой выказывала крайнее презрение к учености своего наставника, превосходившего ее в образованности, но, несмотря на все это, в назначенные вечера Филипп регулярно приходил в Хейтерсбэнк, в любую погоду, даже когда свирепствовал колючий восточный ветер, мела метель или под ногами была непролазная слякоть, потому как любил он сидеть чуть позади Сильвии, держа руку на спинке ее стула, и смотреть, как она горбится над столом, приковавшись взглядом – если бы еще он мог видеть ее глаза – к одной точке на развернутой карте, и это был не Нортумберленд, где Кинрэйд проводил зиму, а бурные северные моря, о которых он рассказывал им разные чудеса.

Однажды ближе к весне Сильвия заметила, что к ним на ферму идет Молли Корни. Девушки не виделись много недель, так как Молли гостила у родственников на севере. Сильвия открыла дверь и встала на пороге, поеживаясь и улыбаясь от радости, что она снова видит подругу. Не доходя до дома нескольких шагов, Молли крикнула:

– Сильвия, ты ли это?! Как же ты повзрослела! А хорошенькая какая стала!

– Не болтай чепухи моей дочери, – урезонила ее Белл Робсон.

Законы гостеприимства заставили ее бросить глажку и подойти к двери; но, как мать ни старалась всем своим видом показать, что она считает слова Молли чепухой, ей не удалось скрыть улыбки, осветившей ее глаза, когда она обняла Сильвию за плечи, с теплотой и любовью, как владелец сокровища, достойного похвалы.

– Глаз не оторвать, – не унималась Молли. – За то время, что мы не виделись, она стала просто красавицей. И если я ей это не скажу, мужчины скажут обязательно.

– Прекрати, – осадила ее Сильвия, оскорбившись. Она отвернулась в смущении, досадуя на столь откровенное восхищение.

– Сама увидишь, – верещала Молли. – Долго вы ее не удержите, миссис Робсон. А как говорит моя мама, незамужние дочери – это вечная головная боль.

– Вас у вашей мамы много, а у меня она одна, – возразила миссис Робсон с печальной суровостью в голосе, ибо теперь ей не нравились рассуждения Молли. Но та лишь хотела подвести разговор к новостям о себе самой, от которых ее просто распирало.

– Вот-вот! Маме я так и сказала: имея столько детей, она должна быть благодарна, что одну из дочерей скоро сбудет с рук.

– Кого? Которую? – оживилась Сильвия, сообразив, что Молли принесла весть о свадьбе.

– Как кого? Меня, конечно! – рассмеялась та, чуть покраснев. – Зря, что ль, я из дома уезжала – во время поездки мужа себе подыскала, как раз такого, какой мне нужен.

– Чарли Кинрэйд, – заулыбалась Сильвия, поняв, что теперь она может выдать секрет Молли, который до сей минуты свято хранила.

– Да на что мне сдался Чарли Кинрэйд?! – Молли тряхнула головой. – Что толку от мужа, который по полгода проводит в море? Ха-ха, мой господин – благоразумный лавочник

из Ньюкасла, с Сайда⁵⁵. Я считаю, что сделаю хорошую партию, и тебе желаю удачи, Сильвия. Понимаете, – обратилась она к миссис Робсон, рассудив, что та лучше, чем Сильвия, способна оценить существенные преимущества ее выбора, – хоть мистеру Брантону почти сорок, доход у него более двухсот фунтов в год, и для своих лет он хорош собой, и нравом к тому же добрый, спокойный человек. Ну да, он, разумеется, уже раз был женат, но все его дети умерли, кроме одного; а я детей люблю, буду хорошо кормить их и рано укладывать спать, чтоб не путались под ногами.

Миссис Робсон сдержанно поздравила Молли, но Сильвия молчала. Она была разочарована: брак с торговцем, по ее мнению, был не столь романтическим, как с героем-гарпунщиком.

Молли смущенно рассмеялась, понимая Сильвию лучше, чем та думала:

– Сильвия меня не одобряет. А собственно, почему, подруга? Для тебя же лучше. Чарли теперь свободен, а если б я вышла замуж за него, прибрать его к рукам уже не получилось бы, да и он не раз говорил, что из тебя вырастет милашка.

Окрыленная успехом, Молли чувствовала себя независимой и выказывала смелость суждений, что редко позволяла себе прежде, и уж тем более не при миссис Робсон. Даже Сильвию раздражали ее тон и манеры: она держалась развязно, насмешливо, вызывающе. Миссис Робсон и вовсе находила поведение Молли непристойным.

– Сильвия замуж не торопится, – отрывисто и сухо произнесла она. – Ей и дома неплохо, со мной и с отцом. А ты можешь болтать что угодно, мне все равно.

Молли немного притихла, но все равно, пребывая в эйфории от скорого удачного замужества, ни о чем другом говорить не могла; и когда она ушла, миссис Робсон, что было ей несвойственно, разразилась уничижительной тирадой:

– Бывают же такие девицы. Как петухи на навозной куче – заманят под венец какого-нибудь простофилю и давай горланить: кукареку, я мужа изловила, кукареку. Терпеть таких не могу. Прошу тебя, Сильви, будь поосмотрительней с Молли. Она ведет себя совершенно неприлично, поднимая столько шуму из-за мужчин, словно ей двухголовых телят показали.

– Но у Молли доброе сердце, мама. Только я ведь полагала, что она обручена с Чарли Кинрэйдом, – задумчиво промолвила Сильвия.

– Эта девица обручится с первым встречным, который согласится взять ее в жены и содержать в достатке. У нее только это на уме, – презрительно фыркнула Белл.

⁵⁵ Сайд (*the Side*) – в ту пору одна из главных улиц в центре Ньюкасла, шла от реки к церкви Святого Николая (ныне собор). Там жили все торговцы.

Глава 11. Планы на будущее

На исходе мая Молли Корни вышла замуж и уехала в Ньюкасл. И хотя женихом на свадьбе был не Чарли Кинрэйд, Сильвия, как и обещала, выступила в роли подружки невесты. Но в период между помолвкой и бракосочетанием Молли дружба между девушками, которых свели вместе обстоятельства – соседство и одинаковый возраст, – заметно ослабела. Во-первых, Молли была настолько поглощена приготовлениями к свадьбе, настолько упивалась своей удачей, тем, что она выходит замуж, да еще раньше старшей сестры, что все ее недостатки проявились в полную силу. Сильвия считала ее эгоисткой, миссис Робсон – бесстыдницей. Еще год назад Сильвия горько сожалела бы, что ей приходится расстаться с подругой; теперь же она почти радовалась, что будет избавлена от нескончаемых требований сопереживать и рассыпаться в поздравлениях, требований, исходивших от человека, которого не заботили ни мысли, ни чувства окружающих, по крайней мере, в те недели «кукареканья», как выражалась миссис Робсон. Белл не очень-то ценила юмор, но, в кои-то веки придумав шутку про петуха, она теперь то и дело повторяла ее.

Тем летом каждый раз при встрече с кузиной Филипп находил ее прелестнее, чем прежде: казалось, в облике ее появлялся новый оттенок цвета, некое свежее очарование, подобно тому, как с каждым летним днем распускаются цветы, показывая новые грани своей красоты. И это был не плод воображения влюбленного Филиппа. Эстер Роуз, изредка встречавшая Сильвию, каждый раз с грустью честно признавала, что недаром Сильвия внушает столь огромное восхищение и любовь.

Однажды Эстер увидела, как та сидит подле матери на рынке; рядом стояла корзина, а на чистом полотенце, накрывавшем желтые брикеты сливочного масла весом в один фунт, Сильвия разложила веточки шиповника и жимолости, которые она нарвала по дороге в Монксхейвен. На коленях у нее лежала соломенная шляпка, и Сильвия занимала себя тем, что вплетала цветки в ленту, обвивавшую тулью. Потом она взяла шляпу, вытянула ее на руке и повертела так и эдак, склонив набок голову, чтобы лучше видеть результат своего труда. И все это время Эстер с восхищением и тоской в глазах наблюдала за ней в просветы между складками ткани, вывешенной в витрине лавки Фостеров, наблюдала и думала, знает ли Филипп, стоявший за соседним прилавком, что его кузина на рынке, совсем близко от него. Потом Сильвия надела шляпку и, посмотрев на окна Фостеров, перехватила взгляд Эстер, в котором сквозил живой интерес. Она улыбнулась и покраснела, смутившись от того, что за ней наблюдали, пока она тешила свое тщеславие, и Эстер улыбнулась в ответ, но как-то печально. Потом порог лавки переступил покупатель, и она принялась его обслуживать – сегодня, как и в любой базарный день, торговля шла бойко. Занимаясь посетителем, в какой-то момент она заметила, что Филипп, увидев на улице нечто улаждающее его взор, прямо без головного убора ринулся из магазина. На стене близ прилавка, где стояла Эстер, висело маленькое зеркало, помещенное в этот укромный уголок для того, чтобы добропорядочные женщины, приходившие в магазин за головными уборами, могли оценить, подойдет ли им обновка, прежде чем купить товар. Обслужив покупателя, Эстер стыдливо прошла в тот угол и украдкой посмотрелась в зеркало. И что же она увидела? Бледное лицо, мягкие темные волосы, не тронутые блеском, не озабоченные улыбкой меланхоличные глаза, плотно сжатые в недовольстве губы. Вот что ей приходилось сравнивать с ясным миленьким личиком, за которым она наблюдала на солнечной улице. Подавив вздох, Эстер вернулась за прилавок, настроенная угождать капризам и прихотям покупателей еще более терпеливо, чем до того, как она увидела в зеркале свое унылое отражение.

Саму Сильвию появление Филиппа не очень обрадовало. «Выставил меня полной душой, – подумала она, – а себя – посмешищем, несется по рынку как шальной». И когда он

принялся расхваливать ее шляпку, она в раздражении повытаскивала из ленты цветы, бросила их на землю и растоптала.

– Зачем ты так, Сильви? – удивилась ее мать. – Цветы смотрелись красиво, хоть и могли испачкать шляпку.

– Мне не нравится, что Филипп со мной так разговаривает, – надула губы Сильвия.

– Как «так»?

Но девушка не могла повторить его слова. Она понурилась, покраснела, озабоченно сдвинула брови – в общем, вид имела недовольный. Филипп выбрал неудачный тон, выражая свое восхищение.

И это еще раз доказывает, что разные люди по-разному воспринимают своих близких, когда я говорю, что Эстер взирала на Филиппа как на самого лучшего и приятного из всех мужчин, что она когда-либо знала. Если его не спрашивали, сам он о себе не рассказывал, посему его родственники из Хейтерсбэнка, поселившиеся в этом краю всего пару лет назад, ничего не ведали об испытаниях, выпавших на его долю, и о тяжелых обязанностях, что ему приходилось выполнять. Конечно, тетя Филиппа очень верила в него, потому что немного знала характер племянника и потому что он был ее роду-племени, но мелкие подробности его прошлого оставались для нее тайной. Сильвия уважала Филиппа как друга матери и относилась к нему неплохо, пока он держался с присущим ему самообладанием, но в его отсутствие почти не думала о нем.

А вот Эстер, наблюдавшая за ним изо дня в день многие годы, с тех пор как он устроился посыльным в лавку Фостера, – наблюдавшая спокойно, благочестиво, но внимательно, – видела, как предан он интересам хозяина, знала, сколь заботливо и внимательно он ухаживал за своей ныне покойной матерью, во многом отказывая себе с безропотным самоотречением.

Редкие часы досуга Филипп посвящал самообразованию, что импонировало Эстер, тоже имевшей пытливый ум; она с радостью внимала ему, когда он делился недавно приобретенными знаниями – знаниями, наводившими скуку на Сильвию, – хотя, поскольку Эстер обычно слушала молча, только человек, более заинтересованный в том, чтобы постичь ее чувства, нежели Филипп, заметил бы перемены в ее лице – слабый румянец на бледных щеках, блеск глаз под приспущенными веками, – когда бы Хепберн ни открыл рот. Эстер не помышляла о любви ни с его, ни со своей стороны. Считала, что любовь – это суетность, тщета, о ней не то что говорить, даже думать не стоит. До того как Робсоны поселились в их краю, у нее раз или два мелькала мысль о том, что спокойная, размеренная жизнь, которую они вели с Филиппом, живя и работая под одной крышей, возможно, когда-нибудь в отдаленном будущем увенчается их браком; и ей невыносимы были робкие ухаживания Кулсона, который, как и Филипп, квартировал в доме ее матери. Они вызывали у нее отвращение.

Но с появлением Робсонов Филипп так часто стал проводить вечера в Хейтерсбэнке, что всякие надежды, которые неосознанно питала Эстер, угасли сами собой. Поначалу, когда она услышала про Сильвию, юную кузину, что стояла на пороге взросления, ее обьяло мучительное чувство сродни ревности. Однажды в ту пору она осмелилась спросить у Филиппа, как выглядит Сильвия. Безо всякого воодушевления он сухо описал внешность кузины – черты лица, волосы, рост, – но Эстер, к собственному удивлению, проявила настойчивость, задав главный вопрос:

– Она красивая?

На землистых щеках Филиппа проступили красные пятна, но он ответил безразличным тоном:

– Надо полагать, некоторые находят ее красивой.

– А ты? – не сдавалась Эстер, хотя и сознавала, что его коробит ее вопрос.

– Незачем говорить о таких вещах, – с неудовольствием в голосе резко ответил он.

С той поры Эстер подавляла свое любопытство. Но в душе ее царило смятение, она изводила себя подозрительностью, пытаясь понять, считает ли Филипп красивой свою юную кузину, пока не увидела его и ее вместе в тот день, о котором мы говорили, – когда Сильвия пришла в лавку, чтобы купить новый плащ; и после того случая сомнений у нее не осталось, теперь она знала наверняка. Белл Робсон красота дочери, хорошевшей с каждым днем, тоже давала повод для беспокойства. Она понимала, что определенные факты чреваты нежелательными последствиями – вывод, к которому она пришла в результате размышлений, скорее основанных на интуиции, чем на рассудительности. Конечно, материнскому самолюбию льстило, что Сильвия приводит в восхищение противоположный пол, но Белл это тревожило. Восхищение это проявлялось по-разному. Если Сильвия сидела с ней на рынке, создавалось впечатление, что всему мужскому населению Монксхейвена в возрасте до сорока лет доктора срочно прописали молочно-яичную диету. Поначалу миссис Робсон думала, что это естественная дань отменному качеству ее фермерской продукции, но потом стала замечать, что у нее не больше шансов, чем у соседей, быстро распродать свой товар, если Сильвия оставалась дома. На овечью шерсть, что хранилась в амбаре, находилось покупателей больше, чем прежде; симпатичные молодые мясники приходили за телятиной еще до того, как принималось решение продать мясо, – словом, те, кто желал полюбоваться на хейтерсбэнкскую красавицу, всегда могли найти повод для визита на ферму. Все это Белл настораживало, но она вряд ли сумела бы объяснить, чего она боится. Правда, домашние не замечали, чтобы чрезмерное внимание окружающих испортило Сильвию. Она всегда была немного легкомысленной и таковой оставалась, но как говаривала ее мать: «На молодые плечи головы стариков не приставишь»; и, если родители журили ее за беспечность, Сильвия неизменно выказывала искреннее раскаяние. Честно говоря, только мать с отцом и видели в ней по-прежнему нескладного тринадцатилетнего подростка. Вне стен родного дома о ней ходили самые противоречивые мнения, особенно если послушать женщин. Одни называли ее «неказистой дылдой», другие – «прелестной, как первая июньская роза, и милой по характеру, как выющаяся жимолость»; она была и «язвой, острой на язык, которым могла ранить в самое сердце», и «солнышком ясным, озарявшим все вокруг, где бы она ни появилась»; она была букой и жизнерадостной, остроумной и молчуньей, сердечной и черствой – в зависимости от того, кто ее характеризовал. В действительности особенность Сильвии была такова, что окружающие ее либо восхваляли, либо винили во всех грехах. В церкви или на рынке она невольно притягивала взоры: никто не мог забыть о ее присутствии, как это бывало в случае даже с более привлекательными девушками. Все это немало беспокоило ее мать, которая предпочла бы, чтобы ее дитя лучше уж вовсе обходили молчанием, нежели судачили о ней кто во что горазд. По разумению Белл, женщина тогда достойна уважения и доверия, если она идет по жизни неприметно и не дает повода трепать свое имя, которое может упоминаться лишь в связи с ее хозяйственностью, мужем или детьми. Если о какой-то девушке много говорили, пусть даже в хвалебных тонах, та сразу много теряла в глазах миссис Робсон; и когда соседи начинали славословить в адрес ее собственной дочери, Белл холодно отвечала: «Да, она хорошая девочка» – и меняла тему разговора. Другое дело ее муж. Человек экспансивный, более свободных взглядов, он охотно слушал и еще более охотно наблюдал, как восторгаются красотой его дочери, полагая, что эти похвалы положительно отражаются и на нем. Он никогда не задумывался о том, насколько популярен он у окружающих, и еще меньше – о том, уважают ли его. Куда бы он ни пришел, его всюду привечали довольно тепло, поскольку по натуре он был незлобив и общителен, в молодости ввязывался в рискованные авантюры, что в определенной мере давало ему право высказывать свои суждения о жизни в авторитетной манере, которая вообще была ему свойственна; однако водить компанию он предпочитал не с респектабельными стариками, склонными к трезвому образу жизни, а с более молодым поколением. И он заметил, не задумываясь о причинах, что лихие, беспутные парни находят его общество более желанным, когда рядом с ним Сильвия. Кто-нибудь из них, один или двое, по

воскресеньям в послеобеденные часы прогуливались до Хейтерсбэнка и шатались без дела по полям вместе со старым фермером. Когда на ферме гостил кто-то из молодых мужчин, Белл, изменяя своей многолетней привычке, не смела прикорнуть днем, чтобы не оставлять без пригляда Сильвию, и к гостям демонстрировала пренебрежительное обхождение, насколько это позволяли ее понятия о гостеприимстве и долг перед мужем. Но если те не входили в дом, старик Робсон обязательно на обход своей земли брал с собой Сильвию. Белл следила за ними из окна верхнего этажа: молодые люди стояли в позах слушателей, а Дэниэл разглагольствовал, подкрепляя слова взмахами своей толстой клюки; Сильвия же, повернувшись вполборота, словно чтобы уклониться от слишком восторженного взгляда, рвала цветы из живой изгороди. Эти воскресные послеобеденные прогулки все лето отравляли Белл жизнь. В конце концов миссис Робсон всеми возможными способами стала пытаться сделать так, чтобы муж не брал Сильвию в Монксхейвен каждый раз, как он туда отправлялся, на что требовалась вся ее хитрость, поскольку женщина она была прямодушная. Но тут перед ней снова встала дилемма, ибо по ясном размышлении она поняла, что поступает во вред мужу. Ведь если Сильвия шла с отцом, тот никогда не напивался, что, как бы то ни было, благотворно сказывалось на его здоровье (в то время и в тех местах пьянство не считалось грехом), посему иногда ей дозволялось сопровождать Дэниэла, дабы удерживать его от безрассудства: он слишком любил свою дочь и гордился ею, чтобы позорить ее своей неумеренностью при всем честном народе. Но как-то в воскресенье, в первых числах ноября, Филипп пришел в Хейтерсбэнк раньше своего обычного часа, и тетя, увидев, сколь он бледен и подавлен, воскликнула:

– Бог мой, юноша, что стряслось? Ты изможден и измучен, как методистский священник после вечери любви⁵⁶, во время которой он проповедовал до посинения. Молока тебе хорошего надо попить, вот что я тебе скажу, а то в Монксхейвене всякую дрянь потребляют!

– Нет, тетя, я вполне здоров. Расстроен только из-за того, что говорят про Сильвию.

Белл мгновенно изменилась в лице:

– И что про нее говорят?

– О, – выдохнул Филипп, пораженный переменами в лице и поведении тети. Видя, как она встревожилась, он укротил свое волнение. – Да это все дядя: такую девушку, как она, нельзя водить по пивнушкам. Она была с ним во «Флагмане» в день поминовения усопших⁵⁷. Народу там много толпилось, на ярмарку труда собрались, но такой, как наша Сильвия, негоже ронять свое достоинство, среди этого народа.

⁵⁶ Примерно в 1738 г. методисты возродили древнюю христианскую традицию агапе (вечера любви). После совместной трапезы, символизирующей братскую любовь, следовали длинная проповедь и молитва.

⁵⁷ Отмечается 2 ноября (во всех христианских церквях совершается молебен за упокой всех душ). В этот день проводилась ярмарка рабочей силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.